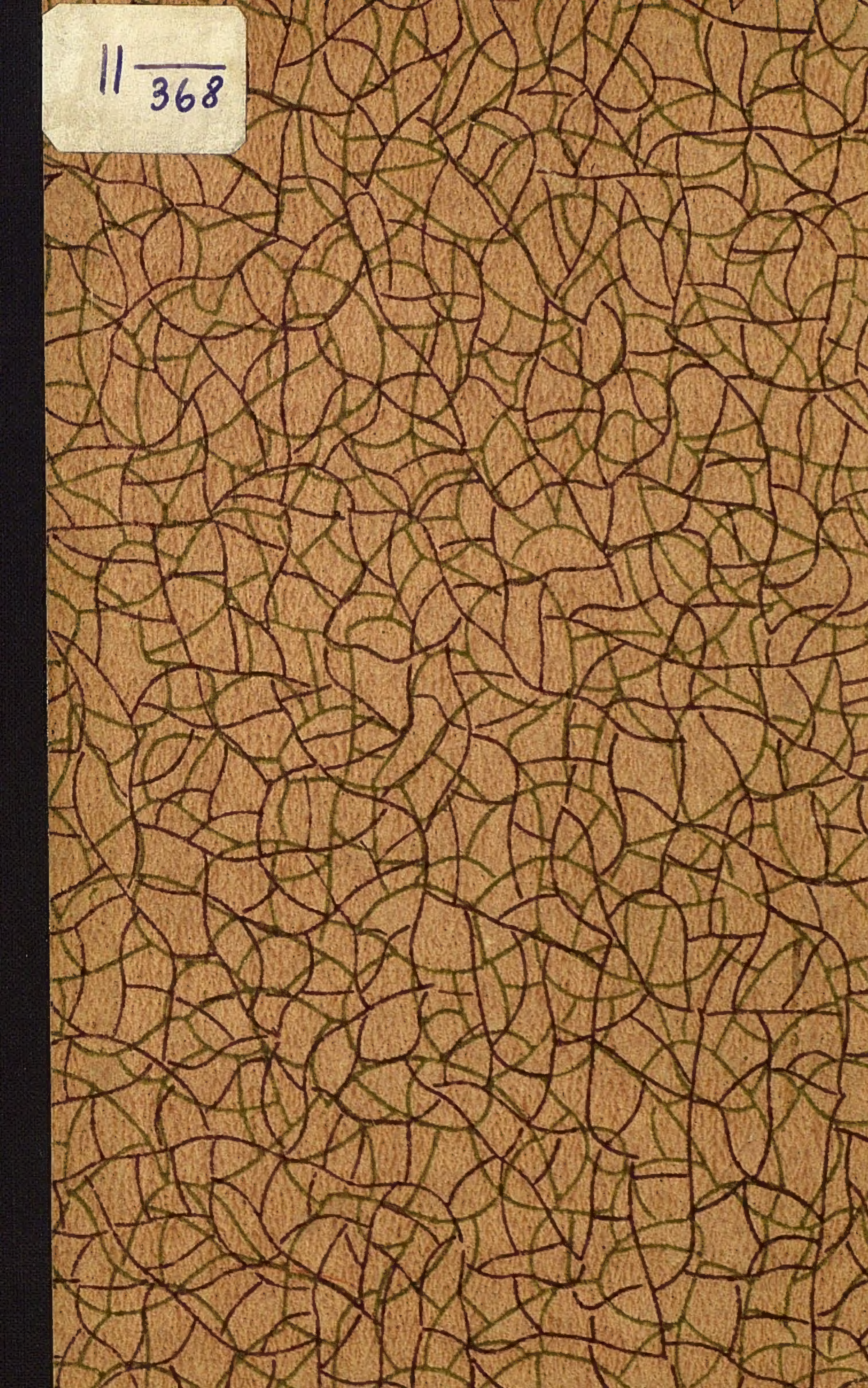

МАКС ГОРДОН

ОЧЕРК ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ РАБОЧИХ В РОССИИ

ЛГСПС

ИЗДАНИЕ ЛЕНИНГР. ГУБ. СОВЕТА
ПРОФЕССИОН. СОЮЗОВ.

Макс Гордон

ОЧЕРК ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ РАБОЧИХ В РОССИИ

Из истории волнений и забастовок

3-е ИЗДАНИЕ (ПЕРЕРАБОТАННОЕ)

ИЗДАНИЕ
Ленинградского Губ. Совета Профессиональных Союзов
1925

Ленинградский Гублит № 15431. Тираж 15.000

Типография Ленинградского Губпрофсовета. Красная, 24-а.

Теория и практика борьбы между трудом и капиталом[1]).

История общества есть история борьбы классов.—„Свободный" труд в капиталистическом обществе.—Борьба между трудом и капиталом есть политическая борьба.—Возможность научного изучения экономической стороны этой борьбы: экономика борьбы.—Капиталистическое государство, свобода стачек и свобода локаутов. — Учение Маркса о классах и классовой борьбе. — Забастовка. — Бойкот. — Лэбель. — Саботаж и террор. — Локаут.—Черные списки.—Штрейкбрехер.—Промышленное посредничество.

История общества есть история борьбы классов. Можно сказать, что класс и классовая борьба— понятия неразрывные, так как между различными классами не может не быть антагонизма, вражды. Расчленение общества на классы начинается с распадением родовой общины. С тех пор клас-

[1]) Г. Г. Швиттау, Промышленные конфликты (СПБ., 1911 г.). В. Ф. Тотомианц, Формы рабочего движения (СПБ., 1906 г.). С. И. Солнцев, Общественные классы (Петроград, 1923 г.). К. Маркс, Капитал. Т. I. К. Маркс, Нищета философии. Н. Рожков, К. Маркс и классовая борьба (Сборник статей „Памяти Маркса", СПБ., 1908 г.). А. Лориа, Рабочее движение (СПБ., 1908 г.). В. А. Поссе, Всеобщие стачки (Женева, 1903). Анонимная брошюра: Стачки и бойкот. Перевод с латышского (Женева, 1902). В. Громан, Материалы о мерах борьбы с забастовками (СПБ., 1914). И. Войтинский, Примирительное и третейское разбирательство (Москва, 1922). Н. Гарви, Капитал против труда. Что такое локауты? (Петроград, 1917). Г. Геркнер, Рабочий вопрос, вып. 1. Перев. с 5-го издания (Москва — Петр., 1917 г.). Вл. Войтинский, Заработная плата (СПБ., 1910). Г. Лагардель, Всеобщая стачка и социализм (СПБ., 1907). Р. Гольст, Всеобщая стачка (СПБ., 1907). А. Салюччи, Теория стачки (СПБ., 1906). Э. Бернштейн, Стачки (СПБ., 1907). А. Исаев, Забастовки (СПБ., 1906). К вопросу о стачечной стратегии, изд. Профинтерна (Москва, 1924 г.). „Arbeitseinstellungen" в Handwörterbuch des Staatswissenschaften, B. I. (Zweite Auflage).

совая борьба заполняет всю человеческую историю: борьба между рабом и рабовладельцем, крепостным и помещиком, подмастерьем и мастером, рабочим и капиталистом—все это виды классовой борьбы.

Однако, характер борьбы в капиталистическом обществе резко отличается от борьбы, существовавшей в рабовладельческом, феодальном или ремесленно-цеховом обществе. Тема нашей работы затрагивает лишь борьбу между рабочими и капиталистами.

В капиталистическом обществе сталкиваются две категории: наемный труд и капитал. Капитал как средство накопления, как орудие производства прибавочной стоимости появляется лишь с развитием товарного хозяйства; докапиталистическая эксплуатация труда носит по преимуществу потребительский характер, т. е. труд раба или крепостного эксплуатировался не с целью накопления прибыли, а с целью удовлетворения потребностей римского патриция и его дома или господского двора в феодальном поместье. Иными словами: в докапиталистических обществах существовал только прибавочный труд, но не было прибавочной стоимости.

В капиталистическом обществе капиталу противостоит «свободный» труд. Карл Маркс сорвал завесу с этой «свободы», так как рабочий, продающий свою рабочую силу, лишен орудий производства, которые монополизированы капиталистами. Юридическая «свобода» тем самым является экономической зависимостью рабочего от капиталиста, «свободный» труд фактически является наемным рабством. Борьба между наемным трудом и капиталом имеет еще другую особенность, которая отделяет ее резкой чертой

от борьбы классов в докапиталистических обществах, несмотря на то, что и в древности, и в средние века мы встречаем массовое движение трудящихся против гнета и эксплуатации [1]).

Борьба труда с гнетом и эксплуатацией до появления капитализма всегда носила беспочвенный характер, так как не было никаких об'ективных предпосылок для победы труда; феодальные отношения и ремесленно-цеховой строй эволюционировали не к «царству труда», а к капитализму. Безнадежная борьба трудящихся против притеснителей неизменно носила религиозную окраску или велась без какой-либо положительной программы. Таким образом, благодаря отсутствию об'ективных предпосылок все эти движения окрашиваются в утопический цвет.

Совсем другое—борьба между наемным трудом и капиталом. Капитализм—последняя стадия развития общества, которая в своем дальнейшем движении создает обстановку для своей собственной гибели. Коммунистическое общество является, таким образом, исторической необходимостью. Поскольку капитализм представляется обществом наиболее развитым и сложным (по сравнению с докапиталистическими обществами), постольку и борьба между капиталом и наемным трудом является более развитой и более сложной, чем борьба труда с эксплуатацией в прошлом. Забастовки, бойкот, лэбель, профессиональные союзы, кооперация, политические партии и т. д.— всего этого раньше не было или, во всяком случае, не более, чем в зачаточной форме (напр.,

---

[1]) Напр., восстание спартаковцев, борьба римских крестьян и пролетариев под предводительством братьев Гракхов, восстание таборитов в Богемии, лоллардов в Англии, крестьянская война и анабаптизм в Германии и т. д.

союзы и стачки подмастерьев в средневековых городах). Поскольку же рабочие ставят себе конечной целью уничтожение наемного рабства, постольку победа обеспечена, так как переход от капитализма к социализму (переход не мирный, а революционный) представляется неизбежным в ходе экономической эволюции.

Борьба между трудом и капиталом является, в конечном итоге, политической борьбой. Самая мелкая, так называемая «экономическая» забастовка может носить политический характер, так как борьба направлена не только против отдельного хозяина, но и против установившегося в капиталистическом обществе порядка; в действительности, экономические забастовки являются мелкими стычками, в них рабочий класс приобретает и закаляет свои боевые качества, необходимые ему для последнего и решительного боя с капиталом. Экономическая забастовка— военная школа классовой борьбы; на почве повседневных нужд стачки втягивают даже самые отсталые слои рабочих, поднимая их классовое самосознание. Далее, победа рабочих на одной фабрике является сигналом для начала забастовки на другой фабрике, если не говорить о всеобщих забастовках, забастовках сочувствия и т. д. В процессе стачечной борьбы происходит мобилизация труда против капитала; «экономика» постепенно переходит в «политику», экономическая борьба приобретает политический характер.

Последний становится еще более ярким, благодаря руководству экономической борьбой со стороны партии. Идея «чистой» экономики (т. е. аполитичности экономической борьбы и независимости ее от партийного влияния) выгодна

одной лишь буржуазии[1]), так как при вытравлении из рабочих сознания общеклассовых задач выдвигаются вперед мелкие профессиональные нужды (борьба за пятачок); в этой борьбе рабочий класс раскалывается по профессиям, группам и цехам, т. е. разрушается единство, без которого невозможна решительная и успешная борьба с капитализмом. Уход экономической борьбы из-под влияния партии способствует раздроблению рабочих сил и ослаблению классовой борьбы. Буржуазии легко удается тогда подкупить подачками отдельные группы рабочих, заражая их оппортунизмом и примиренчеством. С другой стороны, большую опасность представляет бойкотистское настроение, которое сводится к тому, что экономическая борьба—«мелочь» и ни к чему не ведет и что партия должна отказаться от руководства ею. Н. Ленин, выступавший против экономизма, всегда боролся также против отрицания экономической борьбы.

Наконец, связь экономической борьбы с политической выражается также в том, что рабочие в борьбе за улучшение своего быта сталкиваются с капиталистами, об'единенными в капиталистическое государство. В дальнейшем мы увидим, как русские капиталисты пользовались в борьбе с рабочими орудиями полицейского государства—жандармерией, казаками и т. п. Рабочие, сталкиваясь с аппаратом полицейского или капиталистического государства, революционизи-

[1]) О связи эконом. и полит. борьбы, а также критика „нейтрализма"—см. Н. Ленин, Профессиональное движение. Избранные статьи и речи (Ленинград, 1924); Г. Зиновьев, Рабочая партия и профессиональные союзы (Петроград, 1918); К. Каутский, О нейтрализации профессиональных союзов (СПБ., 1906); А. Бебель, Профессиональное движение и политические партии; Н. Ленин, Г. Зиновьев и Ю. Каменев, Марксизм и ликвидаторство. Сборник статей (СПБ., 1914, II издание—1924 г.).

руются и выдвигают политические требования. И в данном случае «экономика» превращается в «политику».

Такое переплетение экономической и политической борьбы особенно характерно для истории рабочего движения в России, где пролетариат выступал с самостоятельными политическими требованиями (политические забастовки). С развитием буржуазного общества, когда «правопорядок» и «гражданские свободы» сметают последние остатки полицейского режима, представители крупных капиталистов (непосредственно или через либеральную интеллигенцию) не прочь об'явить себя сторонниками «свободы стачек» и «свободы союзов». Подобного рода «свободы» являются не только результатом борьбы со стороны рабочего класса. «Свобода стачек» на устах капиталистов означает также «свободу локаутов», а «свобода рабочих союзов»—«свободу предпринимательских об'единений».

В развитом капиталистическом обществе господствующий класс чувствует свою силу и понимает, что при «свободе борьбы», когда государственная власть является «третьей стороной», победа будет за ним. Капиталисты, опираясь на свою экономическую силу, сознают, что слабым рабочим союзам они могут противопоставить армию штрейкбрехеров, что любую забастовку могут задушить всеобщим локаутом, зачинщика могут занести в «черный список». С другой стороны, об'являя «свободу стачек», капиталисты уверены, что правительство капиталистического государства все же придет на помощь господствующему классу в том случае, если «свобода» будет угрожать их основным интересам или существованию самого капиталистического общества.

Пролетариат, в свою очередь, борется за «свободу стачек», так как невмешательство государственной власти облегчает его борьбу с капиталом. «Свобода стачек», как и другие свободы, входит в программу-минимум политической партии рабочего класса; революционный пролетариат в своей политической борьбе не ограничивается лозунгом «свободы коалиций» (т. е. свободы стачек, союзов и собраний), а выдвигает его вместе с другими политическими требованиями.

Если классовая борьба—борьба между трудом и капиталом—является борьбой политической, то из этого не следует, что нельзя, в целях научного изучения, обособить экономическую сторону этой борьбы. Наш очерк посвящен экономическим проблемам борьбы между трудом и капиталом в России. Мы изучаем экономику борьбы, т. е. борьбу как народно-хозяйственное явление [1]). Борьба между трудом и капиталом является отраслью экономической науки. Политика государства в области регулирования борьбы между трудом и капиталом составляет отрасль политики труда, а последняя входит в состав экономической политики, т. е. практической политической экономии.

Таким образом, политическая экономия, как наука о производственных отношениях, есть прежде всего учение о классах и классовой борьбе. Мы не остановимся на развитии проблемы клас-

---

[1]) Так как настоящий очерк охватывает экономическую борьбу между трудом и капиталом в России, то о политической борьбе и революционном движении в России здесь упоминается лишь, поскольку это необходимо для выяснения экономической стороны пролетарской борьбы. Не упуская из виду зависимость между экономической и политической борьбой, мы искусственно отделяем экономическую сторону и рассматриваем ее, по возможности, отдельно: о чисто политических выступлениях здесь упоминается лишь вскользь.

сов и на основных учениях о классах. Но нельзя пройти мимо марксистской теории, в которой учение о классах и классовой борьбе дошло до кульминационной точки своего развития.

Карл Маркс не создал, вернее, не успел создать цельной теории о классах (третий том «Капитала» как раз обрывается на этом вопросе), его воззрения на природу классов и классовой борьбы (в его «Нищете философии») выражены в следующих словах: «Крупная индустрия сближает множество друг другу незнакомых лиц на одном и том же месте... Стремление поддержать заработную плату на данном уровне, стремление, представляющее общий интерес работников относительно их мастера, соединяет их на почве единой общей мысли о сопротивлении на почве коалиции... Перед лицом всегда об'единенного капитала сохранение ассоциаций для рабочих становится делом более важным, чем сохранение заработной платы. И это в такой мере справедливо, что английские экономисты бывают крайне удивлены, когда видят, как работники значительную часть своего заработка отдают в кассу ассоциаций, хотя последние, по мнению экономистов, в интересе заработной платы и были учреждены. В такой борьбе, воистину гражданской войне, об'единяются и развиваются все элементы для предстоящего генерального сражения. Но раз коалиции дошли до этого, они уже принимают характер политический... экономические отношения обратили массу населения в работников. Господство капитала создало для этой массы некоторую общую почву, некоторые общие интересы. Таким образом, эта масса людей уже составляет класс в противоположность капиталу... Интересы, которые она отстаивает, становятся классовыми

интересами. Но борьба класса против класса есть политическая борьба».

И Маркс и Энгельс рассматривают класс как производственную категорию, как элементы производственных отношений. В капиталистическом обществе борьба ведется между двумя основными категориями производства: трудом и капиталом. Труд создает прибавочную стоимость, так как орудия производства монополизированы капиталистами. Однако, буржуазная экономическая мысль, стоящая на точке зрения социальной гармонии и примирения классов, отрицает теорию антагонизма классовых интересов и классовой борьбы. Классическая политическая эконсмия (в лице Адама Смита и др.) приравнивала антагонизм труда и капитала к столкновению продавцов и покупателей (в данном случае продавцов и покупателей рабочей силы), интересы которых различны, но не противоположны; но так как покупатель и продавец друг без друга обойтись не могут, то столкновение их интересов всегда ведет к соглашению. Такая идея социальной гармонии есть излюбленная идея капиталистов, так как ею пролетариату внушается мысль об отказе от борьбы против наемного рабства и санкционируется монополия буржуазии на орудия производства, т. е. на эксплуатацию рабочего класса.

Борьба между трудом и капиталом в капиталистическом обществе принимает различные формы. Со стороны рабочих об'является забастовка или бойкот; саботаж или террор применяются в редких случаях и лишь в некоторых странах. Для борьбы с капиталом рабочие об'единяются в профессиональные союзы. Капиталисты, поскольку они не пользуются полицейским или военным аппаратом капиталистического государ-

ства, борются против рабочих локаутами, поддержкой штрейкбрехеров и черными списками; для борьбы с рабочими капиталисты создают предпринимательские союзы. Наконец, как на более мягкую форму борьбы следует указать на примирительное и третейское разбирательство.

Забастовкою является намеренное приостановление работ в результате массового соглашения. В забастовке всегда участвует масса, хотя бы небольшая группа рабочих. Отдельный рабочий независимо от массы не может бастовать. Не бывает также безмотивных забастовок, как не существует вообще действий без мотивов. Забастовка, являясь формою борьбы против капитала, играет также созидательную роль: она способствует росту классового самосознания рабочих, а вместе с тем подготовляет последних в боевом отношении для осуществления конечной цели — социалистического строя. Наконец, забастовками рабочие достигают улучшения своего положения в пределах капиталистического строя [1]). Всякое соглашение между рабочими и хозяевами является перемирием, так как в капиталистическом обществе забастовки — постоянное явление. Можно сказать, что забастовка, как экономическое явление, органически связана с капиталистическим строем [2]).

Успех забастовки зависит от соотношения сил рабочих и капиталистов, от тактики рабочих организаций и от промышленной кон'юнктуры. В последнем случае мы видим, что рабочие могут расчитывать на успех в период промышленного под'ема, когда забастовка больно ударяет по карману предпринимателя. В период застоя и кри-

---

1) Г. Г. Швиттау, Промышленные конфликты.
2) Вл. Войтинский, Заработная плата, стр. 37—38.

зиса, когда происходит массовое закрытие предприятий и увеличивается безработица, забастовки в большинстве случаев неудачны и носят оборонительный характер.

Врагами рабочих выступают во время забастовки не только предприниматели и их агенты, но и из рабочей среды—штрейкбрехеры. Последние рекрутируются предпринимателями из резервной армии безработных и деклассированных элементов общества. Для борьбы со штрейкбрехерством профессиональные союзы помещают об'явления в газетах или вывешивают об'явления на улицах, станциях и пристанях, уведомляющие ищущих работы о предприятиях, в которых об'явлены забастовки и где места находятся под бойкотом. С другой стороны, бастующие устанавливают пикеты (посты) как для недопущения штрейкбрехеров к работе, так и для охраны предприятий от провокаторов. Наконец, сами штрейкбрехеры подвергаются со стороны рабочих бойкоту.

Забастовки бывают частичные—когда охватывают одно предприятие или часть его, напр., отдельную мастерскую большого завода; групповые—когда к забастовке примыкают несколько предприятий однородного производства или связанные друг с другом, и всеобщие.

Всеобщие забастовки охватывают все или главнейшие отрасли труда [1]) в одной местности или в целой стране.

Забастовки бывают экономические [2]) и политические. Различают также забастовки сочувствия и забастовки протеста, когда рабочие одних

---

[1]) Т. е. „командные высоты" или узловые пункты народного хозяйства.

[2]) Поскольку не выдвигаются политические требования.

предприятий бастуют в знак сочувствия или для поддержки товарищей, бастующих в другом предприятии, или в знак протеста против правительственного или предпринимательского (или его агентов) произвола.

По своим задачам различаются стачки наступательные (об'являемые с целью улучшить условия труда) и оборонительные (с целью воспрепятствовать дальнейшему ухудшению условий труда или желаниям хозяев отнять прежние завоевания).

По методам различают стачки перемежающиеся (день работают, день бастуют), партизанские (раньше бастуют одни предприятия, затем другие, потом третьи и т. д.) и др.

В западно-европейских странах и Америке профессиональные союзы были еще задолго до войны 1914—18 г.г. признаны юридическими лицами, а забастовки считались правомерными актами, не наказуемыми ни уголовным, ни гражданским кодексами [1]).

Другим средством борьбы труда против капитала является «бойкот» [2]) потребительский и личный. При потребительском бойкоте происходит массовый отказ от потребления товаров определенной фирмы, неугодной рабочей организации. Список бойкотируемых фирм (черные листы) обыкновенно публикуется в печати. Этот вид бойкота

---

[1]) Но насилия и эксцессы были воспрещены.

[2]) Слово „бойкот" произошло от собственного имени Boycott, управляющего имением в одном из графств в Ирландии. Бойкот подвергся в 1880 г. в такой степени всеобщему преследованию, что должен был эмигрировать в Америку; но печальная слава последовала за ним, и скоро в Америке, а затем и повсюду бойкотом стали называть общественный остракизм. По другим версиям, Бойкот, пробыв в Америке лишь два года, возратился на родину и, перейдя на сторону своих прежних врагов, стал одним из самых популярных лиц в стране (Г. Г. Швиттау. Промышленные конфликты, стр. 240—254).

не всегда может быть применим, так как в большинстве случаев ограничен местным потребительским рынком и фирмами, производящими предметы широкого потребления. При личном бойкоте отказываются от сношения с определенным лицом, напр., со штрейкбрехером. Во время забастовки места бастующих об'являются под бойкотом, и ни один рабочий не в праве занять какое-либо из этих мест.

К бойкоту тесно примыкает «лэбель» [1]), т. е. наклейка ярлыка или наложение клейма на товары тех фирм, у которых рабочая организация разрешает купить, в виду их хорошего отношения к рабочим или удовлетворения рабочих требований. Список предпринимателей, удовлетворивших рабочие требования (белые списки), публикуется в печати. В России лэбель не находил применения.

Наконец, как средство борьбы труда против капитала можно отметить «итальянскую забастовку» (умышленно медленная работа) [2]), пассивное сопротивление (рабочие являются в мастерские, но не приступают к работе), саботаж [3]) (умышленно плохая работа, порча материалов и т. п.) и террор (убийство лиц, неугодных рабочим, вывоз на тачке, битье стекол и т. д.). Но к этим средствам редко прибегают. Впрочем, в России террор, вследствие неорганизованности рабочих и полицейских условий жизни, находил применение.

Капитал в борьбе против труда пользуется «локаутом» [4]): предприятия отказываются от

---

1) Г. Г. Швиттау, Промышленные конфликты, стр. 225—277.
2) Впервые применялась на одной жел. дороге в Италии.
3) От слова sabot—тормоз (Геркнер, стр. 180).
4) Г. Швиттау, стр. 315—321; слово локаут (lock out), английского происхождения, означает: запирать перед кем-нибудь двери, не впускать, выбросить вон.

найма или расчитывают рабочих, не принявших требования предпринимателя. Локауты бывают полные, т. е. распространяющиеся на всех рабочих в данном предприятии, и частичные, распространяющиеся на некоторые категории рабочих в данном предприятии. Бывают также: всеобщие локауты, охватывающие все предприятия данного промышленного района, локауты сочувствия, об‘являемые с целью разорить рабочие организации, программные—с целью сохранить или ухудшить старые условия найма, и штрафные локауты (напр., за празднование 1 мая).

Сильным орудием борьбы против труда являются также «черные списки» [1]), в которые обыкновенно включаются рабочие вожаки и агитаторы с тем, чтобы их бойкотировали, чтобы ни один предприниматель не дал им работы. От явных черных списков следует отличать скрытые списки в виде частных писем и т. п.

При забастовке предпринимательские союзы организуют вооруженную защиту штрейкбрехеров [2]), оказывают помощь их так называемым «желтым рабочим союзам».

Наконец, следует упомянуть о страховании предпринимателей на случай забастовки, о бойкоте предпринимателями фирм, не примкнувших к локауту (или признающих рабочие союзы), устройство предпринимателями благотворительных учреждений с целью отвлечь рабочих от участия в профессиональных союзах [3]), требование подписки от рабочих о непринадлежности к профессиональному союзу и т. д.

---

[1]) Там же, стр. 321—331.
[2]) Там же, стр. 335—336.
[3]) Там же, стр. 337—368.

Как на формы мирной борьбы между трудом и капиталом и способ их улажения можно указать на «промышленное посредничество» [1]), видами коего является «соглашение» (примирительные камеры в составе представителей обеих сторон, когда конфликт решается по взаимному соглашению) и «арбитраж» (третейский суд, когда конфликт разрешает третье лицо, которое обыкновенно и председательствует). Посредничество бывает добровольное и принудительное. В последнем случае роль посредника берет на себя государство, причем ограничивается право забастовок или до об‘явления забастовки требуется предварительное расследование и разбор конфликта органами гооударственного посредничества.

---

[1]) Там же, стр. 369—460.

Волнения рабочих в крепостной России [1]).

Развитие промышленности в 18 столетии. — Вотчинные и поссессионные фабрики.—Поссессионные рабочие.—Рост машинного производства в первой половине 19 века. — Развитие вольнонаемного труда.—Положение помещичьих и поссессионных рабочих.—Волнения горнозаводских крестьян в 18 столетии. — Возмущения крестьян Авзяно-Петровского завода (1754—1780).—Волнения на заводах Репнина (1754—1769).—Волнения на Большой Ярославской мануфактуре (1803—1824). Движение крестьян Холупицких железоделательных заводов Яковлева (1813—1817).—Волнения на фабрике Осокина (1796—1849).—Бунт крестьян на бумажной фабрике Гагарина (1826).—Движения на шелковых фабриках в Фрянове (1771 — 1837) и Купавне (1834), на суконной фабрике Гарденина (1811) и др. — Волнения на Ревдинском заводе (1825 и 1841 г.г.).—Волнения на постройках железных дорог.

Возникновение промышленного капитализма в России связывают с концом семнадцатого столетия, но зародыши его имелись значительно

[1]) М. И. Туган-Барановский, Русская фабрика (изд. „Московский Рабочий", Москва, 1922). В. И. Семевский, Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II (Спб., 1881). Его же, Рабочие на Сибирских золотых промыслах, т. I (Спб., 1898). К. Пажитнов, Волнения среди фабрично-заводских рабочих. С 1824 по 1860 г.г. („Архив истории труда в России", кн. I и II). Его же, Рабочие волнения в царствование Александра I (там же, кн. V и IX). Его же, Возмущения рабочих Ревдинского завода в 1841 году (там же, кн. VI—VII). Его же, Положение рабочего класса в России, т. I, (Петр. 1923 г.), Его же, Рабочее движение при крепостном праве (Москва, 1923 г.). В. Фриче, Рабочее движение в России (Москва, 1923). М. Балабанов, Очерки по истории рабочего класса в России, ч. I (Киев, 1924). Ив. Полосин, Промышленная статистика и политика 18 века („Труд в России", кн. I), Юлий Гессен, Принудительное обращение помещичьих крестьян в горнозаводских рабочих („Архив истории труда", кн. I); Его же, Военно-судные комиссии для рабочих на золотых промыслах (там же, кн. V). А. Шебалов,

раньше. Фабрично-заводские предприятия в допетровской Руси организовывались государством, обслуживая, главным образом, военные нужды. Потребности военного характера и об'ясняют тот факт, что в крупной промышленности первое место занимала добыча и обработка металлов (горные заводы на Урале, пушечные и ружейные заводы). Впоследствии (при Петре I) государственные предприятия стали передаваться частным лицам, крупным купцам, компаниям и помещикам, так как ведение хозяйства при помощи чиновников оказалось невыгодным. С целью заинтересовать торговых людей, обладавших денежными средствами, правительство вводило различные льготы. Последними торговый капитал привлекался в промышленность.

Точных цифровых данных, иллюстрирующих рост промышленности в 18 и первой половине 19 века, не имеется. По одним источникам, в 1762 г. было свыше двухсот фабрик, по другим—свыше четырехсот, по третьим—около 950 и т. д. Дальнейший рост капитализма обрисовывается следующими противоречивыми данными: в 1796 г. было, по одним источникам, свыше 3 тысяч предприятий, по другим—свыше 2 тысяч. В то время, как одни исследователи, основываясь на цифрах, указывают на весьма быстрый рост капитализма в крепостной России, другие раскрывают несовершенство промышленнной статистики 18-го

Материалы для истории рабочих на горных заводах (там же, кн. I). Д. Каргин, Рабочие на постройке Петроградско-Московской жел. дороги (там же, кн. III и V); Его же, Положение рабочих на постройке Главного Общества Российских жел. дорог (там же, кн. VIII). Л. Айзенберг, Как жилось рабочим на постройке Волжско-Донской жел. дор. (там же, кн. VIII). А. Ф. Добрынин, На постройке и эксплуатации жел. дорог („Труд в России“, кн. I). Юдин, О заводском бунте на Урале („Русская Старина“, 1894 г., № 12).

века [1]). В общем промышленность была слабо развита (применялся ручной труд), и в стране преобладало сельское хозяйство. Крепостное право, царившее в сельском хозяйстве, угнетало также и фабричных рабочих.

Предприятия, пользовавшиеся принудительным трудом, разделялись на вотчинные и поссессионные. Вотчинные могли принадлежать только дворянам, помещикам; так как крепостное право предоставляло помещику распоряжаться трудом своих крепостных, то помещик мог употреблять крепостных и на фабричные работы. Поссессионными предприятиями назывались такие, которым правительство дало пособие землей, строениями, рабочими людьми или деньгами, или же дозволило купить крестьян, если владельцы по званию своему не имели на это права. Фактически в состав поссессионных рабочих входили также приписные к заводам казенные крестьяне [2]). Кроме того, к заводам и фабрикам прикреплялись солдатские дети, «праздношатающиеся» и арестанты.

В отличие от крестьян помещичьих фабрик, поссессионные рабочие были прикреплены не к владельцу, а к предприятию. Власть фабриканта над рабочими была ограничена и взаимные отношения между ними регулировались правительством. Поссессионные рабочие составляли вместе с фабрикой одно нераздельное целое; владелец не имел права раздроблять фабрику, продавать крестьян отдельно от фабрики или переводить их на другую, изменять характер производства или сокращать его. Состоящих при фабрике ра-

---

1) См. статью Ив. Полосина в сборнике „Труд в России", книга I.

2) Официально они обязывались отработать подати, но фактически фабриканты эксплуатировали их труд и в „свободное время", приравнив их к остальным (т. е. поссессионным) рабочим.

бочих владелец мог употреблять только на фабричные работы, выдавая им «достаточную» заработную плату; размер этой платы, продолжительность рабочего дня, высота уроков (при поштучной работе) устанавливались владельцем, но рабочие имели право жаловаться на эти постановления. С другой стороны, и фабрикант имел разнообразные средства заставить рабочих повиноваться ему. Помимо так называемых «домашних наказаний», фабрикант мог в некоторых случаях отправить непослушного рабочего в Сибирь, но только с разрешения мануфактур-коллегии.

Помимо поссессионных рабочих, на фабриках работали в небольшом числе: вольнонаемные (из посадских людей, т. е. свободного городского населения и оброчных крестьян, уходивших на фабрики с целью заработать на оброк) и кабальные, нанимаемые фабрикантами у помещиков, причем плата выдавалась не рабочим, а помещикам.

Рост денежного хозяйства захватывал деревню, расширяя рынок для промышленности и вызывая необходимость увеличения товарного производства. Эта необходимость сделала неизбежным усовершенствование способов производства, т. е. введение машин и развитие машинного производства. Сравнительно (с предыдущим веком) быстрый рост капитализма в первой половине девятнадцатого столетия иллюстрируется следующими данными: в 1804 г. было около $2^1/_2$ тысяч фабрично-заводских предприятий с числом рабочих более 95 тыс. человек, в 1825 г. — более 5 тыс. предприятий с числом рабочих свыше 210 тыс. человек и в 1860 г. — свыше 14 тыс. (по другим источникам—свыше 15 тыс.) фабрик

и заводов с числом рабочих около 540 тыс. (по другим источникам,—свыше 565 тыс.) человек.

Особенно сильно росла текстильная промышленность, так как, благодаря блокаде, об'явленной Наполеоном I, прекратился ввоз товаров из Англии и России пришлось позаботиться о развитии собственного производства. За первую половину девятнадцатого столетия переработка хлопка увеличилась в 16 раз. Выплавка чугуна за то же время увеличилась вдвое. Развитие машинного производства требовало замены принудительного труда вольнонаемным.

Уже в начале девятнадцатого века фабриканты охотнее пользовались более производительным трудом вольнонаемных; кроме того, в отношении к вольнонаемным рабочим высота заработной платы устанавливалась по «взаимному соглашению», в то время как за поссессионными рабочими признавалось право требовать «достаточной» платы. В то время как в периоды промышленного застоя фабрикант мог распустить вольнонаемных рабочих, поссессионных рабочих он должен был оставить на фабрике и сохранить за ними их заработок.

Владельцы поссессионных предприятий не имели права сокращать или изменять по своему усмотрению род производства. Но с возникновением новой отрасли производства—хлопчатобумажной, владельцы начали изменять сорт и качество изготовляемых изделий (напр., кроме грубых солдатских сукон, стали выделывать также тонкие сукна) и вводить новые машины. Тогда поссессионное предприятие явилось уже тормазом для дальнейшего развития промышленности, тем более, что фабрикант должен был каждый год изготовлять одно и то же количество

продуктов, хотя бы на них не было никакого спроса.

Экономическая необходимость вызвала постепенное ослабление и уменьшение принудительного труда, пока противоречия между развившимся капитализмом и крепостным правом не привели к полному крушению последнего.

С 1808 г. крестьяне, покупаемые суконными фабриками, прикреплялись к фабрикам не навсегда, а на определенный срок—не более двадцати лет, а затем становились вольными. Затем эти правила были распространены и на другие фабрики. В 1816 г. покупка крестьян к фабрикам и заводам была совершенно запрещена. Приписка крестьян к фабрикам прекратилась еще ранее, так что число поссессионных рабочих могло увеличиваться только путем естественного размножения.

Наконец, фабриканты получили (в 1840 г.) право освободить поссессионных рабочих и заменить принудительный труд вольнонаемным. Этим правом воспользовались 42 поссессионных фабрики, отпустившие на свободу более пятнадцати тысяч рабочих мужского пола. «Если припомнить, что поссессионные рабочие увольнялись и до 1840 г., то не будет преувеличением сказать, что более половины всех поссессионных фабрик по желанию самих владельцев перешли от принудительного к вольнонаемному труду, потому что экономическая эволюция, вызвавшая к жизни в 18 веке институт поссессионных фабричных, сделала его в 19 веке излишним». Одним из главных мотивов к освобождению владельцами поссессионных рабочих явились также волнения поссессионных рабочих и их постоянные жалобы на фабрикантов. Освобождаемые

рабочие переводились в городские сословия или в государственных крестьян. Поссессионные фабричные, перешедшие в мещане, получали подусадебные земли или на месте своего прежнего жительства, или в других местах; но в других случаях фабричные, поступая в городские сословия, продавали с публичного торга свои дома и не получали подусадебной земли. «Нечего и говорить, что при таких условиях свобода для многих фабричных была равносильна разорению, и от прекращения поссессионных отношений гораздо больше выигрывали фабриканты, чем рабочие» [1]).

Численность вольнонаемных рабочих все более и более возрастала: напр., в 1804 г. их было 48% общего числа рабочих, в 1812 г.—51% и в 1825 г.—свыше 54%.

Положение рабочих, как помещичьих, так и поссессионных, было ужасающим. Работавшие на вотчинных фабриках всецело зависели от произвола помещика, который мог их переводить с сохи на фабрику или с фабрики на «домашние работы», распоряжался личностью крестьян (продажа их в другие местности, телесные наказания и т. д.). Плата назначалась по усмотрению помещика, который во многих случаях ничего не платил, выдавая фабричным ничтожное содержание натурою. Рабочий день не регулировался и был не короче 12-часового. На небольших фабриках [2]) работа производилась «брат на брата», т. е. крестьяне полгода работали на фабрике, на владельца, а полгода на себя, занимаясь полевыми работами.

---

[1]) Туган-Барановский, стр. 106, 110—111.
[2]) Не всех.

Жаловаться на помещиков рабочие не имели права, в то время, как царское правительство не вмешивалось в их взаимные отношения. Права владельцев поссессионных предприятий по отношению к рабочим были ограничены (напр., они не могли отрывать их от фабричного труда, рабочие могли жаловаться на фабрикантов и т. д.), но, тем не менее, положение последних было очень тяжелое. Так, по официальным данным, относящимся к 18 веку, суконщики работали в день $14^{1}/_{2}$ часов. Если рабочий три раза не приходил на работу, его штрафовали в размере двухдневной платы и били батогами. За непослушание и дерзость рабочих били то батогами, то плетьми или ссылали на каторжные работы. На большей части фабрик помещения были так дурно устроены, что «ткачи насилу и столько денного света имели, дабы тканье свое точно высмотреть», другие же работники пряли и чесали шерсть и стригли сукно в темноте [1]). Рабочие нищенствовали и, по словам исследовавшей их положение правительственной комиссии, они «так ободрано и плохо одеты находятся, что некоторые из них насилу и целую рубаху на плечах имеют» [2]). Положение суконщиков не улучшилось и в начале девятнадцатого века. Правда, продолжительность рабочего дня на большинстве фабрик была сокращена до 12 часов, но были и такие фабрики, где работали 14 и даже 16—17 часов в сутки. В широких размерах применялся женский и детский труд (в возрасте от 9 до 12 лет). Заработная плата была ничтожная, не превышая 22 коп. в день [3]); но в связи с бы-

1) Семевский, т. I, стр. 461.
2) Там же.
3) В переводе на деньги 90-х годов 19 столетия.

стрым ростом текстильной промышленности быстро росла также и плата за труд. Обстановка труда и обращение с рабочими были невыносимы. Рабочих часто штрафовали, заставляли покупать продукты по дорогим ценам из фабричной лавки и за малейшие провинности подвергали жестоким телесным наказаниям.

Положение горнозаводских рабочих было невыносимым. Крестьян, купленных к заводам, отрывали от сельского хозяйства и гоняли за сотни верст на тяжелые и непривычные для них фабричные работы. В глухих местах Урала произвол и экспуатация фабрикантов не имели предела. Рабочий день длился с 12 до 14 часов в сутки, причем на работы гоняли также детей и стариков. Заработная плата была ничтожная, и рабочие влачили жалкое существование. Процветали телесные наказания, вымогательство и безграничная эксплуатация рабочей силы.

Волнения на поссессионных заводах и фабриках начали происходить уже в конце семнадцатого столетия.

Рабочие пользовались правом жаловаться на владельцев. Но этого мирного способа борьбы было недостаточно. Бунт и террор (личный и экономический) служили теми крайними средствами, без которых рабочие крепостной России обойтись не могли. В последних случаях на помощь предпринимателям высылались карательные экспедиции, так как правительство рассматривало бунт против фабриканта, как возмущение против власти. Жестоко расправлялись также с рабочими, подававшими жалобу.

Борьба против фабрикантов и помещиков превращалась в борьбу против крепостного режима и поддерживающего этот порядок царского пра-

вительства [1]). Таким образом, уже в дореформенной России экономической борьбе рабочих придается политический характер.

Но о какой-либо классовой борьбе в современном смысле и о развитии классового самосознания в ту пору не могло быть и речи, так как капитализм был еще слабо развит, в стране царили крепостные отношения, и рабочие не совсем еще выделились в самостоятельный класс (напр., значительная часть приписных крестьян не была оторвана от земледельческого труда, не говоря уже о рабочих вотчинных фабрик).

Выступления рабочих и приписных крестьян носят стихийный и разрозненный характер, так как предприятий было тогда очень мало и сообщение между ними было затруднительное (слабое развитие путей сообщения и городской жизни). Но зато при «бунте» рабочие и крестьяне данного предприятия держались дружно и оборонялись с железным упорством. На время борьбы из среды рабочих [2]) выделялись вожаки, выступавшие в качестве ходатаев, ходоков или поверенных. Ходатаи подавали от имени рабочих жалобы, ведали денежными средствами (собираемыми для посылки ходатаев в губернский город или Петербург), руководили борьбою и т. д.

Волнения поссессионных рабочих в общем мало отличались от волнений крепостных кре-

[1]) Если дело не доходило до открытых политических выступлений (напр., Пугачевщина), то все же правительство вмешивалось в борьбу посылкою войск; в таком случае „возмущение" против фабриканта приводило рабочих к столкновению с правительственной властью.

[2]) В тексте под категорию „рабочих" подведены также и приписные крестьяне, занимавшие, в большинстве случаев, одинаковое положение с поссессионными рабочими. Движение крестьян вотчинных фабрик в настоящем очерке мало затронуто, потому что волнения среди этой категории крепостных неразрывно связаны с общекрестьянским движением против крепостного ига, выходящим за пределы темы.

стьян. Если и происходили массовые уходы от работ, то эти «забастовки» мало чем отличались от отказа крепостных выходить на барщину [1]).

Мы остановимся на характерных случаях волнений.

Наиболее ранние сведения сохранились о волнениях крестьян, приписанных к заводам Марселиуса, в Московской губернии (в 1678 г.), жаловавшихся, что приписка к заводам отрывает их от земледельческого труда, т. е. разоряет их хозяйства. Несколько позднее мы имеем уже известия о случаях столкновения между толпами крестьян и воинскими командами (в 1700 г.), причем при вооруженном возмущении крестьян, занятых работами по постройке Екатеринбургских горных заводах (в 1722 г.), к восставшим присоединились работавшие на постройках солдаты, а также мастеровые.

Грандиозные размеры приняло вооруженное восстание крестьян, приписанных к заводам Демидова на Урале и в Калужской губернии (в 1726 и 1752 г.г.), убегавших нередко с работ. После подавления восстания побеги крестьян продолжались. Жалобы их на притеснения и просьбы освободить их от заводских работ оставались без последствий. Однажды часть демидовских крестьян не вышла на работу,—их наказали плетьми и батогами. Когда калужские крестьяне, приписанные к железоделательным заводам Демидова, выпустив воду из заводских прудов, приостановили все работы (1752 г.), против них была выслана военная команда, но она не испугала крестьян, которые были готовы к обороне, обученные к этому жившим в волости

[1]) Материалы по истории проф. движения в России, сборник II, стр. 62—63.

солдатом Дмитриевым. Произошло столкновение, и воинская команда потерпела поражение. Впрочем, позже восстание было усмирено, главных зачинщиков сослали в сибирь, несколько сот мужчин и женщин наказали кнутом, плетьми и кошками.

Вооруженные бунты происходили также на других заводах. Эти разрозненные выступления захватили в 1762 году на Урале 49 тысяч приписных крестьян, прикрепленных к горнозаводским предприятиям [1]. Сигнал к восстанию дали крестьяне двух заводов (Воткинского и Ижевского), причем большую роль играл подложный манифест об отмене обязательных работ, составленный дьячком Кузьминым совместно с одним из приписных крестьян. Интересно отметить, что последние послали в Петербург челобитчиков, которые, несмотря на все препятствия, лично подали жалобы царю (Петру III) и сенату. Но назначенная для расследования этих жалоб комиссия (в царствование Екатерины II) не приняла их во внимание, а, усмотрев возмущение и непокорность, приговорила многих крестьян (свыше двухсот человек) к телесным наказаниям. Войска, под командой генерала Бибикова, ликвидировали восстание, но крестьянам были сделаны некоторые уступки, напр., им были уплачены недоданные заводчиками деньги, для регулирования работ приписных на заводах (Воткинском и Ижевском) были выработаны примерные правила (ограничение права заводоуправлений наказывать крестьян, признание выборных от приписных крестьян и т. д.).

---

[1]) Эта цифра приведена в записках Екатерины II (Семевский. т. II, прим. к стр. 322.

Когда Авзяно-Петровский завод, находившийся в расстоянии 600 верст от крестьянского жилья, перешел (1754 г.) в частные руки, крестьяне сочли соответствующий сенатский указ за подложный и отказались от работы. Войска жестоко расправились с ними. После того берг-коллегия нашла еще необходимым наказать тридцать крестьян плетьми и вывезти на заводы с их семьями с тем, чтобы «быть им там вечно... и... употреблять их без очереди в тягчайшие заводские работы»; сверх того берг-коллегия приказала каждого сорокового человека, по жребию, публично высечь плетьми в их селениях. Надо заметить, что «переселение в виде наказания на завод было едва ли легче ссылки на каторжную работу, так как постоянная, бессменная работа на Авзяно - Петровском заводе была ничем не лучше работы в крепостях или рудниках» [1]).

Сенат не только утвердил решение берг-коллегии, но предписал еще, чтобы три главные зачинщика работали в оковах. Посланный для выполнения приговора офицер так усердно исполнил данное ему поручение, что один из наказанных им крестьян при переселении на завод умер по дороге от сурового наказания.

Дальнейший переход завода к новому владельцу (в 1760 г.) вызвал новые волнения. Отправленный в Петербург депутат купил печатный указ, воспрещавший взимание сборов без особого распоряжения, а также принуждение к работам. Когда депутат вернулся с печатным указом, толпа крестьян, вооруженная луками, стрелами и дубинами, отказалась работать и сняла с работы остальных. Прибывшая команда

---

[1]) Семевский, т. II, стр. 323—324.

сурово расправилась с восставшими. Все убежавшие с завода были вскоре водворены обратно. Но крестьяне не успокоились и послали в Петербург новых челобитчиков (в 1761 г.) с жалобой на жестокое обращение с ними и полное разорение их хозяйств. Вскоре крестьяне, присланные на завод, вновь прекратили работы (1762 г.) и значительная часть из них ушла с завода. Волнения на Авзяно-Петровском заводе происходили и позже [1]).

Почти одновременно (1760 г.) имели место волнения крестьян, приписанных к Каслинскому и Кыштымскому заводам Никиты Демидова. Так как они не хотели переселиться на заводы, то были высланы войска. Крестьяне оказали вооруженное сопротивление, причем было ранено свыше пятидесяти солдат. Около трехсот крестьян посадили в тюрьму, а остальные должны были встать на работу.

Продолжительный и упорный характер носили волнения рабочих железоделательных заводов в Тамбовской губернии (в 1751 г.), переданных казною во владение князя Репнина [2]). На заводах было тогда свыше девятисот душ. С передачей заводов в частные руки значительно ухудшилось положение рабочих, попавших в крепостную зависимость. Заработная плата была сразу уменьшена, их стали посылать на работы, прежде ими не исполнявшиеся. Раньше с пуда им платили по 50 коп., а теперь только 20½ коп., но и это вознаграждение не всегда выдавалось деньгами. Один раз мастеровым заплатили косами, ножами, рукавицами, воском, ладаном и лошадьми, при-

---

[1]) Семевский, стр. 414—417 и 506—9.

[2]) О волнениях на заводах Репнина—см. В. И. Семевский, т. I, стр. 413—423.

том по высокой оценке. Часто платили чугуном и железом. Кроме того, приказчики жестоко избивали рабочих за малейшие провинности. Уплата мастеровыми подушных податей также подавала повод к злоупотреблениям со стороны приказчиков: так, в течение полутора года делались вычеты из жалованья рабочих на уплату податей, а между тем деньги не вносились. Когда однажды для взыскания подушной недоимки губернская канцелярия прислала на заводы прапорщика с командою, поверенный Репнина принудил мастеровых вторично уплатить подати, а ранее внесенные деньги возвратил им железом и чугуном.

В конце 1760 г. рабочие через своего поверенного Куприянова подали в губернскую канцелярию жалобу по поводу всех этих притеснений. Но по проискам поверенного Репнина на заводы была послана команда с предписанием наказать нещадно плетьми девятнадцать мастеровых за их «противности и озорничество». Однако, едва Куприянова ударили плетьми два раза, мастеровые освободили его и всех подлежавших наказанию, отняли плети и об'явили, что не дадут обязательства повиноваться Репнину. В 1762 г. Куприянов вновь явился в Петербург и подал жалобу царю. Тогда было приказано произвести следствие для выяснения положения рабочих на заводах Репнина. Между тем рабочие отказались продолжать работу. Они даже устроили свое особое управление, так называемую «станичную избу», во главе которой стоял Куприянов. Здесь выдавались рабочим отпускные письма, собирались с мастеровых денежные сборы на расходы по делу. Не дождавшись решения, рабочие послали в Петербург другого челобитчика. Так как рабочие заявили, что не считают себя

крепостными Репнина и работать на него не будут, начались репрессии. Куприянова и еще десять человек наказали кнутом и сослали в Сибирь. Расправа не испугала рабочих, они отправили в Петербург новых челобитчиков. Сенат дал знать на заводы, что никакие жалобы не будут приняты, пока рабочие не вернутся в «должное верноподданническое безмолственное повиновение», но рабочие ответили: «Указ этот не за собственноручным подписанием ее величества, а от нас на сенат подозрение подано и об обидах и притеснениях послано прошение через наших поверенных». Наконец, в 1769 г. заводы перешли обратно в казну, и рабочие, достигшие своей цели, успокоились.

Организованный характер носили волнения крестьян, приписанных к Олонецким заводам (1769—1771 г.г.). Они собирались большими толпами и устраивали сходки. В некоторых местах, готовясь встретить воинские части, они ночью спали вооруженные, имея, кроме того, наготове лыжи. Жен, детей и свое имущество они развозили по селениям, не приписанным к заводам; в деревнях же оставляли для присмотра только стариков. Против войск выступили до 9 тысяч крестьян, вооруженных винтовками, рогатинами и чем попало [1]).

Волнения крестьян, приписанных к казенным Колывано-Воскресенским горным заводам, возникли из-за обязательных заводских работ. Центром движения была деревня Варюхина. Когда войска задержали около двухсот крестьян этой деревни и заперли их в этапном здании, крестьяне соседних деревень явились толпой с тре-

---

[1]) К. Пажитнов, Положение рабочего класса, т. I, стр. 194—95.

бованием или освободить арестованных, или задержать их вместе с ними. Однако, крестьяне были приведены к покорности.

В пугачевском бунте горнозаводские крестьяне принимали деятельное участие: так, напр., при взятии Пугачевым Казани участвовала толпа заводских крестьян под предводительством Минеева; при осаде Челябинска к Пугачеву присоединились отряды рабочих с соседних заводов, избивших и выгнавших своих начальников, и т. д. Под влиянием слухов о Пугачеве, в самой Москве, по словам Бибикова, «холопы и фабричные оказывали буйственное свое расположение и приверженность самозванцу, который несет желаемую им свободу» [1]). Пугачевское восстание привело к изданию закона (1779 г.), точно определившего работы приписных крестьян и увеличившего плату их вдвое.

Желание освободиться от крепостной зависимости вызвало бурные волнения [2]) на Копнинской бумажной фабрике (1778 г.). Когда владелец сдал несколько рабочих в каторжные работы, остальные освободили арестованных, уже скованных, и заявили, что повиноваться фабриканту не будут. За это трое рабочих были наказаны плетьми. Однако, сенат решил дело в пользу рабочих, признав их не крепостными, а казенными и приписными к фабрике (1794 г.).

И после этого рабочие Копнинской фабрики продолжали волноваться, но уже из-за низкой платы. Они подали (1796 г.) прошение об их полном освобождении или переводе на другую фабрику, но по просьбе владелицы, с целью предотвратить возобновление беспорядков, только

---

1) Там же, стр. 172.
2) Семевский, стр. 431—436.

наиболее беспокойных рабочих перевели на другое предприятие.

На той же почве возникли волнения (1762 г.) на Нижнетагильском заводе [1]). Рабочие, отказываясь считать себя крепостными, добивались, чтобы их сравнили с приписными крестьянами и чтобы им платили наравне с вольнонаемными. Рабочие послали челобитчиков, но один из них был арестован и закован в кандалы. Среди рабочих и крестьян распространился слух, что арестованных будут зашивать в сырые кожи. Они собрались у заводской конторы. Приказчики выставили на крыльце солдат и пушки. Но рабочие отбили пушки и ружья, арестованных освободили. Однако, волнения были, в конце концов, усмирены и зачинщики наказаны. Но рабочие добились своего: их перестали считать крепостными владельца и уравнили с приписными крестьянами.

Испуганное ростом рабочих волнений, правительство было вынуждено (1781 г.) распространить указанные выше правила, введенные на Воткинском и Ижевском заводах, также на другие горные заводы. Впрочем, этим мало улучшилось положение рабочих, и волнения не прекращались [2]).

Из числа волнений, происходивших в девятнадцатом веке, обращают на себя особое внимание волнения на Большой Ярославской мануфактуре, бывшей в начале 19 столетия самой

---

[1]) Семевский, стр. 438—441.

[2]) Движение, охватившее 20 тысяч приписных крестьян разных заводов в Пермской губернии (в 1812 г.), распространилось на большую территорию (три округа с двенадцатью волостями); однако, волнения скоро утихли, и крестьяне добровольно вернулись к работам. (Пажитнов, стр. 174).

крупной в России (около $2^1/_2$ тыс. рабочих [1]). Главным основанием к недовольству была низкая заработная плата. Рабочие подали несколько прошений в Ярославское губернское правление, но в ответ последовало требование, чтобы они «с должным повиновением пребывали спокойными, ожидая от содержателей немедленного рассмотрения показуемого ими», и чтобы поверенные рабочих дали соответствующую подписку (1803 г.). Но поверенные отказались и были наказаны плетьми. В следующем году рабочие послали двух ходоков в Петербург для подачи жалобы царю, но их не допустили к нему и подвергли телесному наказанию, а «для внушения повиновения прочим рабочим людям» многих рабочих публично наказали на фабрике. Однако, рабочие отправили к царю новых депутатов. Дело дошло до сената, который и об'явил рабочим, «чтобы впредь неосновательными жалобами высшее правительство утруждать не отваживались, пребыли в положении своем спокойными и в должном повиновении, в противном же случае подвергнут себя неослабному по законам наказанию».

Это, правда, не помешало рабочим подать (в 1806 г.) царю новую жалобу по поводу жестокого наказания их поверенных и низкой заработной платы. Однако, и последние депутаты были тоже наказаны розгами и отправлены обратно в Ярославль. И тем не менее, рабочие вновь подали жалобу (в 1817 г.) министру внутренних дел [2]). Назначенная тогда особая ко-

---

[1]) О волнениях на Ярославской мануфактуре—см. Туган-Барановский, стр. 114—117.

[2]) Поссессионные фабрики находились тогда в ведении министерства внутренних дел.

миссия нашла, что заработную плату следует повысить, но при этом отметила, что рабочие устраивают «в работное время сходбища и возмущения», и что следует удалить с фабрики зачинщиков и агитаторов. С другой стороны, командированный для расследования положения рабочих чиновник указал, что «праздность, в которой люди сии пребывают [1]), ведет их к своевольным мыслям, — от чего бывают у них беспрестанные сходки, на которых сочиняются жалобы правительству, собираются со стана деньги на хождение по делам».

Чтобы успокоить рабочих, министерство внутренних дел выработало для фабрики особое «Положение», которым была немного повышена заработная плата, установлен 14-часовой рабочий день и введена небольшая пенсия для престарелых и увечных рабочих. Но «Положение» не удовлетворило рабочих. В 1823 г. их поверенные подали лично Александру I жалобу на притеснения фабриканта и низкую заработную плату.

Министру финансов Канкрину было предписано вызвать рабочих депутатов в Петербург, и, несмотря на его протесты, депутаты были (в 1824 г.) опрошены в особом заседании под председательством директора департамента мануфактур и внутренней торговли. Председатель целал все возможное, чтобы побудить рабочих отказаться от их показаний, но они стояли крепко на своем. В результате заработная плата была повышена на 7%, рабочий день сокращен летом до 13 часов и зимою до 12 часов. Но вместе с тем фабричной конторе было предоставлено право «самых неисправных и буйных, а также зачинщи-

---

[1]) Это при 16-часовом рабочем дне.

ков беспорядков и скопищ представлять во всякое время в рекруты».

Исключительным упорством со стороны крестьян отличались длительные волнения в Вологодской и Новгородской губ., в селениях, проданных владельцами крупному заводчику Яковлеву. Он стал принудительно переселять крестьян на свои отдаленные Холуницкие железные заводы (в Вятской губернии). Эта мера разоряла крестьян, значительная часть которых обладала денежными средствами и мечтала выкупиться на свободу. Крестьяне отказывались подчиняться приказам о переселении на заводы, посылали ходатаев в Петербург и к губернатору, а молодые люди выразили желание лучше итти в солдаты [1]), лишь бы избавиться от заводских работ. Новгородские и вологодские крестьяне, принадлежавшие Яковлеву, действовали сообща, послав в Петербург двух депутатов; последние жаловались на жестокое обращение яковлевского приказчика, выразившееся в том, что он немилосердно высек сто пятьдесят человек, у многих разрушил дома и отобрал имущество или скот, запретил производить сельские работы и т. д. Жалобщики указывали также на то, что Яковлев хочет перевести всех крестьян на завод, а землю продать, между тем как закон воспрещает куплю и продажу крестьян без земли.

Между тем в возмутившиеся селения были посланы воинские силы. Введенные в селения (Новгородской губернии) башкиры притесняли крестьян: избивали и грабили их, насиловали их жен и дочерей. Ожесточенные крестьяне, вооружившись пиками, рогатинами, ружьями и даже

[1]) Т. е. на ту службу, хуже которой, кажется, ничего не могло быть!

пушками, выступили против своих притеснителей (1813 г.). Комитет министров предписал Яковлеву вернуть обратно крестьян, уведенных на заводы, и тогда волнение временно улеглось. Но когда возвратившиеся с заводов рассказали о пережитых ими муках, и оказалось, что многие из крестьян умерли во время свирепствовавшей там эпидемии, селения снова заволновались. Дело кончилось кровавым столкновением с войсками. Возмущение было подавлено, крестьяне убежали из селения, но через некоторое время большинство вернулось обратно.

Потерпев неудачу с переводом крестьян, Яковлев купил новые деревни в Вятской же губернии, надеясь, что перевод крестьян из этих деревень, сравнительно близко расположенных к заводу, не встретит препятствий. Но деревни были все же на большом расстоянии от заводов (350 верст), а крестьяне были зажиточны. Ободренные успехами новгородских и вологодских крестьян, вятские крестьяне, вступившие с ними в сношения, восстали с оружием в руках (1816 г.). Против них были два раза высланы отряды, но оба раза безуспешно. Тогда была снаряжена, под начальством бригадного начальника, команда численностью около пятисот человек. В то же время губернатор вступил в переговоры с восставшими, предлагая им покориться. Но крестьяне, пославшие в Петербург ходоков, отказались вести переговоры с местными властями, заявив, что покорятся лишь распоряжению царя. Однако, уступая вооруженной силе, крестьяне все же были вынуждены согласиться переселиться на заводы. Между тем, комитет министров приказал, приняв во внимание жалобы ходоков, приостановить переселение. Но кре-

стьяне об этом не знали благодаря тому, что бумага задержалась в пути. А так как крестьяне стали держаться спокойно, то комитет министров вскоре отменил свое решение. Однако, крестьяне, попавшие в тяжелые условия заводской жизни и оторванные от своего хозяйства, не могли долго мириться со своей участью. За попытку к возмущению крестьяне подверглись (в 1817 г.) жестокой экзекуции: многие из них были немилосердно наказаны, а главные зачинщики и ходоки биты кнутом и сосланы на каторжные работы с вырезанием ноздрей [1]).

Суконщики, измученные тяжелым положением, вели упорную борьбу с фабрикантами и правительством [2]).

На суконной фабрике Осокина в Казани [3]) было занято фабричными работами около тысячи рабочих. В 1796 г. рабочие просили ревизовавшего губернию сенатора Маврина об увеличении заработной платы, и она была повышена. Но позднейшие жалобы по поводу недостаточной заработной платы и притеснений владельца остались неудовлетворенными. С своей стороны, почти все рабочие отказались дать подписку, что

---

[1]) Юлий Гессен, Принудительное обращение помещичьих крестьян в горнозаводских рабочих («Архив истории труда в России», кн. I).

[2]) На суконной фабрике Болотина и Докучаева в Москве волнения произошли уже в июне 1749 г.: большинство рабочих бросило работы и разбежалось. Многих разыскали и привели обратно на фабрики. Когда 127 рабочих отказались работать, сенат приказал каждого десятого из них бить кнутом и, заковав, сослать на каторжные работы. Владелец пытался заменить своих непокорных рабочих солдатскими детьми, взятыми из гарнизонной школы. «Однако, жизнь на фабрике была так нелегка, что многие из них стали просить, чтоб их лучше отдали в солдаты». Солдатские дети массами убегали, за что их подвергали жестоким наказаниям (Семевский, т. I, стр. 471—473).

[3]) О волнениях на фабрике Осокина, см. Туган-Барановский, стр. 117—120.

будут ему повиноваться. В 1817 г. рабочие вновь подали жалобу, причем просили о даровании им свободы на том основании, что они происходят от свободных людей и не были куплены содержателем. Но просьба была отклонена, а обоих поверенных отправили обратно в кандалах: один из них, «претерпевши в пути неограниченное мучение, не смогши снести сего, умер». Все же министерство внутренних дел выработало для фабрики Осокина «Положение», которым была повышена заработная плата и рабочий день сокращен с 14 до 12 часов.

В дальнейшем рабочие неоднократно возбуждали просьбы об освобождении их от зависимости и указывали на жестокое обращение владельца с ними, но их домогательства не удовлетворялись, а «зачинщики» подвергались наказаниям. Несмотря на это, рабочие не только не дали подписки в повиновении, но даже заключили между собой тайно письменное обязательство ни в каком случае не уступать требованиям начальства. Это вызвало особое судебное расследование, и по высочайшему повелению десять рабочих присудили к наказанию плетьми, а одиннадцатый рабочий, Михайло Мясников, должен был присутствовать при наказании его товарищей, причем ему должно было быть об'явлено, что если он выдаст лицо, составившее соглашение, то будет избавлен от наказания, если же нет, то будет наказан тяжелее других. Приговор был приведен в исполнение; Михайло Мясников присутствовал при наказании плетьми его товарищей, причем его отец был засечен до смерти, но товарищей своих он не выдал [1]).

---

[1]) Туган-Барановский, стр. 119.

Подача жалоб продолжалась. Во время смотра войскам в Нижнем-Новгороде рядовой из бывших рабочих Осокина подал жалобу Николаю I на неправильную отдачу его в рекруты (1834 г.). Для расследования положения рабочих на фабрике была назначена особая комиссия. Она отвергла просьбы рабочих об их освобождении от зависимости, несмотря на то, что Осокин, по их словам, засек до смерти трех фабричных, 55 рабочих были им сосланы в Сибирь на поселение, 14 чел. отправлены на Иркутскую суконную фабрику и 76 отданы в рекруты. Рабочие вновь отказались дать подписку в повиновении и в 1836 г., во время пребывания царя в Казани, толпой подали ему новую просьбу об освобождении с жалобами на притеснения Осокина. За это почти все рабочие были жестоко наказаны розгами, а 51 человек удалены с фабрики, из числа которых годных отдали в солдаты, а прочих сослали в Сибирь. Вместе с тем министр финансов разрешил Осокину отсылать на фабричные работы женщин и детей из семейств рабочих.

Лишь в 1849 г. осокинские рабочие получили свободу, за которую они так долго и так упорно боролись.

Отзвуком восстания декабристов были волнения крестьян бумажной фабрики князя Гагарина близ Ярославля (в 1826 г.), на которой работало около пятисот человек. Когда более трехсот крестьян этой фабрики явились к губернатору с жалобою на недостаточность выдаваемого им из фабричного магазина хлеба, на чрезмерную продолжительность рабочего дня и на принуждение их к барским работам в праздничные дни, губернатор наказал зачинщиков. О священнике

их прихода Михаиле, служившем молебен об избавлении крестьян от тягостных господских работ и увещевавшем их стоять друг за друга, губернатор сообщил в духовную консисторию с предложением впредь до расследования отстранить его от должности как лицо, оказывающее вредное влияние на фабричных людей.

Потеряв надежду на губернатора, крестьяне отказались от повиновения и послали двух ходоков в Петербург, а прибывшему исправнику заявили, что не вернутся к работе до тех пор, пока не получат от царя ответа на их жалобу. По мнению исправника, главной причиной возмущения были распространившиеся между крестьянами слухи об ожидаемой к весне свободе. Против крестьян были посланы войска, и многие из бунтовавших жестоко пострадали. Крестьяне снова заволновались, когда узнали, что, согласно высочайшему повелению, зачинщики подлежат ссылке в Сибирь.

Губернатор тщетно убеждал крестьян вернуться к повиновению. Они упорно отказывались, ожидая возвращения ходоков, посланных в Петербург, но при этом держались мирно, чтобы не подать повода к обвинению их в бунте. Когда, несмотря на это, некоторые крестьяне были наказаны розгами, остальные потребовали, чтобы их также наказали, так как все они действуют заодно, и дали друг другу слово не покориться до тех пор, пока не вернутся ходоки. Тогда губернатор заключил многих крестьян в тюрьму. Вместе с ранее арестованными общее количество посаженных в тюрьму превышало двести человек.

Дело арестованных крестьян было в спешном порядке рассмотрено палатою уголовного

суда. Главные зачинщики были наказаны плетьми и отправлены в Сибирь, а остальным об'явили «всемилостивейшее» прощение со внушением впредь пребывать в должном повиновении. Но крестьяне решительно отказались дать подписку в повиновении, и их вновь заключили под стражу. Посланные в Петербург ходоки были арестованы и высланы на место жительства.

Между тем в имении князя Гагарина крестьяне снова заволновались, а некоторые из них убежали. Посланная туда воинская команда водворила порядок. Главнейшие виновники были наказаны кнутом или плетьми, а крестьяне, отказавшиеся дать подписку в повиновении, были сосланы на крепостные работы [1]).

На шелковой фабрике в селе Фрянове [2]) (Московской губернии), где числилось более 500 рабочих мужского пола, начиная с 1771 г. раздавались жалобы на притеснения фабриканта, на низкую заработную плату и на неправильное прикрепление к фабрике. За попытку подать прошение Екатерине II наиболее виновные были наказаны плетьми и сосланы в Сибирь. Несмотря на это, рабочие подают просьбу Павлу I во время его пребывания в Москве, и мануфактур-коллегия предложила (1802 г.) владельцу фабрики увеличить плату рабочим. Но в 1815 г. рабочие жаловались, что владелец не выполнил постановления мануфактур-коллегии, и просили, чтобы за порядками на фабрике и за платежом денег следили выборные от рабочих. Тогда сенат (1820 г.) принудил владельца фабрики увеличить заработную плату и выплатить часть разницы за про-

---

[1]) Пажитнов, стр. 177—184.
[2]) Туган-Барановский, стр. 120—122.

шлое время, а рабочим было разрешено выбрать из своей среды старост. Однако, более сорока рабочих, замеченных в «буйстве», были по просьбе владельца переведены на Екатеринославскую казенную суконную фабрику. А затем были отосланы туда и все выборные. Лишь в 1837 г., вследствие жалобы московскому ген.-губернатору, было велено (1837 г.) не препятствовать выбору старост. Тогда же заработная плата была несколько повышена.

На другой крупной шелковой фабрике в селе Купавне [1]) (Московской губернии), где числилось около семисот рабочих мужского пола, рабочие, жалуясь в 1834 г. на низкую заработную плату, просили сравнять ее с платою вольнонаемных. Вскоре после этого начались беспорядки. Многие рабочие бросили работу; толпа явилась к фабричной конторе, требуя немедленной выдачи хлеба, которая обыкновенно производилась позже. Вместе с тем, рабочие с «дерзостью» спрашивали, где указ на право владения ими. Полиция хотела арестовать нескольких рабочих, но толпа помешала. Тогда в Купавну прибыли две роты солдат и казаки, и началась экзекуция. Вот как рабочие в прошении на имя министра финансов описывают наказание своих товарищей: «Когда троих наказали и хотели наказать еще двоих, то заплечный мастер, видя, что все понятые и собравшийся народ единогласно кричали, что напрасно кровь проливают, и к тому же указ не читали, бросил плети и не стал наказывать и прямо сказал капитану-исправнику: «сам наказывай», а солдаты также преклонили ружья, а капитан-исправник приказал наказывать сотскому

---

[1]) Туган-Барановский, стр. 123—124.

сторонней деревни». Не согласившись дать подписку в повиновении, рабочие неоднократно подавали жалобы, но не добились никаких результатов.

Более крупные волнения произошли в 1811 г. на суконной фабрике Гарденина в селе Бондарях Тамбовского уезда [1]). Поводом послужили прекращение уплаты заработной платы и отобрание владельцем в свою пользу пашенной земли. Рабочие «отреклись от работы» и «с грубостью об'явили, что работать на фабрике не будут». Когда исправник хотел арестовать «главных буянов», рабочие ударили в набат. Чиновники поспешно уехали, но вскоре прибыли воинская команда и следственная комиссия. Комиссия нашла, что главнейшей причиной беспорядков было то, что рабочие, видя, что на соседней фабрике производство прекратилось, «возомнили, что и они могут удалиться от работы». Несколько рабочих были подвергнуты телесному наказанию, а остальные дали подписку «впредь повиноваться неуклонно».

Рабочие Кирицкого чугунно-плавильного и зеркального завода в Рязанской губернии, подали в 1824 г. жалобу на то, что владелец делает вычеты из заработной платы и не отпускает им леса из заводской дачи и кирпича, стали собираться группами и «не один раз попускали себя к новым своевольствам и затейным жалобам». С немалым трудом губернатору удалось склонить рабочих к исполнению своих обязанностей. А между тем рязанская уголовная палата, по жалобе владельца, восьмерых мастеровых присудила (1826 г.) к наказанию батогами.

---

1) Там же, стр. 125.

Вслед затем были присуждены к тюремному заключению еще восемь мастеровых. Кроме того, получив разрешение сдавать мастеровых за дурное поведение в рекруты, владелец сдал четырех рабочих, наиболее замеченных «в буйстве и ослушании», но по дороге в город их отбили, и разыскать их не удалось. Тогда военным судом несколько рабочих были подвергнуты телесному наказанию и сосланы в Сибирь на каторжные работы [1]).

К такому же результату привели вспыхнувшие в 1858 г. волнения на чугунно-плавильном Авгорском заводе в Пензенской губернии. Рабочие и приписные крестьяне требовали увеличения сдельной платы, дозволения рубить дрова в заводских дачах без ограничения и т. д. Были присланы войска. Крестьяне в числе 200 человек, вооруженные дубинами, топорами и ножами, оказали войскам сопротивление, но были усмирены. Зачинщиков подвергли жестоким наказаниям и сослали в Сибирь. Тем не менее в том же году снова произошли беспорядки. А затем по жалобе, переданной ревизовавшему губернию сенатору, последовало повышение заработной платы [2]).

По аналогичным мотивам волновались горнорабочие на Урале [3]). Терпя голод, крепостные рабочие Кислинского завода, принадлежавшего купцу Расторгуеву, ушли (1822 г.) в количестве более пятидесяти человек с завода в Екатеринбург, где заявили, что, получая незначительную плату, не могут даже купить сухого хлеба. В том

---

[1]) К. Пажитнов, Волнения среди фабр.-заводских рабочих (1824—1860 г.г.)—„Архив истории труда в России", кн. I, стр. 86—87.

[2]) Там же, кн. II, стр. 135—136.

[3]) К. Пажитнов, Рабочие волнения в царствование Александра I („Архив истории труда в России", кн. IX, стр. 154—155).

же году отлучились еще сто слишним рабочих из Кыштымского завода, принадлежавшего тому же Расторгуеву, которые также отправились в Екатеринбург и отказались вернуться на завод. Комитет министров постановил главных зачинщиков предать суду, а остальных, ушедших в Екатеринбург, наказав по усмотрению пермского губернского правления, водворить с семействами на казенных Богословских заводах. Назначенные к переводу рабочие были собраны на площади. Когда им прочитали указ о том, что они присуждены к двадцати пяти ударам палками и к переводу на казенные заводы, они заявили, что не признают этого указа, и угрожали поджечь заводы. Ночью рабочие в числе четырехсот задержали заводского исправника и приставили к нему караул. События стали быстро развиваться, и вскоре к движению присоединились рабочие соседних заводов. По сообщению берг-инспектора, мастеровые, а также крестьяне принадлежащих к заводам сел и деревень «учредили свои конторы и, расставя по всем дорогам караулы, простирают наглые свои поступки далее». Рабочие арестовали заседателя земского суда, советника пермского горного правления и др. Движением руководил рабочий Косолапов. В пользу рабочих и крестьян собирались деньги, которые направлялись руководителю движением. Но все же восстание было усмирено.

Через некоторое время [1]) заволновались крепостные Ревдинского завода (1825 г.), занимавшиеся вспомогательными работами по поставке угля. Поводом послужило изменение меры короба, по которой производилась сдача угля. Крестьяне

---

[1]) Там же, стр. 157—158.

послали поверенных в Екатеринбург, чтобы выяснить истинную меру короба. Но когда среди них прошел слух об аресте ходоков, они отправились в город толпою в числе свыше трехсот человек. Все они были отведены под караулом на монетный двор, где с них была взята подписка о повиновении начальству, после чего их отпустили домой. Однако, рабочие не успокаивались и самовольно перевозили уголь маломерными коробами. С переходом завода в казну волнения не прекращались. Зачинщики были отправлены в Екатеринбург, после чего большинство рабочих согласилось возить уголь по старой мере.

Но волнения на том же заводе повторились в 1841 г. Главной причиной были распространившиеся среди рабочих слухи о существовании нового «штата» (т. е. уменьшенной меры по сдаче угля) для Ревдинского завода, который скрывается местным управлением. Действительно, по приказу горного управления с 1840 г. угольный короб на всех заводах имел определенную меру в 22 тыс. куб. вершков, в то время, как на Ревдинском заводе прием угля производился коробом, вмещающим в себе 27 тыс. куб. вершков. Но контора медлила ввести новый указ, крестьяне же узнали о приказе от одного писаря, который тайно снял с него копию и прочитал одному крестьянину. Кроме того, крестьянам стало известно, что мастеровые соседних заводов уже перешли на штатное казенное положение, по которому работы исполняются в меньшем размере, чем на Ревдинском заводе. К толкам о штате присоединилось еще озлобление, вызванное жестоким обращением со стороны администрации, и слухи, что в случае выступления

будет поддержка со стороны рабочих соседних заводов.

Когда крестьяне Ревдинского завода обратились к исправнику с просьбой об'явить им «штат», последний раз'яснил, что закон воспрещает приносить просьбы скопом; тогда крестьяне выбрали шесть депутатов, которые и подали на высочайшее имя прошение, в котором указывали на слишком высокий вычет из платы за выдаваемый провиант и просили ввести по всем цехам штат Златоустовских казенных заводов [1]). Но это была уловка. Депутатов арестовали. Когда две недели спустя двести крестьян явились к исправнику, требуя освобождения арестованных и об'явления нового «штата», арестованные разломали загородку в полиции и присоединились к толпе. На другой день крестьяне задержали приказчиков, угрожая им смертью в случае, если они будут наблюдать за ними. «Затем по прибытии на завод советника горного правления Карпова, командированного для поверки претензии углежогов и приведения их к повиновению, они, собравшись на горе против церкви», поклялись быть единодушными и никого не выдавать. Попытка Карпова произвести аресты встретила сопротивление, причем некоторые углежоги бросали камнями.

Тогда прибыли войска. Толпа в пятьсот человек явилась на площадь, вооруженная палками и каменьями. Рабочие об'явили, что не боятся войск, что в них не посмеют стрелять, что они не сдадутся. Увещевавшего их священника они называли грабителем и душепродавцем.

---

[1]) К. Пажитнов, Возмущение среди рабочих Ревдинского завода в 1841 г. („Архив истории труда в России“, кн. VI—VII, стр. 168—172).

Один из бунтовавших на угрозы стрельбою «с дерзостью» ответил: «Еще посмотрим, чья возьмет». На другой день к толпе присоединились женщины и дети, которые собирали колья и камни. Когда полицейские пытались отогнать женщин и детей, в толпе раздавались крики: «Не тронь, они наши жены и дети и с нами умрут». Войска открыли огонь. Бунтовавшие пустили в солдат град камней и обломков чугуна и кинулись на войска. Но выстрел из орудия картечью расстроил толпу. Из бунтовавших было убито 33 чел. (в том числе 8 женщин) и ранено 114 чел. Военный суд присудил четырех главных зачинщиков к каторжным работам. Многие были отданы в рекруты и подвергнуты телесным наказаниям.

Волновались также крестьяне, производившие земляные работы на постройке Николаевской железной дороги (в 1850 г.). Прекратив работы, они отправились в Москву (около двухсот человек) с жалобой на непосильные работы [1]), скудную плату и несправедливый контракт [2]). По дороге их встретил губернатор с солдатами и казаками, который убедил их вернуться на работы [3]). Через некоторое время (1858 г.) произошли волнения среди рабочих на постройке Главного Общества Российских железных дорог [4]): рабочие группами убегали с работ. Причиною недовольства явились непосильные работы, вся-

---

1) Напр., дневная выработка составляла целую кубическую сажень песку, с относкою ее на растояние до десяти саженей.

2) Напр., подрядчики не платили рабочим за дни, когда работа не производилась из-за плохой погоды, на рабочих налагались за маловажные проступки большие штрафы и т. д.; кроме того, задерживалась выплата денег.

3) См. статьи Д. Каргина в „Архиве истории труда в России", кн. III, V и VIII.

4) Л. Айзенберг, Как жилось рабочим на постройке Волжско-Донской дороги („Архив истории труда в России", кн. VIII).

ческие притеснения, задержка в выдаче денег и т. д.

Крупные размеры приняли беспорядки рабочих на постройке Волжско-Донской железной дороги (в 1860 г.). Причиною беспорядков были жестокое обращение, непосильные работы, недоброкачественная пища, вычеты из заработной платы (за «больные», «дождливые» и праздничные дни) и т. д. Рабочие убегали с работ большими группами. Когда ушла с работы партия в 140 человек, в погоню были посланы войска. Рабочие, вооруженные ломами и палками, дважды отогнали солдат и благополучно добрались домой.

Волнения происходили также среди рабочих на сибирских золотых промыслах.

Первые сведения о бунтах и самовольных уходах относятся к 1833 г. Крупные волнения произошли на приисках Мясникова в 1837 г. — участвовало свыше двухсот человек. На некоторых других приисках (в том же году) беспорядки были вызваны низкой заработной платой. Волнения и уход с работы вольнонаемных рабочих на Всеволодблагодатских промыслах Пермской губернии, несомненно, повлияли на выработку в 1838 г. положения о частной промышленности [1]). Согласно этому положению, запрещалось заключать договор найма на срок свыше одного года, работа могла производиться лишь с 5 час. утра до 8 часов вечера, с перерывом на обед, и т. д. Однако, волнения на золотых приисках не прекращались и после издания этого положения. Беспорядки, охватившие одновременно большое число приисков в Енисейском округе в 1842 г.,

---

[1]) Юлий Гессен, Военно-судные комиссии для рабочих на золотых приисках в Сибири („Архив истории труда в России", кн. V).

потребовали вмешательства вооруженной силы. После этого наступило продолжительное затишье, продолжавшееся до семидесятых годов.

Постоянные волнения поссессионных рабочих привели к тому, что с 1823 г. на владельцев поссессионных фабрик было распространено право ссылать в Сибирь тех крепостных рабочих, которые окажутся «порочными и развращенного поведения». В Уложение о наказаниях 1845 г. была включена статья, приравнивающая неповиновение рабочих владельцу или управляющему фабрикой или заводом, оказанное целою артелью или толпою, восстанию против правительственной власти. Однако, эта репрессивная мера не могла задержать крушение фабричного поссессионного права, в значительной степени расшатанного беспорядками среди рабочих. Последовавшая ликвидация фабричного поссессионного права состоялась именно под непосредственным влиянием рабочих волнений, которые «были таким же выражением новых общественных отношений, как и распространение новых способов производства, сделавших работу свободными рабочими более выгодной, чем работа принудительным трудом». Рабочие волнения на поссессионных фабриках и переход к новым формам производства «были только различными формами выражения одного и того же эволюционного процесса», который различно принимался в правительственных кругах. Если министерство внутренних дел нередко принимало сторону рабочих, министерство финансов всегда стояло на стороне фабрикантов, что об'ясняется следующим. Министерство внутренних дел ближе стояло к интересам дворянства, по преимуществу землевладельческого класса, которому были чужды

интересы фабрикантов. Напротив, министерство финансов как орган, представляющий интересы промышленности, отождествляло эти интересы с интересами крупных предпринимателей и выступало защитником фабрикантов [1].

После волнений на Вознесенской мануфактуре (в 1844 г.) правительственное расследование обнаружило весьма широкое применение на фабриках детского труда. Изданный (в 1845 г.) закон о воспрещении фабричного детского труда (до 12-летнего возраста) никогда не применялся и вскоре был забыт самим правительством.

---

[1]) Туган-Барановский, стр. 128, 130.

Забастовки и волнения среди рабочих с 1870 по 1892 г.г. [1]).

Развитие промышленного капитализма в России. — Положение рабочего класса.—Первые забастовки в 1870 г.—Правительственные меры против забастовок. — Волнения на Кренгольмской мануфактуре в 1872 г.—Забастовка на Новой Бумагопрядильне в 1878 г.—Столкновения рабочих с полицейскими и войсками.—Морозовская стачка.—Фабричное законодательство.—Движение в 1891—92 г.г.

Уничтожение крепостной зависимости в 1861 г. вызвало первоначально кризис в промышленности, благодаря массовому отливу рабочих из фабрик в деревни. С фабрик уходили и бывшие поссессионные рабочие, которые соединяли с фабричным трудом столько мрачных воспоминаний. Больше всего пострадала горная промышлен-

---

[1]) Л. Мартов, Развитие крупной промышленности и рабочее движение в России. Изд. „Книга“ (Петр., 1923). М. Балабанов, Очерки по истории рабочего класса в России, ч. II (Киев, 1924). А. Ельницкий, История рабочего движения в России (Москва, 1923). В. Невский, Очерки по истории РКП (большевиков). Том I (Ленинград, 1924). П. М. Экземплярский, Очерки по истории рабочего движения в Иваново-Вознесенске, вып. 1 (Ив.-Вознес., 1924). С. Приклонский, Хроника рабочего труда („Дело“ 1883. № 1). Юлий Гессен, К истории стачек фабричных рабочих в начале 70-х годов („Архив истории труда в России“, кн. III). Р. Кантор, Жандармерия и первые рабочие стачки (там же, кн. III). Морозовская стачка (там же, кн. II). С. Фарфоровский, Жизнь рабочих на Кренгольмской мануфактуре (там же, кн. II). И. Сидоров, Материалы для истории стачек в начале 70-х годов 19 века (там же, кн. V), С. Вознесенский, Стачечная борьба рабочих в 1870—1917 г.г. (там же, кн. VIII). И. Биск, Экономическая и политическая борьба рабочего класса в России (Спб., 1907). Г. В. Плеханов, Русский рабочий в революционном движении (Гос. Изд. Москва—Петр., 1922). Герасимов, Жизнь русского рабочего полвека тому назад

ность, находившаяся под правительственной опекой и пользовавшаяся, главным образом, принудительным трудом. Другие отрасли промышленности, где принудительный труд был уже вытеснен вольнонаемным, менее пострадали от реформы 1861 г. Но уже скоро замечается рост промышленности и увеличение числа рабочих. Число фабрик и заводов увеличилось с 14 тысяч (1861 г.) до 31 тыс.; число рабочих за тот же период увеличилось с 523 тыс. до 771 тыс. чел. В то же время замечается процесс укрупнения производства: напр., за двадцать пять лет (1866—90 г.г.) число крупных фабрик (т. е. с числом рабочих не менее ста чел.) возрасло в полтора раза, а число рабочих, занятых на этих фабриках, возрасло в то же время в два раза, т. е. увеличилось среднее число рабочих на каждое предприятие. Количество переработанного хлопка увеличилось за тот же период в пять

(Петр., 1919). К. А. Пажитнов, Рабочее движение в России (Изд. „Новый Мир", 1906). Его же, Положение рабочего класса в России, Т. II (Ленингр., 1924 г.) С. Н. Прокопович, К рабочему вопросу в России (Спб., 1905). Л. Плохоцкий, Стачечная борьба польских рабочих (№ 6 „Жизни" за 1906 г., Женева), В. А. Поссе, Русские стачки (вып. IV, Спб. 1907). Н. Н. К-ий, К библиографии стачечного движения в России (Труды Вольного Экономического Общества за 1905 г.). Десятилетие Морозовской стачки (Женева, 1896). Морозовская стачка, сборник статей под ред. Д. Рязанова (Москва, 1923). С. Н. Валк, К истории Морозовской стачки 1885 г. (Сборник материалов и статей редакции журнала „Историч. Архив", вып. I, Москва, 1921). М. Раковский, Некоторые материалы к истории Морозовской стачки (в сборнике „Материалы по истории проф. движения в России", Т. II); А. Кац, хроника рабочего и проф. движения в России (Там же). В. И. Семевский, Рабочие на сибирских золотых промыслах. Т. II. (Спб., 1898). И. Волковичер, Стачки 1883 г. в Жирардове („Пролет. Рев.". 1923 г., № 6—7). О. Власова, Материалы для истории русского рабочего движения („Кр. Летопись", 1923 г., №№ 5 и 7). Обнинский, Стачечное движение в конце 80-х годов („Юрид. Вестник", 1887 г., кн. 4). Б. Павлов, Пролетарская борьба в России до 1905 г. (Москва, 1919). Кроме того, см. брошюру В. Фриче (см. примечание к предыдущей главе).

раз, добыча угля—более, чем в десять раз, выплавка чугуна—в три раза и т. д.

Развитию промышленности помогали таможенная политика (облегчившая ввоз машин, сырья и топлива) и оказываемые правительством льготы (казенные заказы, субсидии и т. д.). Тем не менее, при сравнении с последующим периодом [1]), рост промышленного капитализма происходил довольно медленно.

Это была эпоха, когда ловкие дельцы и аферисты создавали дутые предприятия, когда быстро возникали и быстро лопались банки, когда в предпринимательских кругах царила биржевая горячка, основанная на страсти к легкой и быстрой наживе. Промышленная горячка, вызванная увеличением спроса на товары, приносила фабрикантам огромные барыши [2]). Но этот азарт прерывался острыми и затяжными кризисами, от которых больше всего страдали рабочие и крестьянские массы.

Развитие промышленного капитализма ускорило пролетаризацию крестьянства, т. е. рост пролетариата. При освобождении от крепостной зависимости две трети всех крестьян получили недостаточные для пропитания наделы, а одна пятая часть была вовсе лишена земли (напр., бывшие дворовые). Помимо этого, крестьяне были обременены выкупными платежами (причем выкупные цены были выше продажной цены земли) и податями. В том случае, когда крестьянин не мог приарендовать у помещика (на кабальных условиях) земельные участки, он нанимался в батраки к помещику или кулаку, зани-

---

[1]) Последующий период начался с 1893 г. (см. след. главу).

[2]) Во многих годовых отчетах прибыль доходила до 40,50 и даже до 70% на складочный капитал.

мался кустарным промыслом, работая не самостоятельно, а на скупщика, или нанимался на фабрику.

Зависимость от рынка вела к расслоению деревни. Малоземельные (до $3^1/_2$ десятин на душу) составляли $^1/_4$ всего числа крестьян, но владели 16% всей земли; многоземельные (более 20 дес. на душу) составляли $^1/_{10}$ всего крестьянского населения, но им принадлежало более 25% всей земли [1]. Число безземельных увеличилось, по сравнению с количеством, образовавшимся в результате крестьянской реформы. Более половины крестьянских хозяйств не располагали рабочим скотом или имели его в недостаточном количестве.

Отход на промысел и на работы сопровождался ослаблением связи или полным разрывом с землею. Ослабление связи с землею проходило следующие этапы: первый этап—на фабрике работают окрестные крестьяне, возвращающиеся на ночь в деревню; второй этап — зимою крестьянин работает на фабрике, летом он уезжает в деревню на полевые работы; третий этап—рабочий круглый год работает на фабрике, но связь с деревнею не порвана: в деревне — земля, туда отсылаются дети и т. д.; четвертый этап — полный разрыв с деревнею [2]. Большинство рабочих проходило (в 70-х и 80-х годах) третий этап. Возрастало также число «потомственных пролетариев», т. е. рабочих, из поколения в поколение занятых исключительно фабричным трудом.

---

[1]) Данные относятся к концу 70-х г.г. 19-го столетия.

[2]) Схему пролетаризации по этапам—см. у Шульце-Геверница, Очерки общественного хозяйства и эконом. политики России. Перевод с немецкого (Спб., 1901 г.), стр. 120 и сл.

Положение рабочих было тяжелое. Денежная заработная плата росла, но быстрее росли цены на продукты широкого потребления и предметы первой необходимости. Таким образом, реальная заработная плата понижалась [1]).

Рабочий день был очень длинным, доходя в некоторых случаях—вместе со сверхурочными— до 18—20 часов в сутки; на петербургских бумагопрядильнях малолетние (в возрасте от 8 до 14 лет) работали по 14 часов. Широкое распространение получила ночная работа. Воскресный отдых нередко не превышал двенадцати часов.

Большое развитие получила система штрафов, поглощавшая значительную часть рабочего заработка; хозяева и их агенты злоупотребляли правом налагать произвольные штрафы. Таким же образом злоупотребляли системою расплаты товарами из фабричных лавок. Наконец, гигиенические условия труда и жизни в фабричных казармах были ужасные, в то время как рабочие и их семьи совершенно не были обеспечены при несчастных случаях или потере трудоспособности.

Тяжелое положение и эксплоатация фабрикантов вызывает рабочих на экономическую борьбу, которая сразу приобретает политический характер, благодаря вмешательству правительства в пользу капиталистов. Несмотря на отсутствие политических требований, рабочие все же боролись против царского правительства, поскольку они оказывали сопротивление войскам или полиции. Экономическая борьба носила, по преимуществу, стихийный характер, так как еще не

---

1) Напр., в Шуйском уезде (Владим. губ.) реальная зар. плата за 1856—83 г.г. упала на 20—30%.

существовало массовых рабочих организаций [1]). С другой стороны, экономическая борьба усиливалась в зависимости от роста капитализма [2]).

Если не считать волнений рабочих в шестидесятых годах [3]) и мелких стачек в петербургских мастерских (в 1868 г.), первая забастовка в современном смысле этого слова произошла на Невской Бумагопрядильне в Петербурге (22 мая 1870 г.).

В этот день прядильщики в числе 63 человек об'явили, что не станут продолжать работу, если им не будет увеличена заработная плата. Администрация отказалась удовлетворить требования рабочих, и тогда к забастовке примкнули 800 рабочих. Несколько дней спустя уполномоченные от рабочих представили директору фабрики проект новой расценки, но безуспешно. Тогда рабочие пожаловались обер-полицеймейстеру. На фабрику прибыл его помощник, который вместе с директором пытался убедить рабочих вернуться к станкам. Уполномоченные отказались. Рабочие вели себя спокойно, и порядок не нарушался [4]).

Забастовка эта произвела сильное впечатление на общество. «И у нас случилась стачка, и

---

[1]) Однако, некоторые стачки были организованы и проходили под руководством революционных организаций, но таких организованных стачек было в 70-х и 80-х годах очень мало. В рабочих еще жила наивная вера в царя-батюшку, благодетельное начальство и хозяина-кормильца; это была крестьянская идеология, потому что рабочие не оторвались еще от деревни. В дальнейшем эта вера рассеивается под ударами горькой действительности и ослаблением связи с землею.

[2]) Точных цифровых данных о росте эконом. борьбы в 70-х и 80-х годах не имеется, т. к. статистику стачек завели лишь с 1895 г.

[3]) В Орехове-Зуеве, на Холуницких заводах (Вятской губ.) и др.

[4]) Юлий Гессен, К истории стачек фабричных рабочих в начале 70-х годов („Архив истории труда в России", кн. III, стр. 40—50). Р. Кантор, Жандармерия и первые рабочие стачки (там же, кн. III, стр. 71—77).

нас не оберег бог»—сообщала с тревогой газета «Новое Время». В июне перед окружным судом предстали 63 рабочих, привлеченных к ответственности за участие в забастовке. Четверо рабочих были приговорены к семидневному, а остальные к трехдневному аресту. Но обер-полицеймейстер, не удовлетворившись решением суда, приказал выслать четырех рабочих из столицы, как руководителей забастовки.

Правительственные круги были поражены таким «мягким» судебным приговором. Возникло опасение, что незначительность грозящей кары повлечет за собою учащение забастовок. И вот, в июле 1870 г. министерство внутренних дел разослало циркуляр всем губернаторам следующего содержания:

«Стачка рабочих Невской бумагопрядильной фабрики как явление совершенно новое, до сего времени еще не проявлявшееся в среде нашего рабочего населения, обратила на себя внимание, и государю императору благоугодно было повелеть мне поручить г.г. губернаторам, чтобы они имели строгое и неослабное наблюдение за фабричным и заводским населением и в особенности за всеми теми неблагонадежными личностями, которые могут иметь вредное влияние на толпу, так как, без сомнения, возникновение стачек между рабочими должно быть положительно приписано влиянию лиц, стремящихся перенести эту чуждую русскому народу форму выражения неудовольствия на нашу почву, с целью поселять смуты и производить беспорядок и волнения. Но, независимо от этого общего наблюдения, государю императору благоугодно было также повелеть, чтобы при первом полученном Вами известии о стачке рабочих на ка-

ком-либо заводе или фабрике, не допуская дело до судебного разбирательства, немедленно по обнаружении полицией главных зачинщиков между фабричными людьми высылали таковых, не испрашивая предварительно на то разрешения министерства внутренних дел, в одну из нижепоименованных губерний: Архангельскую, Астраханскую, Вологодскую, Вятскую, Костромскую, Новгородскую, Олонецкую и Самарскую» [1]).

Вместе с тем было приказано допускать на фабрики и заводы жандармских унтер-офицеров, которые получили право делать обыски и аресты.

Забастовка на Невской бумагопрядильне послужила началом для забастовочного движения в России. Промышленный под'ем (в начале 70-х годов) вызывает рост экономической борьбы рабочих.

Так, в июле 1870 г. произошла забастовка доковых рабочих в Кронштадте в виду отказа подрядчика платить за «дождливые дни и часы». Конфликт был рассмотрен мировым судьей, и дело кончилось примирением при некоторых уступках со стороны подрядчика. Далее, пару месяцев спустя, в одном заведении для выделки мехов в Вологодской губернии двадцать рабочих об'явили забастовку, требуя, чтобы хозяин отпускал им мягкий хлеб вместо черствого (двое рабочих были высланы в этапном порядке, хотя забастовка продолжалась всего один день). Тогда же бастовали ткачи в Белостоке, портные в Петербурге и суконщики в селе Сетунь (под Москвою). В следующем году происходили новые волнения в Орехове-Зуеве и забастовка извозчи-

---

1) Юлий Гессен, стр. 42 (впервые циркуляр опубликован полностью).

ков в Одессе. Забастовка извозчиков, вызванная введением таксы и охватившая до четырех тысяч человек, привела к тому, что действие приведенного выше циркуляра 1870 г. (т. е. административная высылка) было распространено сверх фабрично-заводских рабочих также на участников всяких других забастовок. Рабочие Холуницких заводов (Вятской губ.) выступили против владельца, требуя аккуратной выдачи заработной платы (рабочим платили раз в месяц и реже). Благодаря вмешательству властей, движение было ликвидировано и зачинщики высланы.

Большими размерами и бурным характером отличались происходившие в 1872 г. волнения [1]) на Кренгольмской мануфактуре (близ Нарвы). Рабочих на мануфактуре было около шести тысяч. Фабрика управлялась особым полицейским уставом, которым фабричное управление наделялось полицейскою властью, напр., правом налагать большие штрафы (в размере до десятидневного заработка), подвергать рабочих телесному наказанию, содержать их под арестом и т. д. Особенно плохо было положение детей, взятых мануфактурой из воспитательного дома. Они представляли собой в полном смысле белых рабов, которых за малейшие проступки запирали в карцер и секли. На фабрике был установлен 14-часовой рабочий день, одинаковый для взрослых и для детей. На обед полагалось 55 минут, но рабочие, жившие в большинстве далеко от места работы, на обед не ходили, чтобы не подвергаться штрафу за опоздание. Произвол администрации и частые штрафы сильно озлобляли рабочих.

---

[1]) С. Фарфоровский, Жизнь рабочих на Кренгольмской мануфактуре („Архив истории труда в России", кн. II, стр. 8—14).

Брожение было вызвано пришлыми рабочими, которые приносили вести о новых порядках в центральной России. Начавшееся движение поддерживалось ткачами, которые выделялись по своему умственному развитию. Волнения начались во время холерной эпидемии, уносившей много жертв из среды рабочих, так как рабочие казармы находились в антигигиеническом состоянии. Первыми жертвами холерной эпидемии сделались каменщики, работавшие по углублению русла рукава реки Наровы. Каменщики ушли с мануфактуры, не взяв расчета. После этого заволновались ткачи, выдвинувшие через депутатов требования о проведении в жизнь тех льгот, которые были обещаны при их найме, а потом отняты. В конце концов, рабочим были сделаны некоторые уступки ($1^1/_4$-часовой перерыв на обед, выдача увольнительных записок по болезни или по другим неотложным обстоятельствам и т. д.). Требование же рабочих об урегулировании штрафов и о прекращении произвола мастеров не рассматривалось.

Рабочие успокоились, но фабричное управление было недовольно вынужденными уступками. Оно уговорило двух рабочих составить прошение об отмене новых льгот. Тогда шестеро рабочих отправились в Нарву к жандармскому офицеру, требуя расследования дела о составлении прошения, столь противоречившего интересам рабочих. После этого жандармский офицер явился на мануфактуру и арестовал четырех рабочих. Возмущенные арестом ткачи ворвались в контору, требуя освобождения арестованных. Они об'явили, что никого не допустят к работе, и во время обеденного перерыва толпа ткачей загородила узкий мост, ведущий на мануфактуру,

и угрожала дубинами тем, кто туда направлялся. Наконец, толпа рабочих в тысячу человек окружила дом управляющего, выломала двери и освободила арестованных. Прибывшие войска разогнали бастующих. Но на другой день волнение возобновилось, рабочие бросали в патрули камнями и отказывались встать на работу. В помощь войскам были присланы подкрепления, и беспорядки были подавлены. В конечном результате рабочие добились некоторого улучшения. Фабрично-полицейский устав мануфактуры был отменен, и последняя была подчинена общеимперскому законодательству.

Из позднейших выступлений отметим забастовку на солеварных промыслах Баскунчакского озера (в 1873 г.), вызванную неаккуратными расчетами. Во время забастовки об‘ездчики по приказанию управляющего замучили одного рабочего на смерть, но жандармские власти замяли дело.

Солидарность рабочих разных предприятий особенно выявилась при забастовке рабочих на табачной фабрике Дурунча в Вильне (в 1875 г.), требовавших повышения заработной платы и «передачи рабочей кассы в ведение выборных от рабочих». Рабочие вошли в соглашение с рабочими других трех табачных фабрик, обещавшими им поддержку. Однако, забастовка была ликвидирована полицейскими мерами, причем рабочие Дурунча получили общий расчет. В следующем году происходила забастовка морозовских рабочих в Орехове-Зуеве из-за штрафов (в 1876 г.). Штрафы достигали нередко таких размеров, что даже не покрывались заработком; подобный невыработанный штраф вычитался обыкновенно с родных этих фабричных, которые работали на той же фабрике. Борьба кончилась победою рабочих.

За период с 1870 по 1877 г.г. пресса отметила двадцать одну забастовку—около двадцати тысяч участников.

Непродолжительный застой (в середине 70-х годов) сменился новым промышленным под'емом с 1878 года; тогда и забастовочная волна поднимается выше, чем за предыдущий период. «Стачки в большинстве случаев продолжают носить оборонительный характер, в отличие от стран с развитым и организованным рабочим движением, где периоды промышленного под'ема являются периодами агрессивного движения рабочих». Но, с другой стороны, благодаря промышленному под'ему, рабочие легче, чем в предидущий период, добивались удовлетворения своих требований, несмотря на усиление полицейских репрессий. При этом, в связи с большей легкостью, с которой стачечники добивались успеха, стоит менее значительное, чем в предыдущий период, количество случаев, когда мирная стачка осложнялась разгромом зданий и подобными явлениями [1]).

Всякий раз, когда рабочие выступали на защиту своих материальных интересов, они попрежнему сталкивались с царизмом, защищавшим интересы хозяев.

Уложение о наказаниях (изданное еще в 1845 г.) карало за стачку арестом: зачинщиков—сроком от трех недель до трех месяцев, а прочих участников—от семи дней до трех недель. Это показалось правительству слишком «мягким», и тогда (в 1870 г.) был издан циркуляр об административной высылке. Вскоре (в 1874 г.) в уложение был внесен новый пункт, угрожав-

---

[1]) Л. Мартов, стр. 14—15.

ший за принадлежность к сообществу, имеющему целью «возбуждение вражды между хозяевами и рабочими, а равно возбуждение к устройству стачек», наказанием, начиная с заключения в крепость на восемь месяцев до ссылки на житељство в Сибирь с лишением всех особых прав и преимуществ.

Начало промышленного под‘ема (1878 г.) ознаменовалось грандиозной забастовкой рабочих на Новой Бумагопрядильне в Петербурге, где работало свыше двух тысяч чел. Положение рабочих было тяжелое, благодаря продолжительности рабочего дня, низкой заработной плате, штрафам и браковкам, а также притеснениям и произволу мастеров. Забастовка (27 февраля) была вызвана новыми правилами внутреннего распорядка и понижением расценок за сдельные работы. Рабочие наивно верили, что начальство заступится за них против несправедливостей и эксплуатации со стороны владельца, и обратились к полицейскому приставу. Но пристав, грозя строгими наказаниями, потребовал, чтобы они стали на работу. Угрозы не остались висеть в воздухе, и полиция начала арестовывать «зачинщиков». После этого рабочие обратились к градоначальнику и, полагаясь на его обещание повлиять на администрацию, возобновили работы. Однако, положение их не было улучшено.

Тогда рабочие (16 марта) вывесили на фабрике свои требования в следующей редакции: «1) Почти 15-ти часовая в течение дня на ногах работа — непосильна; она убивает здоровье даже самого сильного человека, а на фабрике, кроме мужчин, работают и женщины и дети. Рабочие требуют сократить рабочее время на два часа. Начинать работу они хотят в 6 час.

утра и кончать в 7 час. вечера, уделяя из этого времени полтора часа на обед. 2) Теперь начальство само сознало, что брать одну копейку в день за вонючую и не всегда кипяченую воду несправедливо, и обещается давать эту воду даром. Но это не подачка, а уступка необходимости. Теперь рабочие требуют, чтобы эти копейки, составляющие в год три рубля, были выданы рабочим обратно... ведь их брали не по правилам и даже в рабочих книжках о них не было упомянуто. 3) Инструменты и машины, а также части машин хозяева всегда выбирают сами и выбирают потом с лихвой затраченные на них деньги с рабочих. Но машины и инструменты не вечны: они постоянно ломаются, как и всякие другие вещи, и нас, рабочих, заставляют, кроме того, платить и за эту неизбежную порчу, взваливая на нас обвинения в умышленной их порче. Но кто же будет в этих случаях решать спор между рабочими и хозяином? Мы требуем уничтожения § 3 правил, чтобы за поломку челноков, вилок и щеток не взималась с нас плата. 4) Мы требуем непременно отмены штрафов за дурное поведение, так как *хозяин или его наемные холуи не могут быть беспристрастными судьями нашей нравственности*».

Далее шли требования об уменьшении штрафов за прогульные дни, о повышении расценок на 10% и освобождении арестованных.

Уже эти требования, толково составленные, выделяют забастовку из ряда других. Дело в том, что активную роль в движении играла революционная организация «Земля и Воля» в лице Плеханова и др. На фабрике существовал небольшой революционный кружок. Но в общей

своей массе рабочие, вчерашние выходцы из деревни, наивно верили в царя и начальство. В виду того, что рабочих трудно было разубедить, революционеры решили, что рабочие на собственном опыте убедятся, как велика начальническая заботливость. Разочаровавшись в приставе и градоначальнике, рабочие, вопреки уговорам революционеров, решили отправиться к наследнику [1]), чтобы лично подать ему жалобу. За составлением петиции рабочие обратились к революционерам. Несмотря на то, что те были против этого обращения, пришлось уступить просьбам рабочих, и петиция была составлена. В петиции рабочие жаловались на притеснения хозяев и полиции и просили допустить в следственную комиссию (для расследования жалоб) представителей рабочих.

Конец петиции напоминает текст той, которая была составлена в январские дни 1905 г.,— возможно, что она послужила образцом для составителей последней. «Мы, — заявляют рабочие,—обращаемся к Вам, как к отцу. Если не будут удовлетворены наши справедливые требования, то мы тогда будем знать, что нам не на кого надеяться, что никто не заступится за нас и что мы должны положиться на нас и на свои руки» [2]).

Петиция была принята градоначальником, обещавшим передать ее по назначению. Но никакого ответа на нее не последовало. Усилились репрессии; полицейские врывались в квартиры и насильно тащили рабочих на фабрику; наиболее упорных отводили в участок и оттуда в пересыльную тюрьму, по улицам раз'езжали казачьи

---

[1]) Будущему царю Александру III.
[2]) Л. Мартов, стр. 17

патрули с целью терроризировать бастующих. Одновременно и хозяева сделали некоторые уступки. Доведенные до крайности рабочие после двухнедельной забастовки стали на работу.

Такой же характер (т. е. с хождениями в полицию и к наследнику) носило выступление рабочих прядильной фабр. Кенига (в Петербурге, 1878 г.). Поводом к забастовке послужило увольнение мальчиков, отказавшихся выполнить посторонние работы (по сортировке фабричных отбросов). Бастующие потерпели поражение, и на фабрику были наняты новые рабочие. В том же году бросили работы табачницы двух фабрик (Мигри и Шапшала) из-за понижения расценок; борьба кончилась в пользу работниц.

Нередко стачки прекращались воинскими частями. Так, например, вооруженной силой была ликвидирована забастовка на металлургическом заводе Юза в Юзовке (в 1878 г.), где рабочие бастовали из-за неаккуратной выдачи заработной платы. В том же году забастовали на постройке Оренбургской железной дороги рабочие, навербованные и привезенные подрядчиками из других губерний; забастовка произошла оттого, что рабочих обманули—им предложили по прибытии на место работать за половину условленной ранее цены. Были вызваны войска, зачинщиков выслали в Архангельскую губернию, а остальных наказали розгами. Полицейскими репрессиями была задавлена вторичная стачка на Новой Бумагопрядильне (в 1879 г.), которая возобновилась в виду увольнения многих участников первой стачки. Бросив работы, забастовщики пред'явили требования, аналогичные прошлогодним. К забастовке примкнули рабочие Нарвской бумагопрядильни. Забастовщики действовали органи-

зованно: они обратились с просьбой о материальной поддержке к рабочим всех фабрик, рассылали воззвания [1]), собирались на сходки. Волнение передалось на все текстильные фабрики. Но власти на десятый день подавили забастовку; был произведен ряд арестов и высылок, а все малолетние стачечники были наказаны розгами.

Следует особо отметить, что во время забастовки лавочникам запрещено было выдавать стачечникам продукты в долг.

В том же году произошел ряд забастовок, направленных к улучшению разнообразных сторон экономического быта: за повышение заработной платы (около четырех тысяч рабочих в Серпухове и $1^1/_2$ тыс. рабочих в Иваново-Вознесенске; обе окончились победой рабочих), против удлинения рабочего дня с 10 до 11 ч. (две тысячи мастеровых железно-дорожных мастерских в Киеве), против понижения расценок (в Серпухове 4 тыс. рабочих на фабрике Коншина и в Петербурге на Семянниковском заводе, причем обе забастовки окончились победою рабочих). Невыдача заработной платы в срок вызвала на Семянниковском заводе перед пасхой «бунт» в виде разгрома заводских помещений; прибывшие казаки избили рабочих нагайками. В Москве на суконной фабрике Шрадера около шестисот человек рабочих потребовали, чтобы, как раньше, на них не возлагались обязанности носить воду для квасной и дрова для артельной кухни, чтобы было отменено запрещение рабочим пить чай в своих помещениях. Дирекция фабрики вызвала полицию; выбранные по требованию самой полиции депутаты были арестованы.

---

[1]) Эти воззвания, составленные рабочими, заканчивались лозунгом: „Все за одного, один за всех!“

Всего, по приблизительным подсчетам, было с 1878 по 1880 г.г. до тридцати забастовок, в которых участвовали от 30 до 35 тысяч рабочих [1]).

Экономическая борьба была прервана кризисом; последний начался в 1880 г., усилился в следующем году и продолжался вплоть до 1887 г. В Петербурге крупные заводы начали распускать рабочих. Заработная плата сильно упала. Напр., во Владимирской губернии плата девушек-размотчиц упала с 18—25 руб. за зиму до 6—8 руб. за тот же срок. Крупные фабриканты, не сократившие заработной платы, уменьшили ее в скрытой форме путем увеличения штрафов [2]).

В течение 1881—86 г.г. произошло около пятидесяти стачек, захвативших более 80 тысяч рабочих. Борьба носила оборонительный характер; она была направлена против понижения расценок и увеличения штрафов как скрытой формы понижения платы. Забастовки эти отличались как многочисленностью участников, так и острым характером борьбы. Кроме того, забастовки носили более организованную форму.

Помимо кризиса, движение происходило в обстановке усиливавшейся политической реакции [3]): тогда на всякое выступление рабочих смотрели как на «бунт», который должен быть усмирен решительными мерами.

В начале этого периода (1880 г.) вспыхнула большая стачка на Хлудовской мануфактуре (в Смоленской губернии). Положение рабочих было очень тяжелое, в особенности жилищные условия. По официальным данным, «квартиры рабо-

---

[1]) Мартов, стр. 15.

[2]) Подробное описание этого кризиса см. у С. Приклонского, Хроника рабочего труда („Дело“, 1883 г., № 1).

[3]) После убийства Александра II (1881 г.) и воцарения Александра III.

чих—ужасные вертепы нищеты, насквозь пропитанные миазмами отхожих мест и всяческих нечистот. В одной девятиаршинной избе—27 рабочих, половину избы занимает огромная русская печь, углы завалены мешками с мукой, а под полом хранятся запасы картофеля. Вместо столов—бочки из-под селедок и грязные доски из неструганных досок» [1]). Поводом к возмущению послужило уменьшение заработной платы (на 10%), а также большие и произвольные штрафы и вычеты. Против бастующих были высланы войска. Зачинщики просидели в тюрьме (некоторые в кандалах) около полугода. После этого их приговорили к непродолжительным арестам (в один и два месяца). Остальных рабочих отправили на родину.

Более ожесточенный характер имела знаменитая забастовка в Жирардове (1882 г.), положившая начало забастовочному движению в Польше. Она была об'явлена в знак солидарности бастующим шпульницам, потребовавшим сохранения старой нормы оплаты труда и сокращения рабочего дня на один час. Дело дошло до столкновения восьми тысяч стачечников с войсками, причем первым же залпом было убито трое и ранено тринадцать рабочих. Несмотря на залп, толпа не разбежалась. Губернатор растерялся и обещал рабочим отдать под суд стрелявших и освободить арестованных.

Следует также отметить организованный характер забастовки 70 еврейских ткачей в Белостоке (в 1882 г.). Она происходила при поддержке со стороны небастовавших еврейских рабочих, которые обложили себя определенным сбором в

---

[1]) М. Балабанов, ч. II, стр. 200.

пользу забастовщиков, и при бойкоте мест забастовщиков со стороны ткачей-немцев. Забастовка кончилась победой рабочих.

В Александровских железнодорожных мастерских путем «саботажа» (загромождение железнодорожного пути) происходила борьба против системы сдачи работ подрядчикам. Когда жандармские власти привлекли к суду одиннадцать рабочих, все стачечники (200 ч.) явились в камеру мирового судьи, требуя, чтобы и их привлекли к ответственности.

Вышеприведенные примеры достаточно выпукло иллюстрируют солидарность рабочих масс в их борьбе против эксплуатации. Особенно рельефно это выявилось в грандиозной на фабрике Саввы Морозова (Т-во Никольской мануфактуры) стачке в Орехове-Зуеве (в 1885 г.), которая признается классической в истории рабочего движения в России: она выделяется организованностью, солидарностью и упорством рабочих.

Причиною забастовки явилось резкое понижение расценок и злоупотребление штрафами, достигавшими 30—50% заработка (рабочие эксплуатировались также заводской лавкой) [1]. Забастовка была организована Петром Анисимовичем Мосеенок. Как деятельный участник и организатор некоторых забастовок семидесятых годов, он подвергся административной высылке. Поступив на Морозовскую мануфактуру, Мосеенок вместе с Василием Сергеевичем Волковым и Лукою Ивановым занялся подготовлением стачки.

На одном нелегальном собрании решено было выступить 7 января 1885 г.; в этот день

[1]) В среднем рабочий зарабатывал, за вычетом штрафов, от 4 до 6½ руб. в месяц, а многие вырабатывали не более 2½ рублей.

рабочие должны были, не приступив к работам, собраться и оставаться на улице. Директор фабрики выставил охрану из чернорабочих, которые мешали ткачам собираться у дверей и принуждали их входить в корпус. Но вечером, в назначенный час, рабочие бросили работы, разогнали охрану из чернорабочих, после чего были выбиты стекла в фабричных корпусах и разгромлены фабричная контора, харчевой магазин и квартира мастера, особенно озлобившего рабочих штрафами. К ткачам примкнули рабочие других отделений, всего 7—8 тысяч человек. Мосеенок, руководивший забастовкою, уговаривал рабочих эксцессов не допускать и «над начальством не смеяться»; Волков с красным флагом в руках, предводительствуя толпою, командовал: «товару не брать, стекла не бить», вместе с Мосеенок действуя успокаивающим образом на рабочих. Но буянили не взрослые рабочие, а мальчики, в разгроме же квартир служащих принимали участие подонки местного общества [1]).

Владелец фабрики Тимофей Морозов немедленно обратился к министру внутренних дел за содействием, не вступив ни в какие переговоры с рабочими. Когда на мануфактуру прибыли войска, Морозов предложил рабочим расчет, но они отказались, пред‘явив владельцу ряд требований: штрафы не должны превышать 5% заработка и более одного рубля; отменяются вычеты за время простоя или поломки машин; при увольнении рабочего уплачивается за 15 дней вперед; введение расчетных книжек; возврат штрафов, наложенных с пасхи 1884 г.; удаление негодных рабочим мастеров и т. д.

---

[1]) С. Н. Прокопович, К рабочему вопросу в России, стр. 65—68.

Приведенные под конвоем на фабрику 60 ткачей решительно отказались работать, об‘явив, что не возобновят работы до тех пор, пока не будут удовлетворены их требования. По предложению губернатора, Морозов вывесил об‘явление, в котором выразил согласие на скидку штрафов, наложенных с октября 1884 г. по день забастовки, и на общий расчет всех рабочих, причем владелец оставил за собою право отказа от обратного приема нежелательных ему лиц. При чтении об‘явления рабочие подняли шум и свист, крича, что при таких условиях они не согласны возобновить работы, и, в свою очередь, расклеили об‘явление следующего содержания: «Об‘является Савве Морозову, что за эту сбавку ткачи и прядильщики никак не соглашаются работать. А если ты нам не прибавишь расценок, то дай нам всем расчет и разочти нас по пасху, а то если не разочтешь нас по пасху, то мы будем бунтовать до самой пасхи. Ну, будь согласен на эту табель, а то ежели не согласишься, то и фабрики вам не водить».

Наконец, министр внутренних дел предписал местным властям принять более решительные меры к подавлению беспорядков.

11 января были расклеены новые об‘явления фабричного управления с предложением— желающим стать на работу, а не желающим— явиться за расчетом.

Вот как события этого дня освещаются в докладе губернатора: «Утром 11-го, по расклейке об‘явлений, из коих многие опять были сорваны, стали собираться толпы рабочих. По улицам производились казачьи раз‘езды, а в некоторых пунктах была поставлена пехота. Прибыв к толпе, я об‘явил им, что Морозов на просьбу их не со-

глашается, что дальнейшие переговоры представляются бесполезными, и что желающие работать могут стать на работу, а не желающие—явиться в контору, где получат расчет. Единодушным криком толпа отвечала, что работать не желают, что за расчетом итти нечего, потому что ничего не получат,—все пошло на штрафы и на харчи. Стоявшие впереди Василий Волков и Шалухин, оказавшийся одним из его сподручников, по приказанию моему, были незаметно оттеснены казаками от толпы. Волков громко кричал: «Как здесь говорить, здесь все капиталисты, позовите моих людей; где правила?» Ему из толпы подали писанную тетрадь [1]), которую я передал прокурору и об'явил, что здесь не место разбирать ее, приказав Волкову и Шалухину итти в контору. Когда, окруженные войском, они двинулись в путь, Волков, обратясь к толпе, закричал: «Что же, господа, один за всех или все за одного?» Толпа загорланила: «Все, всех берите!» и бросилась за арестованными, но была удержана цепью казаков. Тут я вновь стал убеждать толпу разойтись по домам или итти на работы, но, составив плотную стену пред фронтом казаков, она стояла и шумела. Часть стоявших впереди и наиболее шумевших движением казачьей цепи была оттеснена, окружена и препровождена во двор конторы, остальная за сим пошумела и мало-по-малу разошлась, разгоняемая казачьими раз'ездами и пехотными патрулями.

«Во дворе конторы арестованные, отказавшись назвать свои имена, были все переписаны по указаниям табельщиков, смотрителей и других должностных лиц фабричной администрации, и за

---

[1]) В тетради были изложены требования рабочих.

сим дано было приказание под сильным конвоем отправить их под арест, в помещение одной из фабричных казарм. Между тем, в казарме этой, прилегающей одним концом к соседним фабрикам другого владельца, Викулы Морозова, успела мало-по-малу собраться значительная масса народа, и когда привели арестантов, то, по свистку и звонку в сигнальный фабричный колокол, бывшие впереди толпы мальчики внезапно бросились к одной из дверей и успели ее выломать. Арестованные, с своей стороны, кинулись по коридорам и лестницам к этой двери и, преследуемые конвойными, успели выскочить на улицу, где большая часть их скрылась в толпе. В этой суматохе между ротой, охранявшей казарму, и рабочими, у коих были дубины и другие т. п. орудия, завязалась рукопашная схватка. Нападение солдаты отбили прикладами. Двое нападавших на караул были арестованы. Толпа, оттесненная за фабричную черту, мало-по-малу разошлась, а часть войск возвратилась в казармы.

Затем «снова стали формироваться группы, вскоре сплотившиеся в значительную массу. Раздавались крики и требования говорить со мной; прибыв на место, я спросил, что им нужно. Сотни голосов отвечали: «выпустите Василья». Об'явив им, что Василий (Волков) привлечен следственной властью к делу о буйстве и беспорядках, и что выпустить его я не в праве, я вновь убеждал толпу разойтись, и так как она не расходилась, приказал ее оттеснить.

«Вечером толпы стали снова собираться и сильно напирать на казачью цепь, охранявшую входы на фабрики. Из цепи дали знать, что имеется намерение напасть на главную контору, где находились под арестом Василий Волков и

другие, задержанные по требованию судебной власти. Вскоре на улице с обеих сторон появились громадные массы народа, приближавшиеся к конторе с криками—«выпустите нашего человека Василия». Некоторые подступили к зданию, в котором находились арестованные, с намерением выломать окна, но, по распоряжению моему, немедленно были оттеснены казаками, на этот раз пустившими в ход нагайки, и прогнаны за черту фабричных помещений. Слышно было, что при отправлении Василия Волкова толпы намерены были сделать попытку к его освобождению, напав на поезд. В 7 часов Волков, в сопровождении двоих жандармов и под конвоем полусотни, был привезен на поезд и беспрепятственно отправлен во Владимир, для заключения в местном тюремном замке» [1]).

С 13 января стачка пошла на убыль. Массовые аресты и высылки изолировали наиболее активный элемент. Рабочие вернулись к работам. Руководители движения—Мосеенок и Волков, просидевшие более года в тюрьме, были судом оправданы. Судебный процесс вызвал большой шум, обнаружив испуг правительственных кругов перед ростом и организованностью рабочего движения.

Пример Морозовской стачки ободрил иваново-вознесенских рабочих. Происходившая в сентябре 1885 г. забастовка пяти фабрик привлекла шесть тысяч рабочих. Они требовали повышения расценок и добились успеха. Ноябрьская забастовка на фарфоровом заводе Кузнецова в том же году была подготовлена на тайном собрании рабочих.

---

[1]) „Архив истории труда в России", кн. II, стр. 50—51.

Чем дальше, тем более организованный характер носило рабочее движение. Осенними забастовками 1886 г. руководили уже кружки рабочих-социалистов, имевших связи с народовольческими кружками интеллигенции. С другой стороны, Морозовская стачка убедила правительство, что бороться одними репрессиями нельзя, хотя в предпринимательских кругах в этом отношении не было единодушия. Московские промышленники не хотели итти на уступки, петербургские были либеральнее настроены. В Петербурге заработная плата была значительно выше, чем в Москве, в связи с чем в Петербурге машинный труд был гораздо более распространен, чем в Москве. Вместе с тем, рабочий день в Петербурге был короче, ночная работа производилась в редких случаях, в то время, как в Москве был длинный рабочий день и в широких размерах применялся ночной труд. А так как петербургские фабриканты конкурировали с московскими, то они ничего не имели против законодательной охраны труда, от которой теряли конкуренты [1]).

Уже в 1882 г. был издан закон о воспрещении фабричного труда детей моложе 12-летнего возраста, о 8-часовом рабочем дне для подростков и о фабричной инспекции. Несколько позднее (1885 г.) появился закон, воспрещавший для женщин и подростков ночную работу на хлопчатобумажных, полотняных и шерстяных фабриках. Наконец, под впечатлением Морозовской стачки был издан (в 1886 г.) закон о найме рабочих, наиболее важные статьи которого были списаны с тетради требований, переданных Волковым губернатору 11 января 1885 г. Этим законом опре-

---

[1]) Туган-Барановский, стр. 309—310.

делялся порядок выдачи заработной платы не реже одного раза в месяц, запрещалось фабрикантам делать вычеты за врачебную помощь, за освещение мастерских и за орудия производства, уплачивать купонами, товарами или продуктами и т. д.; вместе с тем усиливалась наказуемость рабочих за участие в забастовках: закон грозил зачинщикам заключением в тюрьме на срок от четырех до восьми месяцев, а рядовым стачечникам от двух до четырех месяцев.

В последующие годы (1887—89) рабочее движение несколько затихло. Из этого периода особенно любопытна происходившая в течение июля и августа 1887 г. забастовка ткачей Белостока: пока одни мастерские бастовали, другие продолжали работать и поддерживать бастующих. Рабочие победили и добились увеличения расценок [1]).

К этому времени начинается усиление реакции. Московские фабриканты добиваются удаления наиболее ненавистных им фабричных инспекторов (напр., Янжула, который, бросив профессорскую кафедру, пошел в фабричные инспектора из желания служить рабочему классу), прекращения печатания отчетов фабричных инспекторов и издания закона 1890 г., давшего фабрикантам право применять в отдельных случаях, ночную работу и труд подростков и малолетних [2]).

Оправившаяся от кризиса промышленность продолжала развиваться в конце восьмидесятых

---

[1]) В 1888 г. началось стачечное движение среди еврейских ремесленных подмастерьев в Вильне.

[2]) См. статью М. Балабанова, Борьба фабрикантов против охраны труда, в сборнике „Труд в России", кн. I, стр. 119—131.

годов. Но в начале девяностых годов произошла некоторая заминка в связи с голодом (1891 г.).

Промышленный застой 1891—92 г.г. увеличил безработицу, и без того остро ощущавшуюся благодаря наплыву в города крестьян, выгнанных голодом из деревни. Заработная плата упала в то время, как увеличились цены на хлеб и другие продукты. Бедственное положение масс в связи с холерной эпидемией вызвало холерные бунты [1]) и разгром хлебных лавок. Экономическая борьба носила (в 1891—92 годах) оборонительный характер, вследствие того, что фабриканты делали попытки отнять завоевания рабочих и ухудшить условия труда. Такова борьба рабочих Курско-Харьково-Севастопольской железной дороги (1892 г.) против введения расчетных книжек, которыми ухудшались условия труда. Стачки на Ярославской мануфактуре (1892 г.) и Егорьевская (1893 г.), равно как и Юзовская, сопровождались фабричными погромами и вмешательством вооруженной силы. В общем забастовки этого периода кончались поражением рабочих.

Возникшие в это время стачки в Польше (1890—93 г.г.) носили массовой характер (свыше 100 тысяч рабочих). В них участвовали горнорабочие Домброва, текстильные рабочие (в Лодзи, Жирардове и др. городах), ремесленники и рабочие мелких фабрик в Варшаве, а также строительные рабочие в том же городе. Забастовки происходили, главным образом, с целью увеличения заработной платы и сокращения рабочего дня. Забастовка в Тимашове (1892 г.) была направлена против введения расчетных книжек (по

[1]) В. Колпенский, Холерный бунт в 1892 году („Архив истории труда в России“, кн. 3-я, стр. 104—113).

тем же мотивам, как на Курско-Севастопольской дороге). Нередко забастовки польских рабочих приводили к кровавым столкновениям с войсками. Так, напр., несмотря на выдержанное и спокойное поведение стачечников в Жирардове (в 1891 г.), вмешательство полиции вызвало ряд уличных схваток, которые послужили поводом к вызову войск. Произошли новые столкновения. Несколько рабочих было убито, 900 человек арестовано и выслано в административном порядке. К таким же результатам привела забастовка на ткацких фабриках в Лодзи (в 1892 г.). Рабочие требовали сокращения рабочего дня и увеличения заработной платы. Попытка бастующих «снимать» рабочих других фабрик вызвала столкновение с полицией и арест рабочих. Попытка же рабочих фабрики Познанского отбить арестованных привела к кровавому столкновению с войсками. После этого начались такие столкновения в разных частях города, и забастовка стала всеобщей. Рабочие овладели тюрьмой и некоторыми казармами. Власти и фабриканты покинули город. Но стянутые со всех сторон войска подавили забастовку, причем губернатор запретил фабрикантам делать какие бы то ни было уступки рабочим. Но через год фабриканты все же сократили рабочий день на один час.

Бурный и ожесточенный характер носили также волнения рабочих на сибирских золотых приисках, где царили чудовищная эксплуатация и безграничный произвол администрации. Волнения в Енисейском округе [1]) (1890 г.) начались нападением на представителя администрации,

---

[1]) В Александровском прииске; затем движение охватило другие прииски.

отличавшегося жестоким обращением с рабочими. Затем вышедшие из повиновения рабочие освободили арестованных, но были усмирены подошедшими войсками. В результате активные участники, в числе которых были ссыльные, понесли жестокое наказание.

Исключительные законы, господствовавшие в приисках, а также отрезанность от внешнего мира (в зимнее время) закабаляли рабочих. Последние должны были переносить побои и телесные наказания. Жестокое избиение одного рабочего вызвало бурные волнения в Минусинском округе [1]). Рабочие заступились за своего товарища и бросили работы. Стачка была подавлена военной силой. Свыше ста рабочих были осуждены (на каторжные работы, к телесному наказанию и тюремному заключению). За двадцать пять лет (1870—95 г.г.) было на Сибирских золотых промыслах, по приблизительным подсчетам, около пятидесяти выступлений рабочих [2]). Кроме жестокого обращения, причинами волнений были: непосильные уроки на горных работах, дурная пища, низкая заработная плата, большие штрафы и желание увеличить число дней отдыха.

---

[1]) В Троицком прииске.
[2]) В. Семевский, т. II, стр. 719.

Забастовочное движение с 1893 г. по 1904 г. [1]).

Быстрый рост капитализма в России с 1893 г. — Положение рабочих. — Партия и экономическая борьба. — Ленин и экономическая борьба. — Статистика забастовок. — Еврейское рабочее движение.— Забастовки на Невском механическом и у Лаферма в Петербурге (1894 г.). — Царское спасибо за расстрел рабочих в Ярославле (1895 г.). — Общая забастовка текстильных фабрик в Петербурге. — Влияние этой забастовки на фабричное законодательство. — Роль фабричных инспекторов в конфликтах между трудом и капиталом.— Всеобщая забастовка в Иваново-Вознесенске (1897 г.)—Первая жел.-дор. забастовка в 1898 г. — Фабричная полиция. — Обуховская оборона (1901 г.). — Зубатовщина. — Всеобщая забастовка на Кавказе и на юге России в 1903 г. — Златоустовская забастовка в 1903 г. — Фабричное законодательство.

Резкий перелом в развитии промышленности произошел в 1893 г. Если раньше капитализм в России развивался замедленным темпом, то с этого года развитие его пошло гигантскими

---

1) К. Яковлева, Забаст. движение в России за 1895—1917 г.г. („Материалы по статистике труда", 1920 г., вып. 8). К. Ф. Сидоров, Забаст. движение в России (в диаграммах. Москва, 1923). С. Айнзафт, Зубатовщина и гапоновщина (Москва, 1923). М. Рафес, Очерки по истории Бунда (Москва, 1923). Материалы к истории еврейского рабочего движения (Спб., изд. „Трибуна", 1906 г.). К. М. Тахтарев, Рабочее движение в Петербурге, 1893 — 1901 (Ленинград, 1924). В. Колпенский, К истории рабочего движения в Петербурге в 1896 г. („Красная Летопись", № 4). Горев, Рабочее движение в Петербурге в 90-х г.г. (Кр. Новь, 1921, кн. II). Р. Кантор, Стачка железнодорожных рабочих в Ростове-на-Дону в 1894 г. („Былое", 1921 г., № 18). Б. Павлов, Пролетарская борьба в России до 1905 г. (Москва, 1919). В. Е. Варзар, Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие 1895—1904 г.г. (Спб., 1905). И. Чернышев, Стачки в России (Вестник Общества Технологов за 1906 г., №№ 1 и 2). Своды отчетов фабричных инспекторов за 1900 —1904 г.г. Д. Рязанов, Обуховское дело (3-е издание, 1918). Сулимов,

шагами. За семь лет (1893—1900 г.г.) число предприятий увеличилось с 30 до 38 тысяч, а число рабочих на них с 1,6 до 2,4 миллионов человек. По приблизительным подсчетам, 40% всех имевшихся в 1900 г. предприятий основано в 90-х годах 19 столетия. Работавших по найму (фабрично-заводских рабочих, железнодорожников, батраков, торговых служащих и др.) было (в 90-х годах) около десяти миллионов человек [1]). Большое число работавших по найму показывает на развитие всех отраслей народного хозяйства. В промышленности выросла не только численность предприятий, но и производительность. Так, напр., выплавка чугуна увеличилась (с 1885 по 1895 г.г. с 31 до 87 миллионов пудов); за следующее десятилетие мы видим новое увеличение—более

Воспоминания обуховца („Пролетарская Революция", 1922 г., № 12). И. Бендер, К стачечному движению на Кавказе в 1903 г. („Архив истории труда в России", кн. V). Его же, К стачечному движению на юге России в 1903 г. (там же, кн. VI—VII). Его же, Златоустовская забастовка в 1903 г. (там же, кн. IV). В. Ф. Тотомианц, Стачки в России („Мир божий", 1906 г. кн. II). С. Т. Аркомед, Рабочее движение и с.-д. на Кавказе (Москва, 1923 г.). И. Доброва, Из истории рабочего движения на юге России („Былое", 1907 г, № 8). Из рабочего движения в Одессе и Николаеве (Женева, 1900 г.). Д. Кольцов, Рабочее в 1890—1904 г.г. (в сборнике „Обществ. движение в России в начале XX столетия", т. I). Рабочее движение в Иваново Вознесенске, тоже—в Екатеринославе, тоже—в Харькове (все—Женева, 1900 г.) Н. Бухбиндер, Евр. рабочее движение в Гомеле („Красная Летопись", 1922 г., № 2—3). Его же, Евр. рабочее движение в Минске (там же, № 5). Записки Лопухина о стачках в 1903 г. (там же, № 4). Норинский, Екатеринославская забастовка в 1903 г. („Пролет. Революция", 1922 г., № 7). С. А. Ратова, Всеобщая стачка в 1903 г. на Кавказе и черноморском побережьи („Былое", 1907, № 6). А. Шестаков, На заре раб. движения на Донбассе („Прол. Рев.", 1921 г., № 1). С. Васильченко и И. Ставский, К 20-летию годовщины Ростовской стачки (Москва, 1922 г.). Кроме того—ср. работы Мартова, Невского, Ельницкого, Павлова, Вознесенского, Экземплярского, Прокоповича, Пажитнова, Фриче, Поссе и Биска (см. примечание к предыдущей главе).

[1]) По приблиз. подсчету (см. кн. В. Ильина, Развитие капитализма в России).

чем в два раза (до 180 милл. пудов). Переработка хлопка увеличилась с 1890 по 1900 г.г. с 8 до 16 милл. пудов [1]).

За этот период замечается также рост крупного производства и вытеснение мелких предприятий. Так, напр., число рабочих занятых на крупных хлопчатобумажных фабриках (от 1 до 5 тысяч рабочих), возросло с 1866 по 1894 г. в три раза, а число самих фабрик увеличилось менее, чем на 50%. Число же мелких фабрик (от 100 до 500 рабочих) уменьшилось, а количество занятых в них рабочих возросло на ничтожную цифру.

По концентрации производства Россия опередила даже другие страны. Общее количество рабочих на крупных предприятиях (свыше 1000 чел.) было в России (1902 г.)—1,3 милл. чел., в Соед. Штатах—1 милл. чел. (1909 г.) и в Германии (1907 г.)—655 тыс. чел. Среднее число рабочих на одно крупное предприятие было (в те же годы) в России—2490, в Соед. Штатах—1840 и в Германии—1980.

Необычайно быстрое развитие промышленности и железно-дорожного строительства в девянсстых годах вызывает приток иностранного капитала, соблазняемого высоким размером прибыли, крупными казенными заказами и покровительственными таможенными пошлинами [2]).

Капитализм растет не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Переход к

---

[1]) Новых железных дорог было проложено в 1891—93 г.г.—2299 верст, в 1894—96 г.г.—6228 верст и в 1897—99 г.г.—9951 верста.

[2]) В течение последнего десятилетия истекшего века в Россию притекло промышленного капитала на 1½ миллиарда рублей. В то время, как в течение сорока лет до 1892 г. основной капитал акционерных предприятий возрос на 919 милл., он в течение одного лишь следующего десятилетия сразу увеличился на 2,1 миллиарда рублей (цитир. по Л. Троцкому, 1905, Госиздат., стр. 27).

машинам и усовершенствованным способам обработки земли вытесняет отработочную систему как менее производительную. Отработки (гл. обр., работа за пользование помещичьей землей) вытесняются наемным трудом. Классовое расслоение деревни становится более резким: более половины крестьянских хозяйств представляли пролетарские (безлошадные) и полупролетарские (однолошадные) элементы; богатые слои деревни составляли пятую часть всех дворов, владевших больше чем половиной лошадей.

Небольшие наделы, отведенные при ликвидации крепостного права, оказались совершенно недостаточными при росте крестьянского населения. Рост арендных цен на землю, препятствия со стороны правительства переселенческому движению и отягощение платежами вели к обнищанию крестьянства и падению продуктивности крестьянского хозяйства. Примитивная техника, отсутствие удобрений и разумной обработки вели к жестоким голодовкам, сужению внутреннего рынка потребления и промышленным кризисам.

В то время, как капиталисты обогащались, рабочие, создававшие богатство страны, находились в тяжелом положении [1]). Прежде всего следует отметить, что царское правительство и промышленники фактически ничего не делали для улучшения санитарного положения и мер безопасности на предприятиях. При отсутствии санитарного законодательства и ответственности предпринимателей за несчастные случаи неудивительно, что большинство фабрик и заводов являлись «лабораториями травматизма и источ-

---

[1]) К. Пажитнов, Положение рабочего класса в России (Спб., 1906 г.).

никами всевозможных заболеваний» [1]). Медицинская помощь находилась в жалком положении и была во многих случаях фиктивной [2]). Жилищные условия рабочих в девяностых годах [3]) ухудшились, благодаря бегству из деревни и быстрому росту городского населения. На этой почве вырастали грязь, теснота, эксплуатация и разврат.

Обследование коечно-каморочных помещений в Москве (в 1899 г.) показало, что почти на $^3/_4$ всего рабочего населения приходилось менее $1^1/_2$ куб. саж. на человека. Таким образом, они жили в условиях, прямо сокращающих человеческую жизнь. Духота, сырость, грязь, вонь и недостаток света — таковы были общие условия жизни в этих помещениях. Отдельные каморки (т. е. части комнаты, отделенные досчатыми перегородками, не доходящими до потолка) сдавались целиком отдельным семействам, или частями незнакомым между собою лицам. Часто одна койка сдавалась двоим: один занимал ее ночью, другой—днем (постель никогда не остывала!).

Не лучше были жилищные условия в Петербурге. По несколько человек спали на одной кровати, на каждого приходилось менее $^1/_2$ куб. саж. воздуха. В фабричных казармах кровать семейного отделялась от общих нар или кроватей ситцевой занавеской. Часто в одной каморке помещались две—три семьи с кучей ребят. В одном и том же помещении спали, чистили и сушили платье, а также занимались различными работами.

---

1) Там же, стр. 98.

2) Медицинская помощь существовала лишь в крупных предприятиях (да и там она была скорее фельдшерской, чем врачебною помощью).

3) В. Святловский, Жилищный вопрос с эконом. точки зрения, 5 выпусков (Спб., 1902).

Рабочий день был не ниже 12-ти часового [1]); на некоторых фабриках рабочий день доходил до 18 часов. Кроме того, в широких размерах применялись сверхурочные работы. Еще больше изнуряли рабочих ночная и сменная работы. Смены располагались так, что рабочий не имел возможности выспаться.

Денежная заработная плата увеличилась (на 12%), но стоимость жизни росла скорее (на 23—60%). Многие заводы систематически производили понижения расценок или расплачивались товарами (по повышенным ценам). На фабриках попрежнему царил произвол (в особенности по отношению к работницам). Заболевших рабочих немедленно расчитывали. Культурные развлечения (театры, библиотеки и т. д.) отсутствовали.

Бешеный рост капитализма ведет к необычайному росту экономической борьбы. Последняя приобрела (с 1893 г.) необычайно широкий размах; кроме того, рабочее движение получило организованный характер и уже проходит под политическими лозунгами. Рабочие проникаются сознанием, что их главный враг—самодержавие, против которого они и повели борьбу. Связь экономической борьбы с политическою выразилась не только в политических требованиях и демонстрациях, но также в руководстве борьбою со стороны партии. За этот период окрепло классовое самосознание пролетариата, выдвинувшего свой авангард—Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию. В партийной среде вопросы экономической борьбы находили различное разрешение со стороны революционных и

---

[1]) О законодательном ограничении рабочего дня (1897 г.)—см. выше.

умеренных социалистов. Переход от узкой кружковщины к широкой массовой работе социал-демократы понимали как постоянную агитацию «среди фабричных рабочих на почве существующих мелких нужд и требований». Только на почве экономической борьбы вырастет классовое самосознание пролетариата, так как иначе вовлечение и организация широких масс невозможны [1]).

В понимании массовой работы существовало большое расхождение между «экономизмом» (Прокопович и Кускова) и революционным крылом (Ленин и Плеханов). «Экономисты» доказывали, что пролетариат в России не созрел для самостоятельной политической борьбы. Поэтому следует ограничиться одной лишь экономической борьбой за мелкие повседневные нужды, т. е. «борьбою за пятачок». Что касается политической борьбы с самодержавием, то эту борьбу должна вести буржуазия, а не пролетариат, тем более, что предстоящая в России революция будет не пролетарской, а буржуазной.

Основная точка зрения революционного крыла [2]), революционных социал-демократов, — это связь экономической борьбы с политической: партия, руководящая экономической борьбой, вовлекает рабочие массы в политическую борьбу против царизма (столкновение с полицией и войсками, защищавшими хозяев и охранявшими «порядок»), на этой почве развивается широкая

---

[1]) Цитир. по нелегальной брошюре „Об агитации“, написанной Кремером (в 1894 г.). Брошюра была впоследствии издана в Женеве (в 1896 г.).

[2]) Оно группировалось вокруг заграничного органа „Искры“ (поэтому противники „экономистов“ назывались „искровцами“). Первая основательная критика была дана Плехановым (в 1899 г.) в брошюре „Vademecum“ (Путеводитель).

политическая агитация, и пролетариат организуется для борьбы с самодержавием.

Руководители революционных социал-демократов играли активную роль в экономической борьбе. С этого началась революционная деятельность Ленина, одним из первых произведений которого была брошюра «О штрафах». Но Ленин всегда подчеркивал связь экономической борьбы с политической. В одной изданной за границею брошюре [1]) Ленин писал: «Агитируя среди рабочих на почве ближайших экономических требований, социал-демократы неразрывно связывают с этим и агитацию на почве ближайших политических нужд, бедствий и требований рабочего класса,—агитацию против полицейского гнета, проявляющегося в каждой стачке, в каждом столкновении рабочих с капиталистами».

Резкую критику «экономизма» и подробный разбор вопроса о роли экономической борьбы Ленин дал в брошюре «Что делать» (изданной в 1902 г.).

Ленин доказывал, что если рабочие будут вести только мелкую экономическую борьбу и откажутся от политики и социализма, то от этого выиграет одна лишь буржуазия. В интересах буржуазии — внушить рабочим, что «копейка на рубль ближе и дороже, чем всякий социализм и всякая политика» [2]).

---

[1]) Задачи русских социал-демократов (1897 г.). Взгляды Ленина на экономическую борьбу—см. Н. Ленин, Профессиональное движение. Избранные статьи и речи. Изд. ЛГСПС (Ленинград, 1924), а также Н. Ленин, Статьи и речи по вопросам проф. движения, изд. ВЦСПС („Ценное признание", „С чего начать", „Новый фабричный закон", „Стачка ткачей на Ив.-Вózн. мануфактуре", „Сельские рабочие в юго-восточных губерниях Европ. России") и IV том полного собрания сочинений (статьи: „Беседа с защитником экономизма", „Проект нового закона о стачках" и др.).

[2]) Цитир. по сборнику статей Ленина о профессиональном движении, изд. ЛГСПС, стр. 10.

Спор между «экономистами» и «искровцами» был решен в пользу последних, так как сама жизнь показала неразрывную связь борьбы за экономические улучшения с борьбою против полицейского гнета и бесправия. В начале 20-го столетия рабочее движение принимает характер революционной борьбы с царизмом: всеобщие стачки с политическими лозунгами, демонстрации и т. д. [1]).

На втором с'езде социал-демократической партии (в 1903 г.) «экономизм» был окончательно осужден, в виду того, что отрыв экономической борьбы от политической ведет «к дроблению пролетарских сил и к подчинению рабочего класса интересам имущих классов» [2]).

Хотя с 1895 г. велась статистика забастовок, но только в предприятиях, подчиненных фабричной инспекции. Таким образом, не имеется цифровых данных о развитии забастовочного движения в горных и горнозаводских предприятиях, на заводах военного и морского ведомства, на железных дорогах, в мелких предприятиях и в сельском хозяйстве. Наконец, официальные статистические данные охватывают только Европейскую Россию, не распространяясь на другие части страны [3]). Насколько официальные данные отстают от действительности, показывает сле-

---

[1]) Рост полит. борьбы в начале 20 столетия вызвал в партии течение крайнего „искризма", отодвигавшего на задний план работу по организации и руководству экономической борьбой. Последовательные искровцы (с Лениным во главе) решительно боролись против этого течения.

[2]) См. Тактика большевизма в профдвижении. Сборник резолюций по вопросам профдвижения, с'ездов и конференций Российской Коммунистической Партии (Харьков, 1923).

[3]) Так как на Сибирь, Среднюю Азию и некоторые части Кавказа положение о фабричном надзоре не распространялось. Другими словами: данные о забаст. движении охватывали 50% предприятий с 70% рабочих.

дующее сравнение: за 1895—99 г.г. в стачках участвовало, по приблизительному подсчету, 434 тысячи рабочих, а по официальным данным — 262 тысячи человек [1]). Всего, согласно правительственным (т. е. неполным) данным, с 1895 по 1904 г. было 1.765 забастовок с 431 тыс. участников. Больше половины всех забастовок приходилось на крупные предприятия (с числом рабочих более 100) [2]). Наибольшее число забастовок падало на промышленность, отличающуюся особенной концентрацией — текстильную и металлообрабатывающую (52% всех забастовок и 82% всех стачечников). С другой стороны, число предприятий, затронутых стачками, составляло по отношению ко всему числу предприятий:

для предприятий с числом до	20 рабочих . . .	2,7%
„ „ „ „ „	21— 50 „ . . .	7,5%
„ „ „ „ „	51— 100 „ . . .	9,4%
„ „ „ „ „	101— 500 „ . . .	21,5%
„ „ „ „ „	501—1000 „ . . .	49,9%
„ „ „ „	свыше 1000 „ . . .	89,7%

Итак, число забастовок возрастает с увеличением размера предприятий.

Эти забастовки оканчивались для рабочих менее успешно, чем на Западе. Так, в пользу рабочих вполне и отчасти оканчивалось забастовок в Англии — 63%, во Франции — 53% и в России—50%, а по отношению к общему числу стачечников: в Англии — 60%, во Франции — 63% и в России—47%. Из общего числа заба-

---

[1]) Л. Мартов, стр. 122—123; В. Невский, стр. 351—352.

[2]) На предприятия с числом рабочих более 1000 чел. приходилось 12% всех стачек; столько же (12%) на предприятия с числом рабочих более 500 чел.

стовок 40% оканчивались вмешательством правительства в пользу капиталистов (присылкой войск, арестами и т. п.). В отношении к общему числу рабочих было стачечников: в России — 2,7%, во Франции—от 1,4 до 1,6% и в Германии—от 0,01 до 1,5%. Напряженность забастовок (если взять число потерянных дней на каждую забастовку и каждого забастовщика) значительно ниже, чем в западно-европейских странах, причем оборонительные забастовки были крупнее и напряженнее, чем наступательные. Больше всего забастовок возникало из-за заработной платы — 61%; из-за рабочего времени— 21%, из-за условий труда и быта—7%.

Годы.	Число забастовок.	Число участников.
1895	68	31.195
1896	118	29.527
1897	145	59.870
1898	215	43.150
1899	189	57.498

Промышленный под'ем (1893—99 г.г.) сопровождался под'емом экономической борьбы рабочих.

В начале этого периода сильное развитие получает забастовочное движение среди еврейских рабочих в Западном крае, Литве и Польше. Еврейский рабочий стонал под двойным гнетом. С одной стороны, его эксплуатировал хозяин, с другой — его угнетали как еврея. Недаром Каутский называл еврейских рабочих «париями среди пролетариата».

Еврейское ремесло в городах и местечках «черты оседлости» [1]) в 90-х годах видоизмени-

[1]) Т. е. в тех местностях запада и юга России, вне которых евреям не разрешалось проживание.

лось: магазинная работа вытесняла заказную, и сделаться самостоятельным мастером становилось все труднее. Этим пользовались хозяева для усиления эксплуатации. Рабочий день продолжался 14—16 и даже 18 часов в сутки, а заработная плата доходила до 2 — 3 рублей в неделю. Еврейские рабочие втягивались также в крупную промышленность, но и там положение их было тяжелым. Все эти обстоятельства выделили (в начале 90-х годов) еврейское рабочее движение на общем фоне экономической борьбы рабочих в России. Выступления еврейских пролетариев сразу принимают организованный характер: движением руководят стачечные кассы.

Первая стачечная касса была организована чулочницами в Вильне (в 1888 г.), а в девяностых годах боевые стачечные кассы захватывают большие массы рабочих: в некоторых местностях до 40—60% рабочего населения [1]).

Уже в 1892 г. виленские рабочие вели успешные стачки за сокращение рабочего дня. Начиная с этого момента, движение быстро развивалось. Вслед за виленскими и варшавскими ремесленниками, выступили белостокские ткачи (в 1895 г.) в числе до 20 тысяч человек. Упорная борьба продолжалась две недели. Формально рабочие боролись против введения расчетных книжек, из которых суконщики, жившие раньше в патриархальных условиях, впервые узнали о различных карательных правилах, ставящих их в юридически-неравноправное положение по сравнению с хозяевами. По существу, ткачи были выведены из терпения тяжелым экономическим

---

[1]) Эти кассы фактически были профессиональными союзами (нелегальными). С этого момента можно начинать историю профдвижения в России.

положением. В результате, хозяева сделали незначительные уступки, но с введением расчетных книжек рабочие должны были примириться.

В начале этого периода (в 1894 г.) в Петербурге произошли беспорядки на Невском механическом заводе [1]).

Уже раньше бывали случаи, что рабочим не выдавали во время двухнедельной платы, каковой порядок грозил стать обычным. Наступало рождество, а администрация завода отговаривалась неимением денег. Их не оказалось и накануне праздника. В результате рабочие разгромили контору и разбили стекла в фабричных корпусах. В ту же ночь жандармские офицеры стали выдавать рабочим давно требуемую получку.

Такой же бурный характер носил «бунт» папиросниц (в 1894 г.) у Лаферма. Введенные только что машины сильно увеличили количество брака, а браковка производилась со всякими плутнями и придирками. И зачастую «бракованные» папиросы продавались за первый сорт. Выведенные из терпения непосильными штрафами, браковкой, низкой платой и грубым обращением, работницы забастовали (причем бились стекла, выламывались рамы, папиросная бумага, табак, обломки мебели бросались на улицу), требуя уничтожения штрафов и недобросовестной браковки. В результате — жандармы, полиция, пожарные трубы, аресты, с одной стороны, а с другой — циркуляр фабричной инспекции, запрещающий фабрикантам произвольно браковать товар и приказывающий записывать штрафные суммы в шнуровую книгу и употреблять их на нужды рабочих [2]).

---

[1]) К. М. Тахтарев, Рабочее движение в Петербурге, стр. 41.
[2]) Там же, стр. 51.

Продолжительная стачка (1894 г.) в железнодорожных мастерских в Ростове-на-Дону закончилась удовлетворением главных требований рабочих (повышение платы и сокращение рабочего дня). Забастовкою руководили социалистические организации. Полиция арестовала около двухсот человек, обвиненных в социалистической агитации. П. А. Мосеенок, деятель Морозовской стачки, был сослан (в третий раз) в Вологодскую губернию.

В 1895 г. забастовочное движение усилилось. Стихийное движение в текстильной промышленности центрального промышленного района сопровождалось эксцессами. Главными причинами забастовок являлись расценка и штрафы. Забастовки (весною 1895 г.) окончились, в большинстве случаев, поражением рабочих. Тем не менее движение усиливалось. В Петербурге происходили волнения и забастовки на некоторых мануфактурах (напр., на суконной фабрике Торнтона и на джутовой фабрике Лебедева). Рабочие требовали повышения платы, систематически понижаемой фабрикантами. Забастовки прошли организованно, но, тем не менее, рабочие не добились успеха. Своей организованностью выделялось движение в Иваново-Вознесенске (в 1895 г.), в котором участвовало две тысячи рабочих т-ва Иваново-Вознесенской мануфактуры, главным образом, против понижения расценок. Борьба велась под руководством социал-демократов, которые следили за тем, чтобы порядок не был нарушен. Напр., потребление водки было, по решению стачечников, воспрещено. Тем не менее, произошло столкновение с казаками, которые подвергли избиению даже женщин. После двух недель забастовка кончилась формальной

победой фабрикантов, но под влиянием стачки фабрика впоследствии все же повысила плату.

Оживленно проходили забастовки в металлургическом и механическом производствах. Напр., в январе 1895 г. происходила крупная забастовка на заводе Нового адмиралтейства в Петербурге против удлинения рабочего дня, закончившаяся победою рабочих. Летом и осенью происходили частые забастовки на Путиловском заводе из-за понижения расценок. Следует также отметить забастовку в ж.-д. мастерских в Минске и Пинске.

Кровавым столкновением с войсками окончилась забастовка десяти тысяч рабочих на Большой мануфактуре в Ярославле (1895 г.). Стачка произошла из-за понижения расценок и штрафов. Несмотря на мирное течение забастовки, явился губернатор с войсками. Депутацию губернатор велел арестовать, не выслушав ее, когда рабочие захотели разойтись по домам, солдаты не пропустили их и стали избивать прикладами. Рабочие защищались камнями, и тогда по приказу офицеров был дан залп: трое было убито (в том числе—женщина и ребенок) и 18 ранено; 150 человек были арестованы и две тысячи человек уволены. Рабочие принуждены были возобновить работы. После этого в «Ярославских Губернских Ведомостях» появился приказ по московскому военному округу, в котором сообщалось, что царь «весьма доволен стойким и спокойным поведением войск во время фабричных беспорядков», и об'являлось царское спасибо «молодцам-фанагорийцам».

Особенно интенсивно прошли забастовки в 1896 и 1897 г.г. По официальным данным в эти два года забастовки охватили 263 промышленных

заведения, а число стачечников дошло до 89 тысяч; по неофициальным данным было не менее 170 тысяч участников. Главную роль в забастовочном движении играли рабочие текстильного производства (54% всех стачечников). Борьба шла, главным образом, за повышение расценок и сокращение рабочего дня.

Движение началось в Петербурге (в мае 1896 г.) из-за неуплаты рабочим за коронационные дни, в течение которых фабрики не работали. Первый сигнал дали рабочие Калинской («Российской») мануфактуры (23 мая), и вскоре к забастовке примкнули рабочие всех текстильных фабрик в числе более 30 тысяч человек. Руководство движением сразу переходит к организовавшемуся несколько ранее «Петербургскому союзу борьбы за освобождение рабочего класса» [1]. Представители бастующих предприятий выработали требования и передали их на рассмотрение Союза. Последний выпустил листок с требованиями рабочих, которые сводились к следующим пунктам: 10½-часовой рабочий день (вместо 14-ти часов) и 1½-часовой обеденный перерыв; повышение расценок; окончание работ по субботам в 2 часа дня; уплата за коронационные дни; правильная расплата два раза в месяц и прекращение злоупотреблений в виде пускания машин раньше времени.

Бастующие вели себя спокойно, но устраивали постоянные сходки, на которых выступали

[1]) В организации этого союза деятельное участие принимали Ленин, Мартов, Бабушкин и др. Во время „бунта" на фабрике Лаферм (в 1894 г.), Ленин и Сильвин ходили по улицам, где скоплялись работницы, чтобы завязать с ними связи, заходили в трактиры, чтобы из разговоров посетителей узнать положение и требования работниц (Н е в с к и й, стр. 376). Лениным писались также листки к рабочим: Н. Л е н и н, статьи и речи по вопросам проф. движения, изд. ВЦСПС (Москва, 1924 г.), стр. 3—10.

социал-демократы. На поддержку бастующих собирались средства в Зап. Европе, где за борьбою петербургских рабочих следили с живейшим интересом. Власти держались первоначально вполне спокойно, посылая фабричных инспекторов и полицейских к рабочим для увещевания. Градоначальник обратился к рабочим с воззванием, чтобы они не «бунтовали» в тот момент, когда царь возвращается домой (с коронации). Правительство созвало совещание фабрикантов для обсуждения вопроса о возможных уступках. Петербургские фабриканты готовы были итти на сокращение рабочего дня, но с тем, чтобы оно было проведено в законодательном порядке для всей России. Однако, вскоре затем начались репрессии. На особом совещании, с участием министров внутренних дел и финансов, градоначальника, фабричных инспекторов и др., решено было «немедленно и решительно приступить к осуществлению карательных мер» и не допускать уступок со стороны фабрикантов, так как «всякие уступки рабочим могли бы вызвать лишь распространение беспорядков». Происходили повальные обыски. Арестованных держали в манеже, так как тюрьмы и участки были переполнены. Конные жандармы гнали толпы рабочих по направлению к фабрике. Околоточные и городовые, в сопровождении дворников, врывались по утрам в рабочие квартиры, стаскивали рабочих с постелей, отрывали полураздетых женщин от детей и тащили на фабрику. Рабочие же прятались на чердаках и в отхожих местах.

Но бастующие стойко держались. 15 июня министр финансов выпустил прокламацию к рабочим, в которой, уверяя, что «правительству одинаково дороги как дела фабрикантов, так и

дела рабочих», предостерегал рабочих от агитации социалистов. Преследования, голод и обещания, в конце концов, сломили силу стачечников, и к 18 июня забастовка прекратилась. После этого появилось правительственное сообщение, в котором число бастующих рабочих было уменьшено вдвое, и самая забастовка приписывалась агитации «злонамеренных личностей».

Летняя стачка в Петербурге вызвала отклик в других городах (в Москве, Нижнем-Новгороде и др.).

Петербургские ткачи ждали исполнения правительственных обещаний до конца 1896 г. Рабочие на своих совещаниях решили начать общую забастовку с 2 января 1897 г. Застрельщиками вновь явились рабочие Российской мануфактуры. К забастовке примкнуло около 15 тысяч рабочих. На некоторых заводах после этого был сокращен рабочий день. На Александровском заводе (мастерские Николаевской ж. д.) было удовлетворено требование о прекращении работ по субботам в 2 часа дня, причем эта мера была распространена на мастерские всех казенных железных дорог, что вызвало среди мастеровых частных железных дорог стремление добиться той же льготы. Январская стачка петербургских рабочих популяризировала требование сокращения рабочего дня, направив главное русло движения в эту сторону. Так, напр., десятидневной забастовкой ткачи шелковой фабрики в Петербурге добились сокращения работ на один час.

Забастовка нескольких тысяч рабочих мануфактуры Коншина в Серпухове (1897 г.) сопровождалась эксцессами, несмотря на предупреждения и старания руководителей. Забастовка была

подавлена военной силой. Между тем, настроение петербургских текстильщиков все еще оставалось напряженным, так как правительственный законопроект о сокращении рабочего дня все еще разрабатывался. Наконец, вспыхнула новая забастовка на Новой Бумагопрядильне (в апреле 1897 г.). Рабочих нагайками и прикладами заставили вернуться на фабрику.

Но текстильные фабриканты поспешили ввести $11^1/_2$-часовой рабочий день, причем расценки были повышены на 7%. Вскоре был издан закон о $11\,/_2$-часовом рабочем дне (и 10-часовом— в ночное время, а также по субботним и предпраздничным дням). Этот закон, несмотря на все его недостатки, являлся большим завоеванием рабочего класса.

Петербургские стачки 1896—97 годов оказали огромное влияние на дальнейшее развитие рабочего движения. Они являлись «началом его организованного развития, слияния с социализмом» [1]). Рабочие боролись не разрозненно, показав своим противникам силу совместных выступлений [2]).

Правительство, со своей стороны, вступило на путь решительной борьбы с рабочим движением. Фабричным инспекторам было разослано предписание, возлагавшее на них обязанность ликвидировать стачки, так как правительство при таких обстоятельствах не может допустить осуществления желаний рабочих, даже в том случае, если бы фабриканты под их влиянием или по добродушию из‘явили согласие на уступки.

---

[1]) В. Невский, стр. 385.

[2]) Спустя некоторое время, в Минске состоялся первый с‘езд с.-д. организаций (1898 г.), выпустивший манифест об образовании Российской с.-д. рабочей партии.

Это предписание проводилось в жизнь. Так, напр., при одной забастовке в Костромской губернии (1896 г.), фабрикант хотел сделать уступки рабочим, но под давлением фабричного инспектора рабочих принудили вернуться к работам на прежних условиях.

В Петербурге фабричный инспектор заявил рабочим фабрики Лебедева (1895 г.), что «если бы хозяин и захотел прибавить плату, то ни я, ни сам градоначальник не допустим этого». Подобное же вмешательство со стороны фабричного инспектора мы встречаем при забастовке (в 1896 г.) на кирпичном заводе в Херсонской губернии: только уступая усиленным просьбам владельца, указавшего, что приостановка работ грозит ему разорением, инспектор разрешил ему войти в переговоры с забастовавшими рабочими.

Полиция зорко следила за ростом забастовочного движения. В циркуляре министра внутренних дел губернаторам (1897 г.) предписывалось «установить строгое наблюдение за фабриками, заводами, мастерскими и местами расселения рабочих и своевременно доносить о проявлении тревожного настроения в рабочей среде», арестовывать «лиц образованных классов, заподозренных в преступных сношениях с рабочими или в распространении воззваний или брошюр, призывающих к стачкам и забастовкам». Далее предписывалось воспрещать всякие сходки и арестовывать зачинщиков, если сходка созывалась с целью об'явления забастовки. В случае возникновения забастовки предписывалось иногородних рабочих высылать на родину или в места приписки. Однако, последняя мера только способствовала распространению стачечной вол-

ны: из высылаемых зачинщиков рекрутировался кадр агитаторов, получивших уже боевой опыт.

Несмотря на репрессии, многие стачки дали перевес на сторону рабочих, которые добились более или менее значительных успехов. Так, напр., успешно закончилась всеобщая забастовка в Иваново-Вознесенске (1897 г.), где рабочие требовали увеличения числа праздников, уменьшения работ в предпраздничные дни и установления четырехнедельного отпуска для рожениц. Хотя социал-демократы не руководили забастовкой, тем не менее она прошла спокойно и организованно. Забастовка длилась три недели, и в ней участвовали все текстильные рабочие (до 20 тыс. чел.). В том же году ткачи владимирского промышленного района, где господствовала двухсменная система работ, добились девятичасовых смен на всех фабриках района и повышения расценок. Заметно оживилось также забастовочное движение в Польше, где бастовали углекопы, ремесленники и металлисты. В Домброве (1897 г.) на одном заводе началась забастовка из-за злоупотребления суммами пенсионной кассы и улучшения врачебной помощи. Туда тотчас были посланы войска, залпом были убиты восемь рабочих. Событие это оказало революционизирующее влияние на горнорабочих в Польше.

В северо-западном крае борьба велась главным образом еврейскими рабочими и подмастерьями.

Следует отметить движение чулочниц, захватившее около двух тысяч чел., работавших на дому и получавших нищенскую плату (5—6 руб. в месяц); сапожники и столяры добились $11^{1}/_{2}$-часового рабочего дня и т. д.

Агитационную роль сыграло выступление рабочих и работниц папиросной фабрики Эдель-

штейна в Вильне (в 1896 г.). Стачка была вызвана желанием хозяина заменить мужской труд более дешевым—женским. Несмотря на репрессии и преследования, рабочие вышли победителями. Обратный результат имели репрессии по отношению к белостокским ткачам (в том же году), когда по распоряжению губернатора на время забастовки были закрыты все ломбарды и ссудные кассы.

На юге борьба шла преимущественно за сокращение рабочего дня, причем в Екатеринославе рабочие некоторых цехов Брянского завода без стачки добились восьмичасовых смен. В то же время впервые организованное движение возникло и на Урале. Здесь следует отметить стачку рабочих одного цеха Оружейного завода за замену сдельной платы поденной; борьба продолжалась два с половиною месяца и кончилась победою рабочих.

Силою была подавлена забастовка на фабриках Максвеля и Паля в Петербурге (в 1898 г.). Забастовщики требовали повышения расценок, а также свободы стачек и собраний. Однажды полиция проникла ночью в рабочие казармы, с целью арестовать нескольких стачечников. Рабочие оказали полицейским энергичное сопротивление, за что подверглись жестокой расправе. Многие рабочие и работницы были избиты до потери сознания, некоторые серьезно заболели, были случаи лишения зрения и слуха. Зачинщики же забастовки были присуждены к суровым наказаниям.

В начале 1898 г. бастовали все механические заводы в Варшаве, где рабочий день был короче, чем установленный законом 2 июня 1897 г., а потому фабриканты пытались удлинить рабочий

день до законодательной нормы [1]. Летом 1899 г. в борьбе за сокращение рабочего дня и увеличение заработной платы участвовало свыше тридцати тыс. рабочих. Забастовка завершилась победою рабочих. По тем же мотивам бастовали двенадцать тысяч рудокопов Домбровского района, но без успеха.

Первомайская всеобщая забастовка в Либаве (1899 г.) послужила толчком к многочисленным экономическим стачкам, охватившим все фабрики и заводы, портовых рабочих, каменщиков и плотников. В забастовке участвовало свыше десяти тысяч рабочих, требовавших повышения платы и сокращения работы на один час. Борьба кончилась победою рабочих.

Иной характер носила всеобщая забастовка в Риге (1899 г.). Она началась частной забастовкой работниц Джутовой мануфактуры, направленной против понижения платы. Работницы собрались в саду, но полиция их там оцепила. На выручку подоспели рабочие завода «Феникс», расположенного вблизи сада. Между тем к забастовке примкнули другие фабрики и заводы. Бастующие устраивали демонстрации. Войска скоро стали применять огнестрельное оружие. Рабочие, в свою очередь, нападали на патрули, стреляли из окон. Убито было несколько десятков рабочих.

Для борьбы против усиливавшегося рабочего движения существовала особая фабричная полиция. Фабриканты либо сами содержали у себя

---

[1] В конце 1898 г. произошла первая в России ж.-д. забастовка на Кавказе. Движение на Закавказской железной дороге приостановилось на три дня; рабочие и служащие требовали сохранения льгот, отнятых у них при переходе дороги в казну. Рабочие добились своей цели.

на фабриках тайных агентов, либо вносили деньги в полицию или жандармское управление с тем, чтобы они содержали у них сыщиков, которые следили бы за рабочими и доносили обо всем замеченном как по начальству, так и хозяину фабрики. Фабриканты содержали за свой счет и явную полицию. Так, по донесению старшего фабричного инспектора Лифляндской губернии, товарищество «Проводник» имело у себя конторщиком околоточного надзирателя, который вел здесь штрафную книгу; за свой счет содержало трех городовых. По донесению того же фабричного инспектора, «многие заводы в Лифляндии содержат своих городовых, притом одни из них состоят караульными, другие даже заводскими фельдшерами». В 1880 г. владельцам фабрик и заводов было разрешено учреждать на собственные средства полицейские должности. До 1898 г. фабричная полиция была введена в 572 предприятиях. По сведениям министерства внутренних дел, «особенно заметно усиление состава полиции на средства фабрик и заводов за последние два года, как результат бывших рабочих беспорядков». Так, напр., в Иваново-Вознесенке на средства фабрикантов содержалась конно-полицейская стража в составе двадцати стражников с приставом во главе; на Брянском заводе в Орловской губернии была образована команда из 50 городовых с полицейским надзирателем во главе и содержалось 80 вооруженных сторожей осетин. Как выразился на суде один из защитников рабочих, обвинявшихся в бурных волнениях, вспыхнувших на этом заводе в мае 1898 г., весь завод представлял громадную крепость. «Крепкие, высокие стены, обнесенные рвом, по стенам—сторожевые будки на равных

расстояниях друг от друга. Лица в каком-то странном одеянии на часах. Окрики на незнакомом языке. Блеск кинжалов. Ружейные выстрелы по ночам». Как выяснилось на суде, бывали случаи, когда черкесы, по приказанию администрации, водили рабочих по двору завода под конвоем с шашками наголо, как арестантов. Самые беспорядки, за которые судили рабочих, начались из-за того, что сторож ударом кинжала в грудь убил рабочего, оторвавшего доску от забора.

Полиция, вводимая самими фабрикантами и заводчиками, не в силах была бороться с политической пропагандой среди рабочих и следить за их благонадежностью. Тогда был (в 1899 г.) издан закон об учреждении фабричной полиции. Так, одесский градоначальник в своем наказе фабричной полиции писал: «Фабричный городовой должен, по возможности, сжившись с рабочими, обращать свое особое внимание на тех, которые среди них занимают выдающееся положение и имеют влияние на других. В случае какого-либо недовольства фабричными порядками, и когда рабочие обращаются к владельцу, городовой должен обратить внимание на тех, кто больше других разговаривает», и т. д. Таким образом, для поддержания порядка среди рабочих правительство вводило полицию в самые фабрики; местные власти требовали от фабрикантов предоставления полицейским квартир, допущения их на фабрику.

В начале 20-го века разразился промышленный кризис. Экономическая борьба приняла оборонительный характер.

Рабочим пришлось противодействовать стремлению предпринимателей к понижению зара-

ботной платы, удлинению рабочего дня и т. д. Особенно сильно развилось стачечное движение на железных дорогах. Благодаря тому, что железнодорожный пролетариат оказался менее затронутым кризисом, он не только энергично сопротивлялся ухудшению условий труда и усилению гнета со стороны администрации, но выдвинул ряд новых требований о повышении расценок, установлении 8-часового рабочего дня и т. д. На совещании, созванном для обсуждения вопроса о борьбе с рабочим движением на железных дорогах (1902 г.), один из представителей путейского ведомства высказался за удовлетворение важнейших требований железнодорожных рабочих (сокращение рабочего дня, сохранение полной поденной платы за время болезни, учреждение похоронных касс, улучшение быта ремесленных учеников и т. п.).

Совещание, однако, пошло по другому пути. С целью разбить солидарность железнодорожного пролетариата, решено было бросить подачки одной части рабочих с целью подкупить последних и оторвать их от своих товарищей. Из общей массы железнодорожников была выделена группа, наделенная правами штатных служащих. Такими мерами хотели достигнуть того, чтобы привилегированные рабочие, «дорожа своей службой, давали отпор всем попыткам к нарушению правильности работ». Но это не имело успеха, и волнения продолжались.

Из забастовок фабрично-заводских рабочих того времени нельзя не отметить знаменитую забастовку на Обуховском сталелитейном заводе в Петербурге, известную в истории рабочего движения под названием «Обуховской обороны». На Обуховском заводе работало 6—7 тысяч человек.

Несмотря на большие заказы и значительные барыши, расценки с конца 1900 до весны 1901 г. понизились на 20—30%. В день 1 мая 1901 г. не вышло на работу до $1^1/_2$ тысячи рабочих. После этого начались расчеты и аресты рабочих, участвовавших в демонстрации. Тогда (7 мая) все рабочие завода забастовали, требуя освобождения и возвращения арестованных и расчитанных товарищей и т. д. На завод прискакали казаки, конные жандармы и полицейские, всего 150 чел.

Рабочие не только отразили их нападения, но обратили жандармов и полицейских в бегство. Когда прибыли войска, рабочие устроили баррикады и осыпали солдат градом камней, поленьями дров, обрезками стали, железа и проч. К обуховцам присоединились рабочие Александровского завода и работницы карточной фабрики, всего 2.000 человек. На следующий день войска и полиция были убраны, а затем появилось об'явление начальника завода о том, что рабочим разрешается для переговоров избрать депутатов, которым гарантируется неприкосновенность.

Рабочие выдвинули следующие требования: 8-часовой рабочий день, включение 1 мая в табель праздников, признание выборных от рабочих, возвращение всех уволенных и арестованных за участие в первомайской демонстрации, увеличение расценок, уничтожение сверхурочных работ и обеспечение вдов и сирот убитых. Значительная часть требований была удовлетворена. Но через некоторое время администрация взяла назад свои уступки. В ответ на это, рабочие 7 июля 1901 г. снова забастовали, но правительство подавило забастовку, арестовав и вы-

слав из столицы свыше 1000 рабочих. Помимо того, 37 рабочих были преданы суду за участие в событиях 7 мая, причем большинство из них было осуждено.

Рабочее движение в начале 20-го столетия идет уже с политическими лозунгами. В лице рабочего класса царизм увидел опасного врага, с которым карательными мерами справиться уже невозможно. Успеху политической агитации много содействовал промышленный кризис, когда рабочие увидели, что царизм мешает даже оборонительной борьбе против ухудшений условий труда [1]).

Тогда для борьбы с революционным движением среди рабочих выступил начальник Московского охранного отделения Зубатов (1901 г.). С целью отвлечь рабочих от политики и революционных выступлений, Зубатов решил через своих агентов увлечь рабочих на путь экономической борьбы за повседневные нужды, чуждой всякой политики. Одновременно зубатовцы должны были внушить рабочим, что царь и правительство на их стороне и что они будут иметь поддержку в своей борьбе против хозяев. Тем самым Зубатов думал настроить рабочих против революционеров, которые своим призывом к политической борьбе отвлекают рабочих от борьбы за свои насущные нужды; революционеры объявлялись зубатовцами тайными агентами хозяев, заинтересованных в отвлечении рабочих от экономической борьбы. Таковы идеи зубатовщины, которые были приняты департаментом полиции, как метод борьбы с ростом рабочего движения. Самую «борьбу» Зубатов думал вести в «закон-

---

[1]) Н. Батурин, Очерк истории социал-демократии в России, изд. 5-ое (Петр., 1923), стр. 87.

ных» рамках, не доводя дело до забастовок. Но он ошибся. Чтобы не потерять влияния на массы, зубатовские агенты (скрывавшие свою связь с охранным отделением) должны были давать свое согласие на стачечные выступления и даже руководить ими. Промышленники, обеспокоенные новым курсом правительственной политики, подняли тревогу. Правительство не могло не считаться с этими протестами, так как оно всегда поддерживало промышленников против рабочих. Когда, по давлению сверху, зубатовские агенты повели двойственную и нерешительную политику, обманутые ими рабочие массы ринулись на путь революционной борьбы с царизмом. После этого правительство прекратило игру в рабочелюбие, и Зубатов сошел со сцены (1903 г.). Зубатовщина потерпела крах. Поставив себе целью отвлечь рабочих от политики, она, помимо своей воли, помогала организации и революционизированию пролетарских масс. В первый год своего существования (1901 г.) зубатовщина получила широкое распространение.

В Москве агенты охранного отделения стали устраивать открытые собрания рабочих, на которых бранили фабрикантов и внушали рабочим, что царь и правительство стоят за рабочих и что последние должны вести вместе с ними экономическую борьбу против фабрикантов, сторонясь социал-демократов и их политической пропаганды. Под покровительством полиции устраивались «районные собрания» рабочих, которые были затем об'единены «Советом рабочих механического производства г. Москвы». Этот «Совет» принимал жалобы и заявления от рабочих на фабричные непорядки и посылал фабрикантам требования об их устранении. Лица, состоявшие

на службе в охранном отделении и снабженные открытыми листами от московского обер-полицеймейстера, ходили по фабрикам и заводам, вели агитацию среди рабочих и настаивали на удовлетворении администрацией рабочих требований. Во многих местах темные и забитые рабочие, вчерашние выходцы деревни, наивно поверили, что начальство стоит на стороне рабочих, и поддались агитации зубатовских охранников.

Затем в Москве организовались рабочие других профессий (1902 г.), напр., текстильщики, пуговичники, кондитеры, парфюмеры. Агитация против хозяев обострялась и переходила в стачечную борьбу. Большой шум произвела забастовка рабочих на фабрике Гужона, организованная агентами зубатовского союза. Рабочие требовали повышения заработной платы. Полиция вмешалась в стачку и стала угрожать хозяину, если он не удовлетворит требования бастующих, арестом и высылкою. Московские промышленники подняли протест против такой политики вмешательства против хозяев и добились успеха. Зубатова убрали, его агенты потеряли влияние, а зубатовские организации потеряли связь с рабочими массами.

Зубатовщина проникла также в Западный край, т. е. в район еврейского рабочего движения. С целью вырвать еврейских рабочих из-под влияния Бунда, в Минске была организована «Еврейская независимая рабочая партия». «Независимцы» об‘явили себя аполитичными; единственная задача новой партии — это поднятие экономического и культурного уровня еврейского пролетариата. После этого начинается организация ремесленных ферейнов; независимцы при-

нуждены были также руководить стачками. Однако, они обанкротились на глазах рабочих после того, как департамент полиции перестал оказывать им поддержку. Независимцы незаметно сошли со сцены.

Зубатовщина окончательно рухнула[1]) в 1903 г. В этом году забастовка портовых рабочих в Одессе, организованная «независимцами», превратилась во всеобщую: в забастовке участвовало 50 тысяч рабочих. Происходили многолюдные митинги, на которых выступавшие ораторы с.-д. партии с успехом разоблачали «независимцев». Таким образом, организованные зубатовцами рабочие массы ринулись на борьбу с царизмом; забастовочное движение начинает носить политическую окраску и направлено не только против фабрикантов, но также против самодержавия.

Следует отметить, что социал-демократическая партия вела против зубатовщины решительную борьбу, разоблачая реакционный и провокаторский характер этого движения. С другой стороны, партия (на втором с'езде в 1903 г.) признала «желательным, чтобы партийные организации поддерживали и направляли стачки, вызванные легальными рабочими организациями, и пользовались в то же время этими столкновениями для разоблачения реакционного характера союза рабочих с самодержавием». Для поддержания связи с массами и для разоблачения зубатовцев партия посылала своих активных работников в зубатовские общества [2]).

На Кавказе и на юге России произошли в ту пору всеобщие забастовки, прошедшие с боль-

---

[1]) О гапоновщине—см. в следующей главе.

[2]) Н. Ленин, Профессиональное движение. Избранные статьи и речи (Ленинград, 1924 г.), стр. 80—81.

шим под'емом и охватившие значительные массы рабочих.

Первая всеобщая забастовка произошла в Ростове-на-Дону (в ноябре 1902 г.). Брожение началось среди котельщиков в мастерских Владикавказской жел. дороги по маловажному поводу (обсчитывание со стороны мастера). 4 ноября, по призыву Донского комитета социал-демократической партии, забастовали все рабочие ж.-д. мастерских в количестве четырех тысяч чел., выставив следующие требования: 9-часовой рабочий день; окончание работ перед праздниками в 2 часа; повышение заработной платы на 20%; отмена штрафов; удаление двух мастеров; вежливое обращение и устройство школы для детей рабочих. Вскоре к забастовке примкнули рабочие ж.-д. депо, разных фабрик и заводов, а также ремесленники. Ежедневно в ж.-дор. депо происходили митинги, на которых произносились политические речи. После 8 ноября собрания, в виду их многолюдности, были перенесены за город. В течение пяти дней под открытым небом происходили собрания, привлекавшие десятки тысяч людей. Слушать ораторов приходила и домашняя прислуга, и интеллигенция, и даже буржуа, приезжавшие на собственных лошадях. В самом Ростове в эти дни прекратилась торговля, закрылись винные погреба и трактиры. 9 ноября прибыл наказной атаман с казаками. Выбранной на митинге рабочей депутации он заявил, что требования ее не могут быть удовлетворены. На следующий день на разрешенном атаманом собрании, на котором было до тридцати тысяч рабочих, а также присутствовали представители от рабочих из окрестных городов (Таганрога, Екатеринодара и др.), решено

было продолжать забастовку до полного удовлетворения всех требований. В первое время собрания происходили благополучно, несмотря на запрещение атамана. Но 11 ноября митинг после упорного сопротивления рабочих был разогнан войсками, причем казаки убили шесть и ранили двенадцать человек. Забастовка стала затихать и совершенно прекратилась 24 ноября. Рабочие ничего не добились, тем более, что власти строжайше запретили делать какие-нибудь уступки.

В конце февраля 1902 г. в Батуме началась стачка рабочих, вызванная попыткой администрации завода уволить несколько сот старых рабочих. Полиция арестовала зачинщиков забастовки. На следующий день 400 чел. явились к полицейскому управлению и стали требовать освобождения арестованных товарищей или собственного ареста. Демонстранты были арестованы. Но на следующий день собралась уже толпа в несколько тысяч человек, окружила пересыльную тюрьму и пред'явила те же требования. Были вызваны войска, и в результате произошло кровавое столкновение: 14 убитых и 60—80 раненых.

Менее организованный характер носило движение среди шахтеров Донецкого бассейна, чему способствовали как децентрализация производства, так и тот факт, что рабочие были недавними выходцами из деревень; кроме того, окрестное крестьянство относилось враждебно к рабочим, на которых они смотрели, как на прирожденных бунтарей.

К началу 20 столетия, когда промышленный кризис сильно захватил всю металлургическую и угольную промышленность, положение тамошних рабочих еще более ухудшилось.

В одной из шахт выведенные из терпения рабочие изломали вагонетки, сбили помпы, спустили машину, разгромили контору и затем огромной толпой отправились по соседним шахтам и селам. Местные крестьяне выступили против них и «дубьем» помогали их усмирению. В дальнейшем социалистическая агитация сделала выступления шахтеров более организованными.

В 1903 г. в промышленности снова начинается оживление. Одновременно растет забастовочное движение на юге России. Рабочие соединяют экономические требования с политическими. Сигнал к выступлению дали бакинские рабочие.

Годы 1903—1904 были временем расцвета русской нефтепромышленности. В 1903 г. добыча нефти в России достигла почти 37% всей мировой добычи, цена нефти поднялась с 9—10 к. до 14—15 коп. за пуд, а прибыль нефтяных предприятий достигла до 35—62% на основной капитал.

Всех рабочих нефтепромышленных фирм и подсобных предприятий (механ. заводов и ремонтных мастерских) было около 50 тысяч чел. «Непрерывный поток, наплыв рабочих из Персии и России придает особый характер всей бакинской рабочей массе. Постоянная часть, осевшая в Баку, составляет меньшую половину, большинство же приезжает на несколько лет—разжиться средствами и вернуться на родину к своему делу. Отсюда решимость добиваться, напр., единовременной выдачи крупных наградных,—при готовности в то же время сплошь и рядом мириться с самым отвратительным состоянием рабочих жилищ и т. п. Персидские крестьяне, почти

монополизировавшие труд чернорабочих, работают, так сказать, по очереди. Пару лет работает отец, потом его сын или брат, или сосед из той же деревни. Доходит до того, что в иных фирмах выставляется прямо требование указать заместителя на свое место. Низкий культурный уровень, отсутствие потребностей у персидских выходцев (и единоверных с ними закавказских мусульман) наносит не малый ущерб содержательности борьбы бакинских рабочих. Чисто мусульманские промыслы в Баку самые отсталые, там еще местами сохранились патриархальные отношения: рабочий не за страх, а за совесть почитает кормильца-хозяина, а хозяин и его присные не стесняются ни в зуботычине, ни в обирательстве» [1]).

Больше половины всех рабочих жили в казармах или промысловых квартирах. Остальные получали квартирные деньги, живя на промысловой площади. «Полное отсутствие зелени, даже травы, несмолкающий свист и стук машин, пропитанный нефтью воздух, зараженная почва, отсутствие каких бы то ни было построек, кроме промысловых и квартирных, грязный, закопченный вид всех строений, почти полное отсутствие культурных развлечений и учреждений, какие хоть сколько-нибудь могли бы удовлетворить потребности семейной жизни, плохое водоснабжение, чрезвычайная опасность работы на промыслах и т. п. — все это делает жизнь до того тяжелой, принимает размеры до того невероятные, что, кажется, нужны особые соблазны, чтобы удержать здесь рабочих. По этим причинам вынесение этих жилищ с территории про-

---

[1]) Ю. Ларин, Рабочие нефтяного дела, стр. 18—19.

мыслов делается все более центральным вопросом рабочей жизни в Баку» [1]).

В 1899 г. была составлена комиссия из нефтепромышленников, врачей и представителей власти для исследования состояния промыслов и промысловых жилищ. В докладе этой комиссии имеются следующие заключения:

«Бактериологические исследования» почвы показали, что «по количеству содержащихся в ней колоний микроорганизмов, по жизнеспособности бактерий и разрастанию их» площадь нефтяных промыслов «представляет собою единственную почву из всех исследованных доселе почв земного шара». Дезинфекция почвы невозможна и «степень загрязнения несравненно выше загрязнения кладбищ».

Благодаря громадному количеству копоти, воздух отравлен и развиваются легочные болезни. Средний об'ем воздуха в рабочих жилищах едва превышает 1 куб. сажень на человека, в то время как гигиеною требуются 3 куб. сажени (из расчета 3 куб. саж. строились в России тюрьмы). В то время, как по законам гигиены и согласно узаконению отношение световой поверхности к поверхности пола для рабочих казарм должно быть не менее $^1/_6$, — из рабочих, живших в казармах, $^4/_5$ пользовались освещением ниже этой нормы, а из последних — почти четверть всех рабочих жила даже при отношении в $^1/_{20}$ и меньше. Колодезные воды промысловых площадей были признаны комиссией безусловно вредными, опасными и непригодными не только для питья, но даже для варки и стирки.

---

[1]) Там же, стр. 23—24.

«Если прибавить ко всему этому густую и глубокую, никогда не просыхающую черную жижу вместо дороги на улицах—то картина будет полная».

Благодаря плохой жизненной обстановке промыслов заболеваемость рабочих была велика; к этому следовало еще присоединить большую опасность работы на нефтяных промыслах. В то время, как по отчетам фабричной инспекции в России на 1000 рабочих приходится в среднем 40 несчастных случаев в год, на нефтяных промыслах приходилось 140 несчастных случаев на тысячу.

Отсюда вытекает чрезвычайная настойчивость рабочих в пред'явлении требований, связанных с обеспечением здоровья и отдыха. Почти при каждой забастовке требовали: полной платы за 3—4 месяца в случае увечья или болезни, ежегодного месячного отпуска с сохранением содержания, в случае нужды «климатического лечения» за счет фирмы, т. е. посылки на кавказские курорты, платы за 3 месяца вперед или месячной платы за каждый прослуженный год—при увольнении или добровольном уходе. Последнего рабочие добились позже на многих фирмах, месячный отпуск существовал впоследствии почти везде, но без сохранения содержания, а в некоторых фирмах рабочие добились даже климатического лечения.

Положение рабочих на рыбных промыслах в Баку было не лучше. Заработная плата была очень низка. Недовольны были также кондуктора бакинской конно - железной дороги. До апреля 1903 г. они работали с 5 час. утра до 11 час. вечера, имея всего полчаса на обед. Последовавшая частная забастовка привела к сокращению

рабочего дня. Но вскоре кондуктора узнали, что правление тайно подыскивает новый комплект кондукторов, чтобы перейти к старой системе.

Таким образом, различные слои бакинского пролетариата были так или иначе недовольны своим положением [1]).

Забастовка началась 1 июля 1903 г. в двух фирмах Биби-Эйбатского промыслового района: забастовали механические мастерские. Владельцы передали заказы в другие мастерские. Тогда забастовка охватила рабочих и других фирм, а также часть рабочих ж.-д. депо. Рабочие выставили ряд требований (вежливое обращение, улучшение жилищных условий, уничтожение подрядных работ, увеличение заработной платы и т. д.). 4 и 5 июля группы рабочих обходили все фабрики и заводы, и «забастовка принимает характер всеобщей; она распространилась на так называемый Черный город; заволновались и Балаханы. Вечером железнодорожные мастерские не хотели пустить пассажирский поезд,—с большим трудом удалось его отправить с помощью войск; но товарные поезда стали. В следующие дни забастовала конно-железная дорога. Остановился выпуск газет. К забастовке присоединилась и команда прибывших наливных шкун. Прекратился всякий привоз и вывоз товаров. Электрическая станция тоже перестала работать, прервалось телефонное сообщение между городом и Балаханами. Остановился было опреснитель— единственный в городе поставщик пресной воды, но рабочие, в виду того, что от этого страдает, главным образом, бедное население, пустили его

---

[1]) И. Бендер, К стачечному движению на Кавказе в 1903 г. („Архив истории труда в России", кн. 5, стр. 23—24).

в ход». Всего бастовало около 45 тысяч человек [1]).

Спокойствие не нарушалось, а растерявшаяся полиция держалась в стороне. Происходили многолюдные митинги, на которых произносились политические речи. С прибытием войск положение изменилось. Прежде всего было восстановлено товарное и конно-железнодорожное движение. С 9 июля забастовка пошла на убыль и 14 июля она совершенно прекратилась. В общем она была проиграна, хотя были сделаны незначительные уступки. Но прекращение забастовки сопровождалось эксцессами: в виде мщения за неудачу рабочие произвели поджоги, и в течение нескольких дней сгорело около ста вышек.

Бакинская всеобщая забастовка послужила сигналом для всеобщей забастовки в Тифлисе, которая началась 14 июля 1903 г. Уже в конце апреля 1903 г. среди тифлисских рабочих наблюдалось брожение. Происходили отдельные стачки в жел.-дорожных и ремесленных мастерских. В конце июня заволновались работавшие на частных постройках каменщики и плотники из-за низкой платы и длинного рабочего дня (с 4—5 ч. утра до 8—9 час. вечера). 4 июля к забастовке присоединились две тысячи приказчиков, требовавших сокращения рабочего дня (они иногда работали с 6 час. утра до 11 час. ночи). Строительные рабочие и приказчики добились сокращения рабочего дня. Но при известии о бакинской забастовке стали все фабрики, заводы, мастерские, конка, хлебопекарни и т. д. Всего в забастовке участвовало 15 тысяч человек. 15 июля произошло столкновение с вой-

---

[1]) Там же, стр. 24, 27.

сками, было убито 10 и ранено 18 человек. 24 июля всеобщая забастовка прекратилась.

Всеобщая забастовка в Батуме продолжалась с 16 по 20 июля. Бастовали все рабочие, вплоть до подметальщиков улиц и извозчиков. 18 июля сходка рабочих была рассеяна войсками, причем один был убит и двое ранены. Всеобщая забастовка произошла и в Одессе (ее начали рабочие ж.-дорожных мастерских), а затем в Киеве, Екатеринославе, Елисаветграде, Керчи, Николаеве и др. городах.

В Киеве [1]) сигнал к всеобщей забастовке подали, как и в Одессе, рабочие жел.-дорожных мастерских, пред'явившие требования, формулированные в распространявшейся среди них прокламации местного комитета социал-демократической партии (8-часовой рабочий день, повышение расценок на 40—50%, полная поденная плата за табельные дни и во время болезни, удаление трех мастеров, устройство вентиляции и др.). Рабочим были обещаны частичные уступки, которыми они не удовлетворились. 22 июля стояли уже большинство фабрик и заводов. Рабочие требовали 8-часового рабочего дня, увеличения заработной платы на 50% и установления определенных расценок на сдельные работы. 23 июля произошло столкновение с войсками. По официальным данным было 3 убитых и 27 раненых. На следующий день к забастовке примкнули трамвай, хлебопекарни, мастерские пароходных обществ, телеграф юго-западных железных дорог, почти все крупные и мелкие фабрики. Но мало-по-малу забастовка пошла на убыль. Дольше всех держались рабочие жел.-дорожных

---

[1]) И. Бендер, К стачечному движению на юге России в 1903 г. („Архив истории труда в России“, кн. 6—7, стр. 183—184).

мастерских, но 1 августа и они стали на работу, не добившись никаких результатов. По постановлению генерал-губернатора 188 участников беспорядков были подвергнуты, «независимо от той ответственности, которой они могут подлежать в общем порядке», аресту на срок от трех недель до трех месяцев.

Вслед затем (в августе) произошла всеобщая забастовка также в Екатеринославе [1]). И тут первыми забастовали рабочие ж.-д. мастерских, пред‘явив требования, изложенные в партийных прокламациях (8-часовой рабочий день, увеличение заработной платы, отмена штрафов, страхование на случай старости, смерти и потери трудоспособности, отмена обысков при выходе с работ и т. д.). Кроме того, были выставлены политические требования. Выбравшись на улицу (куда войска долго не пускали рабочих), толпа направилась к соседним заводам. Рабочие повсюду присоединялись к бастующим, и число их достигло, по официальным данным, 9 тыс. человек. Войска начали разгонять толпу, которая защищалась камнями. После двух залпов толпа рассеялась, оставив на месте несколько убитых и раненых. В тот же день забастовали типографские рабочие, столяры и кузнецы. 9 августа число бастующих достигло 15 тысяч человек. 11 августа забастовка пошла на убыль и 13 августа прекратилась. Бастующие не достигли никаких результатов.

Возникшая 28 февраля 1903 г. забастовка в Златоусте также завершилась кровопролитием.

Рабочие оружейного завода (на котором работало около 5 тысяч чел.) пользовались неко-

---

[1]) И. Бендер, К стачечному движению на юге России в 1903 г. („Архив истории труда в России“, кн. 6—7, стр. 185—187).

торыми привилегиями: напр., они имели право на земельный надел, им разрешались сходки в помещении завода для обсуждения текущих нужд и т. д. В 1903 г. все эти льготы были уничтожены. Тогда рабочие выставили ряд требований и, не получив удовлетворения, забастовали. Выбранные по предложению начальства депутаты, вопреки обещанию, были арестованы. Возмущенные этим рабочие потребовали освобождения арестованных. В безоружную толпу была, без предупреждения, открыта стрельба. На месте осталось около тридцати убитых и более пятидесяти раненых. 14 марта рабочие принуждены были возобновить работы, не добившись никаких результатов.

Рабочее движение в первые годы 20-го столетия оказало влияние на фабричное законодательство. Испуганное ростом движения царское правительство издало (в 1903 г.) законы о вознаграждении потерпевших от несчастных случаев и о старостах.

Первый закон обязывал предпринимателей вознаграждать рабочего или его семью, потерпевшего от несчастного случая (пенсия, единовременное пособие, плата во время болезни и т. д.). Размеры и виды вознаграждения могли быть установлены по «добровольному соглашению» сторон. На практике это приводило к тому, что рабочий под влиянием крайней нужды вынужден был соглашаться на все условия, какие ему диктовал фабрикант. В противном случае, должен был обращаться в суд и ожидать уплаты причитающегося ему вознаграждения по несколько лет [1]).

---

[1]) Царский суд больше доверял предпринимателям; к услугам последних были адвокаты, которым нередко удавалось „выиграть“ в пользу фабриканта.

Закон о старостах отдавал рабочих под опеку фабрикантов и губернского начальства. Старосты могли делать заявления от имени рабочих. Других прав они не имели. Рабочие выбирали кандидатов, а из числа кандидатов предприниматель назначал старост. Предпринимателем же устанавливался порядок выборов. С другой стороны, старосты могли в любой момент быть удаленными со стороны губернского начальства. Закон о старостах не мог удовлетворить рабочие массы; кроме того, закон получил осуществление только на небольшом числе предприятий.

Революционные 1905—7 г.г. и реакция 1907—10 г.г.[1]).

Состояние народного хозяйства. — Положение рабочих. — Партия и экономическая борьба. — Январские забастовки 1905 г. в Петербурге. — Отклики этих событий в провинции. — Иваново-Вознесенская забастовка. — Забастовочное движение среди железнодорожников. — Забастовки весною и летом 1905 г. — Осень 1905 г. — Новое оживление забастовочного движения весною 1906 г. — Организация капитала для борьбы с трудом. — Забастовки и локауты во второй половине 1906 г. — Повторное оживление забастовочного движения весною 1907 г. — Торжество реакции.

Во время русско-японской войны (1904 г.) в забастовочном движении наступило затишье. Это было перед бурей. Страна переживала промышленный кризис, от которого страдали рабочие

---

1) Н. Ленин, Рабочее движение в России в эпоху первой революции, изд. ВЦСПС (Москва, 1924 г.); Д. Кольцов, Рабочие в 1905 — 7 г.г. (в сборнике „Общественное движение в России в начале 20 века", Спб., 1909. Т. II); Евг. Маевский, Массовое движение с 1904 по 1907 г.г. (там же); В. Леонтьев, Стачки 1905 г. в Петербурге („Русское Богатство" 1907 г., кн. VI); Л. Клейнборт, Хроника русской жизни. Итоги рабочего движения за прошлый год („Образование", 1906 г., кн. I); Н. Воробьев, Из жизни Иваново-Вознесенских рабочих (этюды по материалам о стачке 12 мая—22 июня 1905 г.; там же, 1906 г., кн. III); П. Стрельский, Год борьбы (там же, 1906 г., кн. XII); М. Б., Очерки по истории железнодорожных забастовок в России (Москва, 1905 г.); Н. Воробьев, Стачка Иваново-Вознесенских рабочих 12 мая—22 июня 1905 г. (Записки Московск. отд. Русского Технического общества за 1907 г., № 1); В. С. Смирнов, Стачечное движение в Иваново-Вознесенске в 1905 году (Ив.-Возн., 1924); Ф. Н. Самойлов, Воспоминания об Иваново-Вознесенском рабочем движении 1903—5 г.г. (Москва, 1922); Л. Б., На родине. Ход стачки в центральном промышленном районе („Современный Мир", 1907 г., кн. IX); Ю. Ларин, Промышленный под'ем и эконом. борьба рабочих в России (там же, за 1908 г., кн. VI); И. Ларский,

массы. В некоторых промышленных центрах Западного края число безработных доходило до половины всего рабочего населения. В конце 1905 г. в одних только столицах было выброшено на мостовые более 170 тысяч рабочих; в июле 1906 года в Петербурге и окрестностях безработных числилось не менее 30 тысяч человек [1]). Производство сократилось, напр., выплавка чугуна уменьшилась (за 1900—9 годы) на два слишним миллиона пудов. Численность рабочих в крупной промышленности и на железных дорогах уменьшилась за тот же период

Русские стачки последних лет (там же, за 1909 г., кн. I); Г. Гольдберг, После бури (Рабочий вопрос в России после 1905 года (там же, за 1910 год, кн. VII); А. Малин, Стачки и условия труда русских рабочих в 1910 г. („Вестник Европы“ 1912 г., кн. I); Г. Гольдберг, Стачечное движение рабочих в России (там же, за 1910 г., кн. VII); В. Е. Варзар, Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за 1905 г. (Спб., 1908 г.); Его же, Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за трехлетие 1906—8 г.г. (Спб., 1910 г.); Ю. Ларин, Рабочие нефтяного дела. Из быта и движения 1906—8 г.г. (Москва, 1909 г.); В. И. Фролов, Забастовочное движение рабочих в 1903—6 г.г. Изд. Совета С'ездов нефтепромышленников (Баку, 1907 г.). Тоже за 1907 г.; А. Уральский, Рабочее движение на Урале („Минувшие Годы“ за 1906 г., ноябрь); В. Невский, Выборы в комиссию Шидловского („Архив истории труда в России“, кн. III); А. Львович, Требования рабочих Балтийского и других морских заводов в январские дни 1905 г. (там же, кн. IV); Своды отчетов фабричных инспекторов за 1905—10 г.г. „Красная Летопись“, 1922 г., № 1 (номер посвящен событиям 9 января 1905 г.); В. Невский, Январские дни в Москве („Красная Летопись“, 1922 г., № 2—3); Его же, Январские дни в провинции (там же, № 4); Его же, Январские дни в Екатеринославе и Донецком бассейне („Пролет. Рев.“, 1923 г., № 3); В. Гриневич, Профессиональное движение рабочих в России. Вып. первый (Москва, 1922 г.), глава IV; В. Святловский, История проф. движения в России (Ленинград, 1924 г.), стр. 137—146 и 169—176; Туннель, Накануне суда. Очерк экономической и политической борьбы почтово-телеграфных служащих в России (Москва, 1908 г., 2-е издание—1923 г.); С. Айнзафт, К истории локаутов в России („Вестник Труда“, 1924 г., кн. IV). Кроме того—см. работы: Прокоповича, Яковлевой, Сидорова, Вознесенского, Пажитнова, Ельницкого, Айнзафта, Фриче, Рафеса, Экземплярского, Поссе и Биска (см. примечания к предидущим главам).

[1]) А. Ю. Финн-Енотаевский, Современное хозяйство России (Спб., 1911), стр. 352 и 353.

на 16% [1]). Одновременно идет быстрая концентрация производства. За пятилетие (с 1904 по 1909 г.г.) предприятий с числом рабочих более тысячи человек увеличилось на 20%. Мелких предприятий (с числом рабочих менее ста человек) уменьшилось на 11%. К концу разбираемого нами периода (1909 г.) число синдикатов дошло до 120. Некоторые из них заняли господствующее положение в соответствующей отрасли промышленности, напр., синдикат «Продуголь» [2]) об'единял в своих руках 3/4 всей добычи угля Донецкого бассейна; синдикат «Продамета» [3]) об'единял продажу почти всего (88—93%) добываемого и обрабатываемого железа.

Аграрные беспорядки принудили царское правительство итти на некоторые уступки, напр., были аннулированы выкупные платежи. С другой стороны идет ставка «на крепких и сильных»: царизм ускоряет процесс расслоения деревни с целью создать себе опору в лице зажиточного крестьянства. Такие задачи поставил себе указ 9 ноября 1906 г., предоставивший зажиточным домохозяевам право выделиться с крестьянской общины и перехода на хуторное хозяйство.

Положение рабочих, временно улучшившееся в революционные годы (1905 — 7), вновь ухудшается в годы реакции (1907—10). Если окрыленные революционными успехами рабочие и добились повышения заработной платы (напр., петербургские металлисты — на 40—60%), но

---

1) В то время, как за предыдущие годы (1893—1900 г.г.) численность рабочих увеличилась на 61%.

2) Об'единение 18 крупнейших угольных предприятий Донецкого бассейна (Г. Цыперович, Синдикаты и тресты в России. Москва, 1919 г., стр. 42—46).

3) Об'единение металлургических предприятий (там же, стр. 49—60).

только временно. В конечном результате (в 1908—9 годах) заработная плата (номинальная и реальная) опустилась даже ниже уровня дореволюционного времени [1]). Средний бюджет русского рабочего (в 1909 г.) не превышал 350 рублей, в то время, как бюджет немецкого рабочего доходил до 1.300 рублей и английского—до 936 рублей. Усиление интенсивности труда и широкое применение локаутов и «черных списков» ухудшили и без того тяжелое положение рабочего класса [2]). Росло применение женского труда, напр., число женщин (за 1901 — 9 г.г.) увеличилось (в предприятиях, подчиненных фабричному надзору) с 27 до 31% [3]).

Тяжелы были также жилищные условия. Напр., среди петербургских рабочих преобладали угловые жильцы (причем углы занимали часто площадь немногим больше обыкновенной кровати) [4]).

Переходя к рабочему движению, следует отметить небывалый в истории размах забастовочного движения, идущего, главным образом, под революционными лозунгами. Забастовка, как орудие политической борьбы, оправдала свое назначение в октябрьские дни 1905 года. Закаленный в революционных выступлениях пролетариат усиливает также экономическую борьбу. Растерявшаяся буржуазия пошла в первое время на уступки. Но затем наступает политическая реакция; капитал, испуганный ростом социалистического движения и экономической борьбы, вступает в соглашение с царизмом. Организованное наступление капи-

[1]) Финн-Енотаевский, стр. 379.
[2]) Там же, стр. 356 и 358.
[3]) Там же, стр. 359.
[4]) По бюджетным данным, разработанным Прокоповичем (1908 г.), угловых жильцов было среди одиноких—70% и среди семейных—43%.

тала против труда ведет к ухудшению положения рабочего класса. Итак, отличительная особенность рассматриваемого периода (1905—10 г.г.)— это экономическая борьба на фоне революционной волны; с падением последней, ослабляется и борьба за экономическое улучшение. Эта своеобразная зависимость «экономики» от «политики» сделала в революционные годы экономическую борьбу независимой от положения промышленности. С другой стороны, экономическая борьба приобретает организованный характер благодаря сильному развитию профессионального движения [1]).

Социал-демократическая партия не изменила своей точки зрения на роль экономической борьбы, принятой на втором с'езде (в 1903 г.). На четвертом с'езде в Стокгольме (в 1906 г.) по вопросу о профессиональных союзах прошла резолюция меньшевиков. Тем не менее, с'езд признал «экономическую борьбу, как одну из составных частей классовой борьбы пролетариата», и то, что «экономическая борьба может привести к прочному улучшению положения рабочих масс... лишь при условии правильного сочетания ее с политической борьбой пролетариата».

Попытки меньшевиков оторвать экономическую борьбу от политической, а также союзы от партии, встречают резкий отпор со стороны большевиков с Лениным во главе [2]). Пятый с'езд партии в Лондоне (в 1907 г.) осуждением «нейтрализма» в профессиональном движении тем самым еще раз подчеркнул связь экономической борьбы с политической.

---

[1]) К началу 1907 г. в России было 652 союза с числом членов более 245 тысяч человек (В. Гриневич, стр. 204—5 и 210—11).

[2]) См. также брошюру Н. Ленина, „Рабочее движение в России в эпоху первой революции", изд. ВЦСПС (Москва, 1924).

С поражением революции зарождается ликвидаторство (в 1908 г.), стоявшее за ликвидацию нелегальной работы и за пересмотр партийной программы. Ликвидаторы стояли также за «нейтрализацию» профессионального движения и очищение экономической борьбы от всякой политики. Большевики, признававшие верховенство «подполья» и «неурезанные лозунги», боролись против ликвидаторов [1]).

Русско-японская война, разоблачившая темные стороны царизма и его неспособность управлять страною, вызывает еще в конце 1904 года возбуждение в общественных кругах. Но первый удар царизму нанесли петербургские рабочие, выступившие с революционными и экономическими требованиями в январе 1905 года.

Петербургские рабочие были об'единены агентом Зубатова — священником Гапоном. В лице последнего царское правительство сделало последнюю попытку отвлечь рабочих от политики. В виду сознательности петербургского пролетариата, выдвинули одного лишь Гапона [2]), который окружил себя помощниками из рабочей среды. Последние не вполне доверяли Гапону, но решили его использовать, так как только при его помощи можно было создать в Петербурге легальную рабочую организацию. Гапоновское общество—«Собрание русских фабрично-заводских рабочих города С.-Петербурга» открылось в апреле 1904 г. Задачи он себе ставил культурно-просветительные. Тем самым успокоили промышленников, которые боялись повторения московского или одес-

---

[1]) Подробнее об этой борьбе—см. в следующей главе.

[2]) В то время, как в Москве все активные работники были (в 1901—3 годах) агентами Зубатова.

ского опытов [1]). Однако, культурно-просветительная работа (напр., лекции и беседы по рабочему вопросу) пробуждала классовое самосознание пролетариата и революционизировала рабочие массы. Политическая обстановка и ухудшение положения (в конце 1904 г.) наэлектризовали рабочие массы и побуждали их к выступлению.

Материальное положение петербургских рабочих в начале 1905 г. обрисовывается в докладе одного из членов правления Балтийского завода следующими словами: «...Заработную плату большинства рабочих надо признать безусловно недостаточной для «человеческого» существования, и, действительно, по произведенному опросу и собранным через депутатов сведениям, рабочие холостые, получающие в месяц от 17 до 18 рублей, нанимая угол с одной кроватью, на которой помещаются двое, платят в месяц каждый 3 рубля. На пищу, состоящую утром из чая с черным хлебом, плохого обеда, а на ужин—куска дешевой колбасы с хлебом, расходуют 10 рублей, на одежду требуется—4 рубля... итого 17 рублей в месяц. На подати, табак и какие-либо из ничтожных прихотей не остается ничего. Холостой, получающий от 20 до 25 рублей, уже в состоянии нанимать угол один, за который платит от 4 до 5 рублей. Женатый, вдвоем, в крайнем случае с одним ребенком, получающий от 30 до 35 рублей в месяц, нанимает полкомнаты и платит обыкновенно 10 рублей. Семейному же с детьми одна квартира обходится от 15 до 20 рублей в месяц. Эти цифры подтверждают заявление рабочих, что им нечем жить, что они здесь, в Петербурге, бед-

[1]) Т. е. организации Зубатовскими обществами стачечных выступлений.

ствуют, голодают, что обстановка их так тяжела, что невольно гонит из дому» [1]).

Первыми выступили рабочие Путиловского завода (3 января 1905 г.). Бастующие, получившие поддержку в гапоновском «Собрании» [2]), выдвинули следующие требования: 8-часовой рабочий день, работа в три смены, отмена сверхурочных работ, повышение платы чернорабочим, улучшение санитарной части на заводе, бесплатная медицинская помощь, признание выборных и др. Со следующего дня стали присоединяться другие фабрики и заводы, и число бастующих достигло 140 тысяч человек. Рабочие, настроенные Гапоном в патриотическом духе, решили итти к «царю-батюшке» с петицией с просьбою улучшить их тяжелое положение. Гапон согласился вести массы ко дворцу. Это мирное шествие безоружных рабочих (с женами и детьми, иконами и хоругвями) к «батюшке» привело к кровавой развязке (9 января): войска стреляли, уложив в разных частях города большое число убитых и раненых. «Кровавое воскресенье» сыграло большую роль в развитии революционных событий: рабочие окончательно разуверились в царизме и твердо пошли под знамя социал-демократической партии. Гапоновщина обанкротилась не только в глазах рабочих, но и правительства. Поставив себе задачею отвлечь рабочий класс от революции, она достигла обратных результатов. На другой день (10 января) забастовка сильно распространилась (прекратилось электрическое освещение, на Васильевском острове бездействовал водопровод и

---

[1]) „Архив истории труда в России", кн. III, стр. 79.

[2]) Гапон, боясь потерять доверие, должен был санкционировать забастовку и вести переговоры от имени рабочих.

т. д.). После этого забастовка пошла на убыль, и 17 января она совершенно прекратилась. Но уже к концу января разновременно бастовали крупнейшие заводы Петербурга: Путиловский, Балтийский, Обуховский и др. Повсюду бастующие выставляют ряд экономических и политических требований. Кроме того, рабочие явочным порядком осуществляли свободу сходок и самочинно вводили 8-часовой день. В ответ на это фабриканты вводили войска и закрывали заводы.

В этих забастовках характерен самый процесс постановки требований. На Франко-русском заводе рабочие забастовали до пред'явления заводоуправлению своих требований: необходимо было прекратить работы именно для того, чтобы формулировать требования. В странах, где существует свобода собраний и союзов, рабочие выясняют свои требования без прекращения работ; и лишь тогда, когда фабрикант отказывается их удовлетворить, рабочие прекращают работы с целью принудить фабриканта к уступкам. А при отсутствии права собраний и союзов прекращение работ нужно не только для принуждения фабриканта, но и для выработки требований, которые, быть может, немедленно будут удовлетворены фабрикантом. Таким образом отсутствие свободы собраний и союзов искусственным образом увеличивает число забастовок. А между тем крайне трудно задержать начавшуюся забастовку, потому что требования рабочих очень неустойчивы. Когда во главе стачки стоит профессиональный союз, он точно устанавливает назревшие нужды рабочих и заявляет о них предпринимателю при начале забастовки. При отсутствии же профессиональных организаций забастовка сама порождает

новые требования [1]). Петербургские события 9 января вызвали отклик в других городах. На окраинах—в Польше, в Прибалтийском, в Северо-Западном крае [2]) и на Кавказе — январь носил характер демонстративных стачек и бурного уличного движения, которое к февралю сменилось рядом упорных профессиональных стачек; во внутренней России в большинстве случаев движение не носило политического характера. Началось с многочисленных, но еще мало организованных профессиональных стачек, которые к февралю окрепли и обратились в настоящую стачечную эпидемию [3]). Таким образом, в центре январские события послужили толчком, разбудившим классовую солидарность рабочих. Так, напр., в Москве забастовка в период с 10 по 14 января охватила более ста предприятий с 42 тыс. рабочих. Однако, настроение не было боевым, и после 14 января движение начало слабеть, а к 20 января совершенно прекратилось, сменившись затем целым рядом отдельных экономических забастовок как в самой Москве, так и в уезде.

Под влиянием революционного движения оживились наиболее отсталые элементы, проснулось сознание человеческого достоинства в тех слоях рабочих, которые до тех пор влачили молча жалкое существование, подвергаясь хищнической эксплуатации. В экономическую (и политическую) борьбу втянулись категории пролетариата, стоявшие раньше в стороне от движения (городские

---

[1]) Прокопович, стр. 165—166.

[2]) Подробное описание стачечной волны в Западном крае—см. в статье Н. Бухбиндера, 9 января и еврейское рабочее движение („Красная Летопись", 1922 г., № 1). Забастовочное движение в Западном и Юго-Западном крае охватило не только города, но даже самые глухие местечки.

[3]) См. „Общественное движение в России в начале XX в.", т. II.

рабочие, приказчики, ремесленные рабочие, домашняя прислуга и т. д.).

В начале 1905 г. на многих фабриках и заводах рабочие добились значительных уступок: был сокращен рабочий день, увеличена заработная плата, уплачено за забастовочное время, сокращены сверхурочные работы, улучшена медицинская часть и т. д. Напр., в Лодзи рабочий день был доведен до 10 часов, заработная плата повышена на 5—15%, на киевских сахарных заводах рабочие добились 8-часового рабочего дня и т. д.

Широко развернулась (февраль 1905 г.) забастовка среди типографских рабочих. Типографские рабочие в Петербурге выставили следующие требования: 8-часовой рабочий день и окончание работ по субботам и предпраздничным дням в 2 часа дня; отмена всех воскресных и праздничных работ; празднование 1-го мая; отмена ночного труда и сверхурочных работ; установление достаточного минимума заработной платы; уплата заработной платы частями не менее 4 раз в месяц; введение медицинской помощи за счет предпринимателей; освобождение женщин от работы, с выплатою полного содержания, за 3 недели до родов и за 4 недели после родов; плата за время болезни; отмена труда для малолетних до 16 лет; отмена штрафов; выборы и увольнение рабочими мастеров; учреждение во всех предприятиях комиссий из выборных представителей рабочих и администрации для рассмотрения жалоб, претензий и наблюдения за правильностью расценки работ; участие рабочих в прибылях; помощь государства в устройстве производительных артелей и всех видов ассоциаций; государственное страхование на случай старости, инвалидности и безработицы и учреждение биржи труда.

В Петербурге, Варшаве, Харькове и Полтаве типографские рабочие достигли некоторых успехов.

Движение охватило также приказчиков, которые долго не хотели бастовать. Еще в 1902 г. легальные общества взаимопомощи приказчиков требовали установления праздничного отдыха, 10-часового рабочего дня с двухчасовым перерывом, государственного страхования, профессиональной организации и др. Аналогичные ходатайства подавались в разных городах в начале 1905 г. В феврале 1905 г. начинаются забастовки под давлением приказчичьих низов. Повсюду забастовавшие устраивали собрания, выносили политические резолюции и т. п.

Одновременно началось также движение среди рабочих ремесленных и мелких мастерских. В Саратове забастовавшие рабочие - ремесленники требовали уменьшения рабочего дня, увеличения платы, улучшения санитарных условий в мастерских, вежливого обращения, учреждения ремесленного суда, введения ремесленных инспекторов и инспектрисс и т. д. С такого же рода требованиями, главная цель которых состояла в уравнении ремесленных рабочих с фабрично-заводскими, выступили мастерицы в Самаре и Екатеринославе, портные в Симферополе, Юрьеве, Минске и т. д. В Петербурге угрожали забастовкою парикмахеры, выставив ряд экономических требований; в Минске, Харькове и Ревеле парикмахеры устроили забастовки и достигли успехов. Забастовки происходили также на мельницах (в Саратове), на лесопильнях (в Екатеринославе) и т. д.

В Москве забастовали кондуктора городской конки и рабочие городского канализационного

обоза; требования их были в значительной части удовлетворены.

К весне 1905 г. на арену борьбы выступили новые слои рабочих, стремившиеся воспользоваться выгодной для них кон'юнктурой: так, около пасхи участились забастовки булочников, а открытием навигации воспользовались судовые команды и портовые рабочие. Булочники, бастовавшие в Москве, добились увеличения содержания на 50%, улучшения квартирных условий, 10-часового рабочего дня (вместо 16—18 часов) и установления повышенного вознаграждения за сверхурочные работы. Успешно окончились забастовки булочников также в Одессе, Екатеринославе, Петербурге и др. городах.

В Риге забастовали судорабочие (март 1905 г.), вследствие чего прекратилась всякая деятельность в порту. Рабочие требовали увеличения заработной платы на 50%, но переговоры при посредстве полицеймейстера ни к чему не привели. Несколько позже происходила забастовка портовых рабочих в Либаве, окончившаяся победою. Кроме того, бастовали: грузчики в Таганроге, требовавшие установления постоянной платы за погрузку зерна; грузчики в Самаре, настаивавшие на замене артельного найма поденным; волжские грузчики в Саратове, добившиеся повышения платы и устранения подрядчиков; судорабочие в Астрахани, потребовавшие увеличения платы, улучшения санитарно - медицинской части и сокращения рабочих часов; грузчики на рыбных пристанях в Царицыне, береговые рабочие и работницы в Ростове-на-Дону и т. д.

Особенно упорной была борьба портовых рабочих в Одессе (апрель 1905 г.). Они выставили через депутатов следующие требования: работы

должны происходить с 6 час. утра до 5 час. вечера, с перерывом на $1/2$ часа для завтрака и $1 1/2$ часа для обеда; увеличение заработной платы: старшим матросам и кочегарному старшине до 35 руб. в месяц, без столовых, а матросам и кочегарам до 20—30 р. в месяц; плата за время болезни в половинном размере и лечение за счет пароходного общества; полное содержание в размере месячного жалованья в случае увечья.

В Тифлисе выступила домашняя, ресторанная и гостиничная прислуга (апрель 1905 г.), потребовавшие 8-часового рабочего дня, увеличения жалованья, вежливого обращения и особого помещения. В забастовке участвовало до пяти тысяч чел. Забастовки прислуги происходили также в Баку, Ревеле, Митаве и Киеве, причем в Киеве произошли уличные демонстрации. В Риге бастовали официанты, в то время как петербургские и московские предпочли путь ходатайств.

Стачки, происходившие в начале 1905 года, имели большое политическое значение: забастовавшие устраивали собрания и демонстрации, выбирали депутатов, с которыми мирились власти и администрация, и т. д., что «вносило в жизнь самых захолустных уголков новую струю и будило интерес наиболее инертных обывателей» [1]). В первых числах февраля 1905 г. в Кременчуге забастовали прачешники, которые на другой же день выиграли стачку, но приступили к работам, предупредив хозяев, что в случае всеобщей забастовки они тоже прекратят работы. Тогда же началась забастовка на конфектных, механических и др. фабриках. Забастовщики устроили митинг на площади; были выработаны требования

[1]) „Обществ. движение в России в начале XX века", т. II.

и решено пойти по всем предприятиям и прекратить там работы. Забастовщики двинулись толпою к берегу Днепра и сняли с работы береговых рабочих и рабочих лесопильных заводов. Новая, значительно возросшая толпа двинулась к жел.-дорожным мастерским, где тотчас же прекратились работы. С 7 февраля забастовка носила всеобщий характер: не работали ремесленные мастерские, фабрики, заводы, трамвай, типографии; извозчики, мельницы, торговые заведения и т. д.

В Екатеринославе и Екатеринославской губернии (напр., в Александровске, Юзове и др.) стачки происходили под лозунгом 8-часового рабочего дня.

Движение охватило также горнорабочих. На Щербиновских и Нелеповских рудниках произошли кровавые столкновения с войсками. В Таганрогском горном округе забастовали 2 тысячи рабочих. Забастовщики через своих представителей пред'явили требования. Когда забастовка прекратилась, администрация обещала позаботиться об улучшении жилищного вопроса. На одном машиностроительном заводе после прекращения забастовки администрация согласилась на уменьшение рабочего дня до $10^1/_2$ час. (вместо $11^1/_2$) и на устройство бесплатной школы и бани.

Для того, чтобы усыпить внимание пролетариата и отвлечь его от политики, правительство учредило комиссию сенатора Шидловского по рабочему вопросу, в состав которой должны были быть избраны также представители от рабочих. Рабочие приняли участие в выборах, хотя не верили в искренность правительства [1]). Во время

---

[1]) В. Невский, Выборы в комиссию сенатора Шидловского („Архив истории труда в России", кн. 3).

выборов петербургские рабочие волновались. Начиная с января, рабочие разных заводов то становились на работы, то снова бастовали, а в течение первой половины февраля бастовали почти непрерывно все крупные заводы.

Роспуск комиссии Шидловского вызвал ряд политических забастовок.

В это же время происходило брожение рабочих на морозовских фабриках в Орехове - Зуеве на экономической почве. На собрании были выбраны старосты и выработаны требования: 8-часовой рабочий день, увеличение расценок на 25%, установление для поденных минимальной платы в один рубль и участие в прибылях предприятия. Получив отрицательный ответ, рабочие забастовали (15 февраля); вскоре к ним примкнули остальные фабрики в Орехове-Зуеве и в селе Никольском. Рабочие вели себя мирно, организовав для охранения порядка рабочую милицию. С целью вызвать полицейские репрессии, фабричная администрация спровоцировала битье стекол в фабричных корпусах, но пойманные на месте преступления мальчишки сознались, что им было приказано это сделать. Затем начались обыски в казармах и аресты делегатов. Дело дошло до открытого нападения на солдат, и несколько арестованных было отбито женщинами. Забастовка окончилась поражением рабочих, и лишь на фабрике Саввы Морозова рабочие добились небольших уступок.

Из экономических забастовок 1905 г. своей грандиозностью и упорством выделяется знаменитая забастовка иваново-вознесенских рабочих. Остановимся на этой забастовке подробнее.

Квартирные условия иваново-вознесенских рабочих были тяжелые. По материалам 1899 г.

более $^2/_3$ всех квартир (состоявших из одной комнаты-кухни) занято несколькими семействами— по три, четыре, по пяти семей и по три, по пяти, по десяти человек, не связанных между собою родственными узами. Гигиена требует, чтобы на жильца приходилось в квартире не менее 27 куб. аршин воздуха, но этому удовлетворяли менее $^1/_3$ всех рабочих квартир. Большинству рабочих жильцов (более $^3/_4$) «приходится довольствоваться недостаточным количеством воздуха, дышать не полной грудью». В рабочих казармах жили холостые мужчины; в старых казармах были устроены нары, на которых все спали в повалку, в новых— койки. В видах экономии места четыре спальных места соединялись вместе: общая койка низенькими перегородками, образующими крест по средине койки, делилась на четыре места. Матрац и подушка из соломы. Стол со стулом приходился на 10—12 человек. В казармах царил строгий режим и мелочная регламентация всех сторон жизни надзирателями. За нарушение тишины и спокойствия налагался штраф.

Заработки иваново-вознесенских рабочих были чрезвычайно низки. Почти половина рабочих и больше половины всех работниц зарабатывали в среднем только 11—15 рублей в месяц. Весною 1905 г. $11^1/_2$-часовой рабочий день был заменен 11-часовым. Но и 11-часовой рабочий день был чрезмерно обременителен. Напр., в плюсовках, когда идет черный анилин, рабочий не в состоянии оставаться на работе более трех часов, и рабочие требовали на этой работе смены через каждые три часа. Но и работа в течение трех часов разрушительна для здоровья, и надо было употреблять противоядие, чтобы не отравиться воздухом: рабочие требовали отпуска им на плю-

совках молока вместо лука, которым фабриканты нередко заменяли молоко.

Настаивая на 8-часовом рабочем дне, рабочие говорили: «Мы не можем изматываться на работе, мы не можем ждать, мы не можем жить без отдыха, точно на каторге». Кроме основной работы, некоторые категории рабочих должны были выполнять постороннюю: напр., мыть и мести полы в фабричных помещениях и т. п. (вертельщики, запасные и т. д.). Некоторые дополнительные работы были непосильны для утомленных своей основной работой рабочих; напр., в напорном отделении рабочим приходилось поднимать медные валы по 10—12 пудов, в паковочном отделении—носить кипы по восемь и более пудов и т. д.

Низшая администрация — табельщики, надсмотрщики и мастера—наушничали, оскорбляли женщин, притесняли рабочих, брали взятки. Мастерские в старых корпусах были темны, тесны, плохо вентилировались. На одной фабрике механическое отделение помещалось в подвале, кирпичный пол был всегда сырой, в мастерской темно и тесно, целый день приходилось работать при газовом освещении. Все рабочие страдали хроническим насморком, по выходе из мастерской ощущалась режущая боль в глазах и ломота в голове. Вытяжной вентилятор в трепальных и чесальных отделениях выбрасывал массу пыли, которая проникала в мастерскую.

К фабричной инспекции рабочие относились недоверчиво. Кроме того, об обращении к инспектору всегда узнавал фабрикант, и рабочему грозило увольнение. К тому же, заступничество фабричного инспектора ни к чему не приводило.

Социал-демократическая пропаганда нашла среди иваново-вознесенских рабочих благодарную почву. Весною 1905 г. шла лихорадочная организационная работа. Вырабатывались общие требования: они обсуждались в группах по фабрикам, в центральной группе и, наконец, 1 мая были окончательно приняты всеми рабочими.

Утром 12 мая рабочие фабрики Никанора Дербенева «вышли» из корпусов. В тот же день забастовали у других. Потоки рабочих разлились по всем направлениям, фабрики останавливались одна за другой, толпа росла, и на следующий день десятки тысяч рабочих наполнили городскую площадь перед думой, и не было в городе ни одного завода, ни одной фабрики, ни одной мастерской, в которой производилась бы работа. Впервые бастовали рабочие ситцепечатных фабрик, не участвовавших в прежних забастовках. Причиной такого пассивного отношения к рабочему движению являлась месячная оплата труда. Старые рабочие, получавшие повышенные оклады жалованья за выслугу лет, боялись потерять свои места. С другой стороны, следует отметить более низкий уровень развития этих рабочих, их более крепкую связь с деревней и жизнь в фабричных казармах. Но в 1905 г. рабочие ситцепечатных фабрик выступали дружно со всеми рабочими. Заводские рабочие, ткачи и ткачихи, составляли ядро забастовки. Сами рабочие об'ясняли их активность тем, что большинство этих рабочих получали сдельную плату; их заработок зависел от личного уменья и энергии каждого, поэтому они не боялись лишиться места, так как были уверены, что ничего не потеряют с переходом на другую фабрику. Некоторые из работниц были избраны депутатками. Случалось, что они спа-

сали своих представителей и ораторов от полиции. Работницы выступали также на трибуне, и речь одной прачки из больницы для чернорабочих произвела на площади потрясающее впечатление.

Забастовка стала всеобщей; в ней участвовало все рабочее население Иваново-Вознесенска (до 70 тысяч чел.). От ремесленников, приказчиков, типографских рабочих и прислуги поступили заявления о сочувствии и желании примкнуть к забастовке.

Кроме требований, которые выставлялись на каждой фабрике, рабочими Иваново-Вознесенска были формулированы следующие общие требования: 8-часовой рабочий день; уничтожение ночных работ, кроме тех случаев, когда это вызывается техническими условиями; в предпраздничные дни работа производится не более 6 часов; минимум заработной платы для обоих полов 20 рублей в месяц; выдача заработной платы производится сполна по день выдачи и во время работы; отпуск роженицам за две недели до родов и на 4 недели после родов с сохранением полной заработной платы; устройство яслей при фабриках для грудных детей и отпуск матерей через каждые 3 часа на полчаса для кормления детей; полная плата за время болезни; уничтожение штрафов за прогулы; точное обозначение работы, на которую нанимается рабочий, чтобы не посылали рабочих на другие работы; постоянная выборная комиссия от рабочих и администрации в равном числе для установления правил внутреннего распорядка и разрешения всех недоразумений между рабочими; безусловно вежливое обращение членов администрации с рабочими; уничтожение обысков как действий, унижающих

достоинство рабочих; право сидеть ткачам и другим рабочим во время работы; право читать в свободное время газеты; улучшение гигиенических условий, а также медицинской помощи и друг.

Фабриканты отклонили почти все требования рабочих и отказались вступить в переговоры с ними на площади, возмущаясь тем, что собрания рабочих не разгонялись полицией, что фабричный инспектор беседовал с рабочими. В реакционной печати появились доносы на губернатора и фабричного инспектора. Их обвиняли в попустительстве. Напуганные фабриканты бежали из Иваново-Вознесенска. Городской голова сложил свои полномочия.

Рабочим разрешали собираться для обсуждения своих нужд и отвели их депутатам, выбранным в числе 150 чел., помещение в мещанской управе. 17 мая губернатор констатировал спокойное и чинное поведение рабочих, но воспретил сходки на площадях и улицах. С 18 мая собрания стали устраиваться на р. Талке; однако, 2 июня и здесь собрания были воспрещены за произнесение политических речей, в связи с чем 3 июня произошло избиение рабочих. Впрочем, 14 июня собрания на р. Талке были вновь разрешены.

Столкновения с казаками, преследования и обострившаяся нужда озлобляли рабочих. 23 июня, собравшись на площади, рабочие заявили губернатору, что требуют «хлеба и работы» и немедленного ответа фабрикантов: «чего они хотят— мира или войны». По настоянию рабочих губернатор телеграфно просил фабрикантов вступить в непосредственные переговоры с рабочими депутатами, гарантируя неприкосновенность лично-

сти. Бежавшие фабриканты заявили губернатору, что в Иваново не приедут до начала работ и что от рабочих зависит вновь поступить на фабрики на предлагаемых фабрикантами условиях. Тогда рабочие депутаты сложили с себя полномочия, об'явив, что больше не в силах сдерживать своих товарищей. В ночь на 25 июня начался разгром лавок, а в окрестности запылали дачи фабрикантов. С этого момента среди бастующих появились признаки упадка и разложения. Забастовка была сломлена. Рабочие решили с 1 июля стать на работу, «с тем, чтобы, подкрепив свои силы, вновь начать упорную за свои права борьбу». Однако, забастовка продолжалась еще до 17 июля.

Грандиозные размеры приняло в 1905 г. забастовочное движение среди железнодорожников [1]). Рядовых железнодорожников раздражало, прежде всего, то, что высший административный персонал получал огромные оклады, в то время, как вознаграждение рабочих и низших служащих не обеспечивало сносного существования. Благодаря забастовкам на некоторых дорогах были образованы комиссии для выяснения экономического положения служащих. И вот, из доклада комиссии на Николаевской железной дороге мы узнаем, что среди служащих нужда иногда доходила до хронического голодания. Что касается рабочего дня, то было обычно 24-часовое дежурство. Министерство путей сообщения неоднократно издавало циркуляры о воспрещении дежурств более двенадцати часов, но это не выполнялось. Дежурные помещения были тесные, низкие и грязные. Рабочие и служащие страдали также от произвола администрации. В 1885 г. министер-

---

[1]) См. М. Б. Очерки по истории жел.-дор. забастовок.

ство путей сообщения разработало проект положения, точно определявшего права и обязанности ж.-д. рабочих и служащих, но до 1905 г. проект не был утвержден.

В первое время стачки на железных дорогах носили неорганизованный характер. В январе 1905 г. забастовки возникали в отдельных железнодорожных депо, мастерских и на участках то одной, то другой дороги. Кроме того, произошла непродолжительная забастовка привислянских жел. дорог. Участие железнодорожников в общем движении выразилось, между прочим, в том, что всеобщую политическую забастовку в Саратове (12 января 1905 г.) начали железнодорожники, выдвинувшие ряд экономических требований. Одновременно прекратилось движение на Риго-Орловской (12 января) и Варшавско-Венской железных дорогах (14 января) [1]. Администрация, напуганная прекращением движения, удовлетворила значительную часть требований.

В первой половине февраля 1905 г. забастовки охватили тринадцать крупнейших дорог (Риго-Орловская, Московско-Курская, Московско-Виндаво-Рыбинская и др.). На остальных наблюдалось сильное брожение.

Требования рабочих и служащих сводились к следующим пунктам: организация постояннного бюро из выборных для разработки и освещения всех вопросов, касающихся рабочих и служащих; свобода собраний для обсуждения этих вопросов в помещениях управления дорог и в неслужебное время; учреждение библиотек и читален для рабочих и служащих; составление, при участии ра-

---

[1]) В. Невский, Январские дни в провинции („Красная Летопись“, № 1).

бочих и служащих, общего положения о рабочих и служащих; увеличение окладов; установление минимального оклада и периодических прибавок к содержанию; установление платы за сверхурочное время в полуторном размере; уравнение женщин в правах по службе с мужчинами; 6-часовой рабочий день для конторских служащих и 8-часовой рабочий день для лиц физического труда; за забастовку никто не должен пострадать и др.

Для борьбы с движением железные дороги были об'явлены на военном положении (в феврале 1905 г.). Местное железнодорожное начальство получило право своей властью подвергать рабочих и служащих аресту до семи дней; за самовольное оставление службы грозила тюрьма от четырех до восьми месяцев. Но, несмотря на военное положение, волнения не улеглись.

В марте состоялось совещание начальников казенных и представителей частных железных дорог по вопросу об улучшении быта рабочих и служащих. Совещание не пришло к определенным результатам. Была вынесена резолюция об усилении ответственности за проступки железнодорожных агентов, направленные к нарушению непрерывности и срочности движения. Вслед затем последовал циркуляр министра путей сообщения, указывавший на недопустимость забастовок и на неприемлемость некоторых требований (напр., создания выборной комиссии); что касается других ходатайств, то они требуют законодательного разрешения. Требования же о повышении заработной платы не могут быть удовлетворены вследствие финансового положения железных дорог. В заключение об'являлось, что сделаны распоряжения об удовлетворении тех ходатайств, которые не вызывают денежных ассигнований и

не нарушают установленного служебного строя, и, кроме того, сделано распоряжение о скорейшей подготовке разного рода проектов, имеющих целью упорядочение железнодорожной службы.

Этот циркуляр разочаровал железнодорожников. Они пришли к сознанию, что лишь организованная борьба может увенчаться успехом. Зародилась мысль о создании профессионального союза. И вот, с‘езд рабочих и служащих десяти казенных и частных железных дорог, происходивший 20—21 апреля 1905 г. в Москве, положил основание «Всероссийскому железнодорожному союзу». Второй с‘езд поручил центральному бюро выбрать момент для об‘явления всеобщей политической забастовки и выработать устав союза.

20 сентября в Петербурге открылся с‘езд ж.-д. служащих, созванный правительством для пересмотра устава пенсионных касс. С‘езд состоял наполовину из выборных от служащих и наполовину из лиц по назначению (заведующих кассами и т. д.). Этот с‘езд внезапно об‘явил себя «первым делегатским с‘ездом представителей жел. дорог» и предоставил решающий голос только выборным членам, причем вместо председателя, назначенного правительством, с‘езд выбрал председателя из своей среды. Этот акт встретил живой отклик в среде железнодорожников. Как раз в это время в разных городах поднялась забастовочная волна среди рабочих и служащих. Воспользовавшись этим моментом, центральное бюро об‘явило всеобщую забастовку на 7 октября 1905 г.

В назначенный день прекратили работу машинисты и управление Казанской дороги, а затем управление и мастерские Ярославской дороги. На другой день в Москве к назначенному

часу собралась партия железнодорожников и, разбившись на небольшие кучки, отправилась по управлениям дорог. Немедленно были прекращены работы во всех управлениях московских станций. К вечеру отправка поездов прекратилась. В тот же день на основании циркулярной условленной телеграммы центрального бюро, разосланной комитетам всех дорог, по всей России прекратилось железнодорожное движение. Одновременно забастовка охватила фабрики и заводы и т. д.

В первые дни забастовки многие видные члены союза были арестованы, но арестованных заменяли другие. Руководителем всеобщей забастовки в Москве был «Московский стачечный комитет», ядро которого составляли комитеты местных железных дорог; кроме того в стачечный комитет входили представители других московских предприятий.

В Москву, как в центр забастовочного движения, прибыл для переговоров министр путей сообщения, но приглашенные им депутаты заявили, что впредь до освобождения арестованных товарищей они не войдут ни в какие переговоры с администрацией. Министру пришлось вернуться в Петербург на паровозе.

Об'явив всеобщую забастовку, центральное бюро, кроме политических, выставило экономические требования.

18 октября, на основании решения московского стачечного комитета, центральное бюро разослало по железным дорогам телеграммы о прекращении забастовки. 19 октября во всех управлениях московских дорог с утра происходили сходки, и в тот же день на московских дорогах возобновились работы. Забастовка же на других

дорогах прекратилась не сразу, т. к. телеграмму центрального бюро многие сочли за провокацию и потребовали приезда делегатов от бюро. Лишь к 28 октября железнодорожные забастовки прекратились. Продолжали бастовать только Привислянские и Варшаво-Венская дороги, требуя отмены военного положения в Польше.

Делегаты ж.-д. организаций были приняты председателем совета министров и с его согласия разослали по дорогам телеграммы об удовлетворении правительством следующих требований: увеличение содержания и улучшение материального быта низших служащих и рабочих; образование комиссии с участием выборных от рабочих и служащих для выработки мероприятий по улучшению их экономического и правового положения; разрешение профессиональных ж.-д. организаций; снятие военного положения; разрешение собраний на всех дорогах, в помещениях и пределах дорог для обсуждения вопросов о забастовке и о своих нуждах, без предварительного уведомления полиции; неприкосновенность участников забастовки и обратный прием уволенных за забастовку; отмена ограничений для лиц польского происхождения на дорогах Привислянского[1]), Западного и Юго-Западного краев и допущение польского языка «во внутреннем коренном делопроизводстве» на частных железных дорогах Привислянского края.

Однако, волнения не улеглись, так как правительство скоро опять пошло по пути реакции. Забастовочное настроение сильно поднялось после циркуляра нового министра путей сообщения о недопущении собраний железнодорожных рабо-

---

[1]) Привислянским краем в царской России называлась Польша.

чих и служащих. Союз с большим трудом сдерживал частные выступления железнодорожников. Смертный приговор над железнодорожниками в Кушке за принадлежность к союзу вызвал всеобщее возбуждение. Со всех дорог посылались в Петербург телеграммы с требованием отменить приговор и с угрозою об'явить всеобщую забастовку. Приговор был отменен.

Из до-октябрьских забастовок 1905 г. интересно отметить еще забастовку типографских рабочих в Москве (сентябрь 1905 г.). Рабочие требовали установления 9-часового рабочего дня, увеличения заработной платы, двухнедельного ежегодного отпуска с сохранением содержания, уравнения платы женщин с платой мужчин, права выбора депутатов для посредничества между рабочими и хозяевами и устройства яслей. Из солидарности к ним присоединились фабрики и заводы. Бастовало 50 типографий с 10 тыс. рабочих. Прекратился выход московских газет. Забастовщики собирались на улице, но разгонялись полицией. Движением руководил «Совет депутатов от типографий».

Движение перекинулось на Петербург, а с приостановлением железнодорожного движения забастовка охватила важнейшие отрасли народного хозяйства. В октябрьские дни был нанесен первый удар царизму, и образовались первые советы рабочих депутатов.

После октябрьских событий вновь (как весною 1905 г.) началась забастовочная эпидемия. Волна экономических забастовок, руководимых профессиональными организациями и советами рабочих депутатов, прокатилась по всей России. Рабочие, ободренные октябрьской победой, добивались максимальных уступок у своих хозяев.

Из забастовок этого периода следует отметить всероссийскую почтово-телеграфную, происходившую в ноябре и декабре. Она была вызвана тяжелым экономическим и правовым положением работников связи (низкая плата, 12-часовой рабочий день, произвол начальников и т. д.).

Толчком к выступлению послужило увольнение и арест руководителей почтово-телеграфного союза. Собравшийся в Москве всероссийский с'езд работников почт и телеграфа об'явил забастовку, требуя освобождения и обратного приема уволенных товарищей. Через некоторое время были пред'явлены дополнительные требования об увеличении жалованья, установлении 6-часового рабочего дня чиновникам и 8-часового—почтальонам и рассыльным, введение особой платы за ночную и праздничную работу и т. д. Движение встретило живой отклик в рабочих кругах. В пользу бастующих собирались пожертвования (помощь оказали также почтово-телеграфные работники Германии). Царское правительство, несмотря на сочувствие прогрессивного общества и рабочих, вступило на путь репрессий. Стачечникам не платили жалованья, «зачинщиков» арестовали, рядовые участники были уволены. На место бастующих посылали солдат и добровольцев из «высшего общества» [1]). Репрессии, провокационные слухи, истощение (т. к. жалованья не платили, а пожертвования были недостаточны) и усиление политической реакции [2]) сломили силы стачечников. Несмотря на организованный характер [3]), забастовка кончилась неудачею [4]).

---

[1]) Т. е. аристократии.

[2]) См. ниже.

[3]) Стачкою руководил Всероссийский с'езд почт.-тел. работников.

[4]) Она началась с 15 ноября, с 31-го пошла на убыль и 15 декабря совершенно прекратилась.

Попытка Петербургского совета рабочих депутатов ввести на фабриках и заводах 8-часовой рабочий день повела к соглашению перепуганных фабрикантов с царизмом. С одной стороны, усилилась политическая реакция и царизм перешел в наступление против революции. С другой стороны, фабриканты ответили на самочинное установление 8-часового рабочего дня локаутом, выбросив на улицу десятки тысяч рабочих.

Революционное движение оказало некоторое влияние на развитие законодательства о труде. В конце 1905 г. (указ 12 декабря) была отменена наказуемость мирных экономических стачек, но усилена ответственность за забастовки на предприятиях государственной и общественной важности, напр., железные дороги, почта, телеграф и т. д. Остались в силе также кары за насилия или угрозы против штрейкбрехеров. Если присоединить сюда административное усмотрение, определявшее «мирный» или «экономический» характер стачки, то легко себе представить, какая могла получиться «свобода стачек».

Несколько позднее (4 марта 1906 г.) был издан закон об обществах и союзах. Этим законом была разрешена организация профессиональных союзов, но не всем категориям рабочих. Закон вытравлял из союзов боевой характер, запрещал об‘единения профессиональных организаций и т. д. Наконец, существование союзов зависело от административного произвола.

Подведя итоги забастовочному движению за 1905 год, следует отметить, что «пятый год» выделяется в истории русского рабочего движения наивысшим под‘емом стачечной волны. По официальным статистическим данным в 1905 году были 14.392 забастовки, в которых приняло уча-

стие свыше 3 миллионов человек [1]). Официальные данные указывали, что «в течение последнего десятилетия по силе стачечного движения Россия в 1905 г. превзошла в пять раз Америку, Германию, в десять раз Францию и т. д., а абсолютный под'ем стачечного возбуждения превзошел более, чем в два раза, общую сумму числа рабочих, бастовавших (в 1900 г.) в семи государствах с наиболее развитой промышленностью [2]). По своим мотивам почти $^3/_4$ всех забастовок 1905 г. были политические [3]).

Политический под'ем во время заседаний первой государственной думы ведет к новому оживлению забастовочного движения весною 1906 г.

К концу мая и началу июня стачечное движение охватило громадную площадь, увеличивавшуюся с каждым днем. Почти все стачки были экономического характера и сводились, преимущественно, к требованиям: уменьшения рабочего дня, установления воскресного отдыха (особенно среди печатников, пекарей и приказчиков), повы-

---

[1]) С. Вознесенский, Стачечная борьба рабочих (Архив истории труда, кн. 8, стр. 165).

[2]) В. Варзар, Статистика стачек за 1905 г., стр. 4.

[3]) В 1905 г. получил распространение бойкот, как метод борьбы с капиталом. Так, в мае 1905 г. московские рабочие бойкотировали „Московские Ведомости“, „Русский Листок“, которые не давали своим рабочим воскресного отдыха. В апреле 1905 г. союз конторщиков в Петербурге постановил бойкотировать два издательства, уволившие двух конторщиков за принадлежность к союзу. В ноябре 1905 г. в Петербурге рабочие бойкотировали табачную фабрику Лаферм, что заставило администрацию фабрики удовлетворить почти все требования рабочих. Около этого же времени удачно проводился бойкот двух табачных фабрик в Ростове-на-Дону (Тотомианц, стр 82). В мае 1906 г. бойкотировалась газета „Русь“, после того, как издатель отказался удовлетворить требования рабочих об установлении воскресного отдыха. Борьба кончилась победою рабочих. (В. Гриневич, стр. 130). Значительно раньше бойкот применяли еврейские рабочие, напр., в 1901 г. бойкотировались папиросы одного фабриканта в Белостоке за увольнение работниц; хозяин принужден был принять их обратно (М. Рафес, стр. 335—337).

шения заработной платы и т. п. Характерной чертой этого забастовочного движения была его организованность: борьбою руководили профессиональные союзы. Рабочие печатного дела, как наилучше организованные, добились почти повсюду воскресного отдыха. В некоторых местах рабочим удалось установить 8-часовой рабочий день.

Особенно упорным было движение среди судовых команд на черноморских пароходах. Несмотря на военное положение, господствовавшее в главных черноморских портах, забастовка проходила поразительно дружно. Она продолжалась 6 недель. Все экономические требования были удовлетворены. Одновременно бастовали судовые команды и на волжских пароходах, а также в Кронштадте, Варшаве и Плоцке, среди грузчиков в Саратове, Николаеве, Царицыне, Архангельске, Нижнем-Новгороде и Рыбинске.

Сильное забастовочное движение охватило и булочников. Началось с Лодзи (в марте 1906 г.) и Киева, где были выставлены требования 10-часового рабочего дня, воскресного отдыха, отмены хозяйских квартир и харчей, а затем вспыхнуло в Архангельске, Белостоке, Вильне, Одессе, Харькове, Брест-Литовске, Радоме, Тифлисе и Петербурге. В Петербурге, где забастовкою руководил профессиональный союз, число забастовавших определялось в десять тысяч человек. Борьба кончилась здесь победою рабочих.

В Саратове почти одновременно бастовали извозчики, грузчики, строительные рабочие, рабочие некоторых мельниц, ломовые, судорабочие и типографии. В Архангельске стачечным движением были охвачены почти все отрасли производства. В Керчи одновременно бастовали рабо-

чие землечерпательного каравана, рабочие городского обоза, два механических завода, каменщики-подводчики, служащие и рабочие городских больниц. В мае и апреле 1906 г. забастовки непрерывно перебрасывались из одного производства в другое. В Киеве, где забастовка началась с речных рабочих, движение постепенно охватило все производства. То же было в Одессе (здесь печатники добились 8-часового рабочего дня, увеличения заработной платы на 20—40% и уничтожения сверхурочных работ), в Ковне (папиросницы, спичечные фабрики, лесопильни и др.), в Витебске (кожевники, парикмахеры и др.) и в др. местах. Одновременно движение приняло довольно упорный характер у сельских рабочих [1]).

Положение их всегда было тяжелым, так как фабричные законы не распространялись на сельское хозяйство. Рабочий день продолжался 18 часов, в «страдную пору» производились ночные работы. Годовая плата колебалась от 30 до 70 рублей, а сроковая от 29 до 51 рубля. Во многих случаях заработок батрака в летние месяцы колебался от 8 до 15 коп. в день. Пища выдавалась плохая и недоброкачественная. Обращение было невежливое (рабочих не только бранили, но и били). Нередко батраков запрягали в сохи.

Борьба сельских рабочих была до 1906 г. мало заметной. В семидесятых годах батраки были еще

---

[1]) Никодимов, Сельские рабочие, их жизнь и борьба (Спб., 1907 г.). О стачках до 1905 г. — см. Шаховская, Сельско-хозяйственные отхожие промыслы (Спб., 1902), стр. 125, 130—132. Щербина, Южно-русские артели (Спб., 1880), стр. 237—238, 240—241. Его же, Рабочие на Кубани („Дело“, 1884 г., кн. IV, стр. 14). См. также Н. Ленин, Сельские рабочие в юго-восточных губерниях Европ. России (в сборнике речей и статей по проф. движению, изд. ВЦСПС, стр. 452—459).

настолько несознательными, что в ухудшении условий труда местные рабочие обвиняли пришлых; местные тогда боролись против пришлых. С введением машин, сельские пролетарии повели упорную борьбу против технических улучшений. Затем, как метод борьбы, применялся террор против отдельных помещиков. Стачечная борьба имела место и до 1906 г., но с этого года она усилилась под влиянием городских рабочих, выгнанных из города безработицею. Стачки охватили 180 уездов.

Организованный и упорный характер имела стачка батраков в Саратовской губернии (Балашовского уезда), охватившая сорок селений (июнь 1906 г.). Бастующие требовали повышения платы и улучшения пищи. Стачечный комитет, руководивший движением, закрыл кабаки, собирал деньги и продовольствие, открыл столовую и отправил на родину пришлых (оставив на месте только выборных). Несмотря на мирное настроение рабочих, вмешались власти. По распоряжению губернатора были открыты винные лавки; появились пьяные; кроме того рабочих подпаивали темные личности, подосланные помещиками. Стачечники были дезорганизованы голодом и водкою. Кроме того начались репрессии (аресты, высылки). Батраки, бастовавшие более двух недель, вернулись к работам. Цена рабочих рук все же поднялась после забастовки в 2—3 раза.

До острых столкновений доходили выступления латышских батраков. Последние требовали повышения платы, ежемесячной выплаты жалованья, десятичасового рабочего дня в летние месяцы и восьмичасового—в другие времена года, праздничного отдыха, бесплатной медицинской помощи и т. д. Против батраков посылались (в

1905 г.) войска, в то время, как прибалтийские губернии были охвачены восстанием. Движение батраков было тогда частью общереволюционного движения. Борьба, но уже «мирная» продолжалась в 1906 г. До столкновения с войсками доходили также выступления рабочих на свеклосахарных заводах Киевской губернии. Бастующие требовали повышения платы, сокращения рабочего дня и еженедельного расчета. В некоторых местах рабочим удавалось добиться полного удовлетворения своих требований, вплоть до 8-часового рабочего дня. Но в годы реакции эти завоевания были взяты обратно.

Несмотря на то, что стачки весною и летом 1906 г. совпали со временем заседаний первой государственной думы и всеобщего возбуждения, они сперва отличались мирным характером и умеренностью экономических требований, что может быть об'яснено общим неустойчивым положением промышленности и массовой безработицей. В это время промышленники организовались и повели наступление против рабочего класса.

Всероссийский с'езд промышленников (февраль 1905 г.), обсудив вопрос о стачках, пришел к выводу, что одной из главных причин малоуспешности борьбы с забастовками является «отсутствие единодушия между фабрикантами по тем вопросам, по которым уступки не могут быть сделаны, не нарушая нормального течения промышленной жизни». Совещание петербургских фабрикантов (март 1905 г.) обязалось: не сокращать рабочего дня впредь до решения этого вопроса в законодательном порядке; не платить рабочим за время забастовок; не допускать участия рабочих в определении заработной платы и

в вопросах внутреннего распорядка на фабриках и заводах; не допускать вмешательства рабочих и их представителей в вопросы об увольнении рабочих; не соглашаться на отмену штрафов и ни в коем случае не устанавливать, по требованию рабочих, минимальной заработной платы.

Для борьбы с рабочими создавались предпринимательские союзы. Так, напр., в Москве организовался «Союз фабрикантов и заводчиков центрального промышленного района». При открытии учредительного с'езда председатель комиссии по рабочему вопросу при московском биржевом обществе, которому принадлежала инициатива по созыву с'езда указал на «необходимость для фабрикантов сорганизоваться в виду нежелательного боевого настроения рабочих». Союз вменял в обязанность своим членам отклонять неосновательные притязания рабочих и обеспечивал своих членов товарищеской поддержкой. Применение локаутов промышленники мотивировали тем, что «у нас лучший сотрудник—голод». Комитет рижского союза фабрикантов разослал своим членам (июнь 1906 г.) циркуляр, где, ссылаясь на решения, принятые собранием фабрикантов, предлагает: «не соглашаться ни на какие уступки коллективным требованиям рабочих, не заручившись в каждом отдельном случае одобрением комитета»; если закрытие отдельных фабрик не приведет к желательному примирению, то предусматривается отказ от работы всем рабочим одной категории с забастовщиками, а если эта мера окажется безуспешной, то «будет созвано собрание фабрикантов, чтобы осуществить постановление о всеобщем локауте».

В Петербурге организовался союз металлозаводчиков северного района, поставивший себе

целью бороться с рабочими путем локаутов; при союзе образовался страховой фонд для выдачи пособий фабрикантам, потерпевшим убытки от забастовки.

На таких же основаниях организовался (в конце 1906 г.) союз владельцев московских типографий; при возникновении в какой либо типографии забастовки все остальные типографии должны были об'явить своим рабочим расчет через две недели.

Со второй половины 1906 г. капитал, пользуясь реакцией, перешел в наступление. Забастовки принимают оборонительный характер, хотя первоначально рабочие достигают еще некоторых успехов [1]). Газеты того времени писали о «волне локаутов».

Особенно упорным был локаут, об'явленный союзом хлопчатобумажных фабрикантов в Лодзи, с целью отнять завоевания 1905—6 г.г. Предлогом послужило оскорбление рабочими фабрики Познанского одного инженера. Владелец потребовал увольнения каждого пятого рабочего (в том отделении фабрики, где произошло оскорбление) и восстановления обысков. Рабочие забастовали, и тогда был об'явлен локаут всего хлопчатобумажного производства (30 тысяч рабочих). Борьба продолжалась четыре месяца. В среде рабочих на почве голода увеличились смертность и преступность. Помощь рабочих из других го-

---

[1]) В Кинешме, Костромской губернии, забастовали две тысячи рабочих фабрики Разореновых, пред'явив экономические требования. Администрация скрылась, и фабрика перешла в руки рабочих. Делами ведал совет рабочих депутатов. На фабрике царил образцовый порядок. Большие запасы в потребительской лавке давали рабочим возможность долго держаться. Ежедневно происходили сходки, на которые обязаны были являться все рабочие; за неявку налагался штраф.

родов была недостаточной. Наконец, партия национал-демократов через ксендзов склонила измученных рабочих подчиниться требованиям хозяев.

Ожесточенным был также локаут, об'явленный владельцами щетинного производства в Польше против профессиональной организации рабочих. Постепенно локаут щетинного производства охватил значительную часть промышленных районов России и затем перешел в область кожевенного производства.

Во многих случаях среди требований, пред'являвшихся об'единенными хозяевами, значилось требование о непризнании профессиональных союзов рабочих. Так было и в Одессе. Местные власти с представителями пароходных фирм выработали устав нового «Общества пароходных команд» и закрыли прежнюю «Регистрацию», являвшуюся как бы профессиональным союзом. По уставу нового общества организация лишалась самостоятельности, и руководство обществом переходило в руки администрации. «Регистрация» сама принимала матросов, распределяла их по пароходам и т. д., но новому обществу эти права не были предоставлены. Одновременно пароходными обществами были аннулированы завоевания рабочих: 8-часовой рабочий день, плата за сверхурочные работы и разбор претензий третейским судом. Команды ответили на это забастовкою. Жизнь в порту замерла. Пароходная администрация наняла штрейкбрехеров из «Союза русского народа». Они плохо справлялись с работою, команду, непривычную к бурям, укачивало, но появление штрейкбрехеров внесло дезорганизацию в рабочую среду. В дело вмешались анархисты: попытки взорвать пароходы, на которых работали

штрейкбрехеры, повели к усилению репрессий, к распрям среди бастующих и к окончательной их деморализации.

Перед выборами во вторую государственную думу, царское правительство, с целью привлечь на свою сторону торговых служащих, издало закон (в ноябре 1906 г.) о сокращении рабочего дня и воскресном отдыхе в торговых заведениях. Однако, на выборах в думу приказчики голосовали за левые партии. Потеряв надежду на «патриотизм» торгового пролетариата, правительство поспешило (в ноябре 1907 г.) внести в закон поправки в пользу хозяев. В результате, рабочий день удлиняется до 14—17 часов [1]), с правом хозяев ввести сверхурочные работы; полный праздничный отдых был заменен 5-часовым рабочим днем. Закон вызвал среди приказчиков сильное брожение [2]).

В первой половине 1907 г., во время заседаний второй государственной думы, забастовочное движение снова оживилось.

Трамвайная забастовка в Москве (февраль 1907 г.) вспыхнула на экономической почве. Городская управа, отклонив требования рабочих, об'явила всем расчет. Тогда забастовали в знак солидарности рабочие и служащие центральной электрической станции, газового завода и водопровода. Городская управа частично возобновила трамвайное движение при помощи штрейкбрехеров, работы на газовом заводе производились при помощи городовых, а по отношению к бастующим рабочим были приняты репрессивные меры. В результате были высланы из Москвы полтора-

---

[1]) Вместо 12-ти часов.
[2]) Движение против закона 1907 г. усилилось 1912—13 годах.

ста рабочих газового завода, а некоторые рабочие были арестованы за агитацию и руководство забастовкой.

В Баку моряки каспийского торгового флота через своих уполномоченных (март 1907 г.) пред'явили судовладельцам ряд требований, дав трехдневный срок на их рассмотрение. Не получив ответа, моряки об'явили забастовку; было решено не выпускать в море ни одного судна, кроме почтовых пароходов. Забастовка быстро распространилась на все другие крупные порты Каспийского моря: Петровск, Красноводск и др. Срочные грузы оставались без движения, за переполнением нефтехранилищ остановился ряд нефтяных источников. Моряки терпели крайнюю нужду и подвергались усиленным полицейским репрессиям, но держались стойко, пока через два месяца не добились удовлетворения большинства требований.

В апреле происходила итальянская забастовка на Николаевской железной дороге в Петербурге, которая закончилась частичным успехом.

Особенно упорный характер носила борьба петербургских булочников. Хозяева пользовались каждым случаем, чтобы отказаться от уступок, сделанных в 1906 г., и профессиональному союзу булочников приходилось шаг за шагом отбиваться от нападений хозяев. Весною 1907 г. рабочие обратились к хозяевам с решительным требованием соблюдать договор 1906 года. Об'единившиеся хозяева ответили на это требование локаутом. 6 тысяч человек очутились на улице. Помощь безработным оказывал союз булочников и другие союзы. Союз хозяев оказался некрепким, так как мелкие хозяева сдались через три недели. Борьба кончилась победою рабочих.

В Москве печатники добились успеха, благодаря своей организации. Борьба началась на почве попытки об'единившихся хозяев ликвидировать одно из важнейших завоеваний рабочих: 9-часовой рабочий день для дневной смены и 8-часовая работа для ночной смены. Первым выступил типограф Яковлев, установивший 9-часовую работу для ночной смены. На отказ рабочих Яковлев ответил тем, что отменил ночную смену. Борьба велась в течение $1^1/_2$ мес. Яковлев, не будучи в состоянии выполнить заказы без ночной смены, готов уже был выступить из союза предпринимателей. Тогда союз владельцев пришел на помощь Яковлеву, постановив выполнить его заказы в других союзных типографиях. Но союз рабочих наложил на яковлевские заказы бойкот, об'являя забастовку повсюду, где настаивали на выполнении этих заказов. К забостовке примкнуло 1500 рабочих. Хозяева предложили передать все вопросы третейскому суду, рабочие же соглашались передать суду лишь вопрос об уплате за забастовочное время, находя, что суд не компетентен решать вопросы труда вообще, а лишь вопрос о том, кто начал наступление и кто, следовательно, должен платить за прогульное время. Соглашение не состоялось, и тогда (27 февраля) начался локаут в 38 типографиях с 7 тысячами рабочих. Организованные рабочие держались единодушно. Забастовали отделения типографии Яковлева в Петербурге и Киеве и отделение типографии Кушнерева в Петербурге; забастовавшие настаивали на удовлетворении требований московских товарищей. В других городах строго бойкотировались все заказы бастующих типографий и производились сборы в пользу забастовщиков.

Хозяева принуждены были сдаться. Они согласились на третейский суд на условиях, предложенных рабочими. Третейский суд вынес решение в пользу рабочих; хозяева принуждены были уплатить за забастовочное время.

Со второй половины 1907 г. (после роспуска второй государственной думы) реакция восторжествовала. Рабочее движение пошло на убыль и это продолжалось вплоть до 1911 г.

Последняя забастовка, охватившая большие массы рабочих, произошла на текстильных фабриках в центральном промышленном районе (в июне 1907 г.). Эта областная забастовка была решена на конференции представителей союзов рабочих по обработке волокнистых веществ, на которой были выработаны требования к предпринимателям: установление минимума заработной платы, улучшение санитарных условий в мастерских, устранение женского и детского труда из вредных производств, установление 8-часового рабочего дня, признание выборных и т. д. Готовясь к забастовке, рабочие приняли во внимание блестящее положение текстильной промышленности в центральном районе и то, что конкурирующие с ним лодзинские фабрики переживали тогда кризис. На собраниях в Костроме, напр., ораторы аргументировали своевременность забастовки этим фактом: фабриканты должны удовлетворить требования рабочих, если хотят выполнить полученный из Лодзи заказ на два миллиона рублей. Тем не менее, забастовка не захватила целиком весь центральный промышленный район. Не работали большие фабрики, как Никольская мануфактура Саввы Морозова, в Орехсве-Зуеве.

Повсюду забастовка проходила организованно и мирно. Но все же рабочие потерпели пораже-

ние благодаря организованности предпринимателей. Отклонив требования рабочих, они согласились выдавать иногда рабочим наградные с тем, чтобы все рабочие обязались не прекращать работ.

Падение забастовочного движения в ближайшие годы видно из следующих цифр:

Годы.	Число. Забастовок.	Число. Участников.
1906	6.114	1.108.406
1907	3.573	740.074
1908	892	176.101
1909	340	64.000
1910	222	46.623

Позиция предпринимателей укрепилась, благодаря предоставленному им (в 1907 г.) праву локаутов. Сенат раз'яснил, что недопущение рабочих к работам, если часть их забастовала, является действием вполне закономерным и не влечет за собою обязательства выплатить двухнедельный заработок даже тем рабочим, которые хотели работать. Реакция и об'единенный капитал ликвидировали политические и экономические завоевания, сделанные рабочим классом в 1905 году. Были закрыты почти все профессиональные организации, создавшиеся в разгаре забастовочного движения и руководившие последним.

Дольше всех сохранили свои завоевания бакинские рабочие, где еще в 1908 г. существовал Совет рабочих уполномоченных и представительные органы в отдельных предприятиях. В Баку был заключен первый в России коллективный договор [1]).

---

[1]) Ю. Ларин, стр. 4.

1911—1917 годы[1]).

Экономическое положение перед войною. — Положение рабочих. — Партия и экономическая борьба. — Ленин и экономическая борьба.— Оживление забастовочного движения в 1911 г. — Строительные и ремесленные рабочие. — Забастовка петербургских портовых рабочих и одесских моряков. — Ленские события и рост забастовочного движения. — 1912 и 1913 годы. — Страховое движение. — Бакинская забастовка 1914 г. — Период войны (экономическое положение, положение рабочих и экономическая борьба).

Промышленный застой сменился новым под'емом в 1910 г. За пятилетие (1910—14 г.г.) перед войною число рабочих в крупной промышленности увеличилось на 11%, а ценность производства — на 20%. Производительность также поднялась (напр., за 1909—13 г.г. выплавка чу-

¹) М. И. Туган-Барановский, Раб. движение в 1911 г. (Ежегодник газеты „Речь“ на 1912 г.); А. Чужeнинов, Русское раб. движение (тот же ежегодник—на 1913 г. и на 1914 г.); Бюллетени Общества заводчиков и фабрикантов Моск. промышл. района (№№ 15—18 за 1911—13 г.г.); А. Михайлов, Летнее стач. движение („Наша Заря“, 1911 г., кн. 9—10; Его же, Стач. движение и задачи раб. организаций (там же, 1911 г.. кн. 11—12); И. Ларский, Вопросы текущей жизни. Стач. движение 1911 г. („Современный Мир“, 1911 г., кн. 12); Л. Клейнборт, Забаст. волна („Новая Жизнь“, 1911 г., кн. 10); Правда о Ленских событиях. Материалы комиссии, организованной представителями адвокатуры (Москва, 1913 г.); А. Тюшевский, К истории забастовки и расстрела рабочих на Ленских приисках (Петроград, 1921 г.); А. Невский, Ленские события и их причины (Спб., 1912 г.); А. Блек, Рабочие на Ленских золотых промыслах („Архив истории труда в России“, кн. 4, 5 и 9); А. Зорин, Раб. движение в 1913 г. („Заветы“, 1914 г., кн. 1); Р. Якуб, Забастовка рабочих московск. трамвая 1913 г. („Вестник Труда“, 1922 г. №№ 10 и 11—12); „Известия общества заводчиков и фабрикантов Моск. пром. района“ за 1914 г.; Статистич. Ежегодник Центр. Статист. Управления за 1913—1917 г.г. (Отдел—Рабочее движение); Из эпохи „Звезды“ и „Правды“ (1911 — 1914 г.г.).

гуна увеличилась на 32%). Удельный вес промышленности в народном хозяйстве страны увеличился. В то время как доход от сельского хозяйства увеличился с 1900 по 1913 год на 34%, доход от промышленности возрос на 62%.

По своей концентрации русская промышленность превосходила западно-европейскую и северо-американскую. На крупных предприятиях (с числом рабочих более 1000 чел.) было занято около четверти общего числа рабочих — относительно втрое больше, чем в Германии. В среднем на каждое предприятие с числом рабочих более 500 человек работало в Германии—менее 900 рабочих, в Соединенных Штатах — менее 1.100 чел. и в России—более 1.400 рабочих. Крупнейшие предприятия России были в руках иностранного капитала, напр., почти весь Донецкий бассейн; в горной и металлообрабатывающей промышленности иностранцы имеют $^1/_4$ предприятий и более $^1/_2$ акций.

В сельском хозяйстве наблюдался рост капиталистических методов хозяйства и превращение помещиков старого типа (так наз. «зубров») в просвещенных аграриев. Положение крестьян оставалось тяжелым; уровень техники крестьян-

---

Вып. 1—3 (Москва, 1921—4 г.г.); И. А. Меницкий, Русское раб. движение и Р.С.-Д.Р.П. накануне войны (Москва, 1923 г.); А. Винокуров, Рабочее страховое движение (Москва, 1922 г.); В. Г. Данский, Страховая кампания (Спб., 1913); А. Шляпников, Канун семнадцатого года. Вып. 1 и 2 (Москва, 1921—1922 г.г.); В. Васильевская. Забаст. движение в Петербурге по агентурным данным 1914—1916 г.г. („Пролетарская Революция", 1923 г., № 1); Марксизм и ликвидаторство. Сборник статей об основных вопросах современного рабочего движения. Второе издание (Ленинград, 1924); Л. Митревич, Заметки по раб. движению с 1912 г. („Прол. Рев.", 1923 г., кн. 3); Рабочее движение в Москве в 1914 — 17 г.г. (там же, 1923 г., кн. 14). Кроме того — см. работы Яковлевой, Сидорова, Ельницкого, Фриче и Вознесенского (см. примечания к предыдущим главам).

ского хозяйства был невысоким (средний урожай пшеницы с десятины у русского крестьянина — 50 пудов, тогда как у бельгийского—150 пудов, у датского—195 пудов) [1]).

Положение рабочих не изменилось. Политический гнет всей своей тяжестью ложился на рабочий класс, так как царское правительство смотрело на пролетариев, как на инициаторов революционных выступлений. Рабочие организации преследовались и все «легальные возможности» аннулировались административным произволом и репрессиями.

Новое оживление промышленности (с 1910 г.) в первое время не отразилось на забастовочном движении. В 1910 г. число забастовок достигло минимума, опустившись до уровня 1898 г. Об'яснялось это тем, что после подавления революции 1905 года рабочие массы были дезорганизованы и потеряли уверенность в своих силах. Но уже в 1911 г. в одни только летние месяцы было свыше полутораста забастовок, в которых участвовало не менее ста тысяч рабочих. Само собою разумеется, что новый рост забастовочного движения был неприятной «неожиданностью» для царского правительства и капиталистов.

Экономическая борьба в предвоенные годы (1911—14) проходит в тесной связи с политической. Эта связь выражалась не только в одновременном выдвигании экономических и политических требований, но также в том, что политические забастовки часто вызывали экономические, и наоборот. Экономико-политическая борьба безостановочно росла с каждым месяцем и годом.

---

[1]) Данные об экономическом развитии за 1910—14 г.г.—см. у О. Розенфельда, История профдвижения в России. Схема-конспект (Одесса, 1923), стр. 32, 34.

Этот рост достиг своего апогея в июле 1914 г., когда страна была на пороге новой революции. Однако, движение резко оборвалось с началом мировой войны и вновь начинает расти лишь весною 1915 года...

Классовое самосознание пролетариата в предвоенные годы было значительно выше, чем перед революциею 1905 года. Это выразилось в солидарности, об'единявшей пролетариев разных предприятий. Большое развитие получили стачки сочувствия или забастовки протеста, не говоря уже о широкой материальной поддержке стачечников. Нельзя не отметить частоту выступлений: рабочие реагировали на важнейшие события текущей жизни (Ленские события, преследование рабочей печати, суд над матросами, закрытие союза металлистов и т. д.), не говоря уже о периодических забастовках-демонстрациях (1 мая, годовщина Ленских событий и 9 января). Пролетариат стоял, таким образом, во главе освободительного движения. Упорство, с каким боролись стачечники, многочисленность участников, руководство партийных и профессиональных организаций— все это говорило о росте сознательности рабочего класса. Наконец, нельзя не указать на огромное влияние рабочих газет, «Звезды» и «Правды», которые будировали и просвещали массы.

С другой стороны, капитал, организованный в боевые предпринимательские союзы и ободряемый правительством, упорно боролся против рабочих. Против последних пускались в ход обычные методы борьбы: локауты, черные списки и поддержка штрейкбрехеров. Кроме того капиталистам помогала царская администрация, преследовавшая забастовщиков и рабочие организации.

Вопрос о характере и значении пролетарской борьбы находил различный ответ у большевиков и ликвидаторов. Последние отрицали возможность и необходимость второй российской революции, доказывая, что Россия вступила на путь мирного конституционного развития. Рабочая партия должна была, по мнению ликвидаторов, урезать свою программу, выкинув оттуда пункты, несовместимые с легальной работой. Нелегальная, подпольная работа должна быть ликвидирована. Отсюда — ликвидаторы [1]).

Большевики держали курс на вторую революцию, придерживаясь «неурезанных лозунгов» (демократическая республика, 8-часовой рабочий день и земля крестьянам). Легальные возможности должны быть использованы [2]), но во главе угла должна стоять подпольная работа. На ликвидаторство большевики смотрели как на буржуазное течение.

Ленин, стоявший во главе большевиков, указывал на тесную связь экономической борьбы с политической. Политическая и экономическая стачки взаимно поддерживают друг друга, составляя источник силы одна для другой. Без тесной связи этих видов стачки движение действительно широкое, массовое,—и притом получающее общенародное значение,—невозможно. В начале движения экономическая стачка обладает свойством «будить и шевелить отсталых, обобщать движение, поднимать его на высшую ступень» [1]). В то время, как большевики твердили о связи «экономики» и «политики», ликвидаторы отрицали эту

---

[1]) Были еще меньшевики-партийцы — сторонники нелег. работы.

[2]) Были еще бойкотисты (и отзовисты)—противники всякой легальной работы, но партия осудила их тактику.

[3]) Марксизм и ликвидаторство, стр. 109.

связь. Они резко выступали против развития политических забастовок, называя это «стачечным азартом».

Расходились также большевики и ликвидаторы в вопросе о свободе коалиций (т. е. свободе союзов, собраний и стачек)[1]. Большевики связывали лозунг свободы коалиций с основными политическими (т. е. «неурезанными») лозунгами, считая, что настоящая свобода коалиций достижима лишь с низвержением царизма. Ликвидаторы же выдвигали лозунг свободы коалиций совершенно независимо от каких-либо других требований; они считали возможным осуществить его в условиях политической реакции. Буржуазия, напуганная ростом рабочего движения, также об‘явила необходимость издания закона о свободе коалиций. Этим она думала увлечь пролетариат на путь мирного сотрудничества классов.

В начале (1911 г.) почти все забастовки были экономическими, будучи направлены к восстановлению завоеваний 1905—1906 годов. Наиболее интенсивно борьба шла на окраинах (Польша, Прибалтийский край); в центральных губерниях и Петербурге движение было слабое и неорганизованное[2].

На ходе рабочего движения в эту пору с особою силою сказались организованность предпринимателей и тесная связь их с органами власти. Полиция оказывала предпринимателям содействие в борьбе с рабочими. Штрейкбрехеры в петроградском порту работали под охраною пешей и конной полиции. «Зачинщики» неизменно арестовывались, а профессиональные организации,

---

[1]) Там же, стр. 86—108.

[2]) Исключение составляло движение портовых рабочих в Петербурге (см. ниже).

руководившие борьбою, закрывались. Со своей стороны, предприниматели отказывались от переговоров с бастующими, привозили штрейкбрехеров целыми партиями из других городов и даже из-за границы [1]), выселяли рабочих из фабричных помещений, прекращали выдачи продовольствия по заборным книжкам из фабричных лавок и т. д.

Прежде всего забастовочное движение проявилось среди строительных и ремесленных рабочих, что находилось в связи с небывалым до этого времени под'емом строительства, имевшим все признаки строительной горячки. Рабочие постарались использовать эту горячку [2]).

Строительные рабочие боролись против кабалы и произвола со стороны подрядчиков, которые платили им ничтожную плату, но заставляли работать с восхода до заката солнца; за малейшую провинность их штрафовали. Особенно большие размеры движение приняло в Риге, где одновременно прекратили работу столяры, маляры, шорники, плотники и др. — всего свыше 20 тысяч рабочих. Маляры и столяры держались в течение четырех недель. Рабочие, требовавшие возвращения к условиям 1905—6 годов, получили частичное удовлетворение. Интересно отметить, что на собраниях подрядчиков происходила борьба между крупными и мелкими предпринимателями. Последние готовы были итти на уступки, но не могли этого сделать, так как находились под влиянием местных латышских кредитных учреждений, угрожавших закрыть кредит уступчивым предпринимателям.

---

1) Были случаи, когда в качестве штрейкбрехеров работали арестанты.

2) См. статью Туган-Барановского в „Ежегоднике“ газеты „Речь“ за 1912 г., стр. 238.

Ликвидация забастовки произошла в следующей обстановке: чтобы не обратить на себя внимания полиции, около двухсот рабочих стали купаться в Киш-озере, где разбились на группы, обсуждая свои дела. На этом «водном митинге» решено было прекратить забастовку [1]).

Организованный и весьма упорный характер носили общие забастовки щетинщиков, заготовщиков и рабочих механической обуви (в Западном крае). Борьбою руководили [2]) стачечные комитеты, издававшие свои бюллетени. Забастовка щетинщиков была вызвана стремлением рабочих вернуть 8-часовой рабочий день, установленный в 1905 г., но затем утраченный в годы промышленного застоя. Борьба продолжалась несколько месяцев и окончилась победою рабочих. Характерно, что хозяева-евреи не постеснялись обратиться за штрейкбрехерами к черносотенной организации Михаила Архангела, но «черносотенные» рабочие-христиане примкнули к еврейским товарищам [3]).

Дружно протекала также забастовка четырех тысяч портовых рабочих в Петербурге (в июне 1911 г.), которые ежедневно являлись с раннего утра на место работы и оставались там до вечера, охраняя портовую территорию от штрейкбрехеров и провокаторов.

Обратила на себя в то время (в августе 1911 г.) внимание забастовка на трех океанских пароходах Русского общества пароходства и торговли в Одессе. Сигнал к выступлению дала команда парохода «Цереры». Пароход с пассажирами и грузом готов был к отходу. Но после второго гудка

---

[1]) И. Ларский (Совр. Мир., 1911 г., № 12, стр. 289—290).
[2]) Как в Западном, так и в Прибалтийском крае.
[3]) А. Михайлов (Н. Заря, кн. 11, стр. 46).

машинисты и кочегары, сделав соответствующее заявление судовой администрации, удалились с парохода. Служащие, прекратившие работы, поставили на пароходах охрану для наблюдения за сохранностью судового имущества. Через два дня бросили работы команды 23 пароходов. Из солидарности присоединились также команды другого пароходного общества. Моряки требовали 9-часового рабочего дня и увеличения платы за сверхурочную работу. Однако, они потерпели поражение, чему не мало способствовали полицейские преследования.

Из забастовок фабричных рабочих следует отметить борьбу пяти тысяч рабочих Хлудовской мануфактуры (в Смоленской губернии). Ближайшим поводом послужило гнусное поведение одного мастера с работницами. Рабочие требовали удаления его и шпионов, а также уменьшения штрафов. На троекратное предложение администрации стать на работы рабочие ответили решительным отказом. Но все же были принуждены вернуться к работам (26 июля), получив незначительные уступки (напр., обещание расследовать причины штрафов). Два месяца спустя вновь забастовали две тысячи рабочих ткацкого отдела из-за увольнения одного рабочего, в чем увидели месть за участие в первой забастовке. Рабочие требовали удаления мастера, уволившего рабочего, отмены обысков работниц мужчинами и т. п. Но они вновь потерпели поражение, благодаря тому, что среди них не было единодушия; кроме того на фабрике процветала система шпионажа и доносов. «Зачинщики» были уволены.

По официальным данным, в 1911 г. было около 450 забастовок, охвативших свыше 100 тысяч рабочих.

В то время, как забастовочное движение росло во всех районах, начиная «от мелких местечек Западного края до пустынных улусов далекой Якутской области» [1]), в глухой сибирской тайге произошли (весною 1912 г.) события, всколыхнувшие общественное мнение и послужившие толчком для небывалого под'ема рабочего движения. Мы говорим о Ленской трагедии.

Ленское товарищество возникло в 1861 г. и в начале двадцатого столетия приобрело все золотые прииски Олекминско-Витимского края. К 1910 г. в руках Ленского товарищества было сосредоточено 423 прииска с общей поверхностью около сорока тысяч десятин, среди которых был Феодосиевский прииск—самый богатый в Сибири. По мнению английских инженеров, Ленские прииски были после Аляски вторым по богатству месторождением в мире. Кроме того в руки Ленского товарищества перешли приисковая железная дорога и пароходное дело по реке Лене. Товарищество давало огромные прибыли. Оно захватило в свои руки все местное хозяйство, держа в зависимости органы местной власти и подчинив себе население, раскинутое на пространстве радиусом в $1^1/_2$ тысячи верст.

По своему составу рабочие были пришлые (главным образом, из Европейской России). Чтобы пробраться на Ленские прииски, рабочие должны были преодолеть трех-четырехтысячное пространство по железной дороге до Иркутска, отсюда проехать на лошадях или же пройти триста верст до станции Жигалово и от этого пункта до Бодайбо проехать свыше 1700 верст по Лене, чаще всего на лодках. Рабочих гнал в этот да-

---

[1]) А. Михайлов (Н. Заря, 1911 г., кн. 11, стр. 40).

лекий край голод, а в редких случаях надежда на «под‘емное золото» [1]). Всего на Ленских приисках работало восемь тысяч рабочих; население приискового района определялось в тридцать тысяч человек. Большинство рабочих ($^3/_4$) были семейные. Договор найма заключался на срок, начиная со дня выхода на работу и до сентября. Этот срок был установлен для того, чтобы держать рабочих в кабале, так как осенью сокращались работы. Рабочий, не возобновивший договора найма, обрекался на голодную смерть, так как ленские прииски находились в глухой местности среди гор и лесов, — осенью и зимою прииски были отрезаны от остального мира. Рабочий не мог отказаться от работы до истечения срока, администрация же могла его уволить в любое время за малейшую провинность. Заработная плата несколько раз понижалась. Задельная плата выдавалась с пуда или куба добываемого золота, причем материал (динамит и уголь для пожогов) выдавался за счет этой платы. В среднем рабочие зарабатывали от 35 до 48 рублей в месяц. Но если принять во внимание, что одинокий рабочий должен был тратить на себя рубль в день, то семейный рабочий уже не мог прожить на такой заработок. Но и этот заработок рабочие получали не полностью. Около трети своего заработка рабочие получали наличными деньгами, около половины—продуктами, нередко негодными или ненужными, и около четверти— по окончании срока договора.

Работать приходилось в тяжелых условиях, в вечной мерзлоте, которую отапливают так называемыми пожогами, зажигаемыми на ночь в шах-

---

[1]) См. ниже.

тах. Эта работа сопровождалась страшными угарами, от которых рабочие падали в обморок. Работа в мокрых шахтах с сильным протоком воды была не менее трудной. Рабочим не выдавалась непромокаемая одежда, а если выдавалась, то в таком потрепанном виде, что она не предохраняла от сырости. При шахтах не было ни раздевален, ни сушилок. Проработав одиннадцать часов, рабочие, промокшие до костей, должны были возвращаться домой при сорока-градусном морозе, пройдя нередко версты три.

Дневная смена рабочих была занята с 5 часов утра до 6 часов вечера, с двухчасовым перерывом на обед. За опоздание рабочие переводились на верховые работы (в лютые морозы) или на рытье канав, где работавшие должны были стоять по колено в воде. Фактически рабочий день был длиннее, так как спуск и под'ем по лестницам-стремянкам (в шахтах) отнимал не менее получаса, а рабочие жилища находились от места работы на расстоянии трех верст, каковое расстояние рабочие проходили четыре раза в день. Жилищные условия были крайне тяжелые. Рабочие ютились в казармах, которые были негодны для жилья. Встречались казармы, одна половина которых была отведена под конюшню, а другая предназначалась для рабочих. Центром казарменной жизни была единственная (на целую казарму) печка. На этой печке варились обеды и ужины, около нее грелись продрогшие рабочие, над ней сушилось мокрое платье и обувь. От печи поднимались густые испарения, которые, соединяясь с испарениями тела, отравляли атмосферу. Ночевали рабочие в каморках, отгороженных досками (не доходившими до потолка) или просто ситцем. Полы были в щелях, с потолка сыпалась

земля. Летом в казармах была невероятная духота, зимою—невыносимый холод. Рассказывали, что по ночам волосы рабочих иногда примерзали к наружным стенам. В маленьких каморках теснилась рабочая семья вместе с холостыми рабочими.

Продукты из приисковой лавки выдавали плохие, но рабочий обязан был их брать, так как их все равно записывали в книжку.

По договору рабочие обязаны были посылать своих жен и детей на работы по требованию администрации. Лица администрации вызывали «на мытье полов» понравившихся им жен или дочерей рабочих, которые, под страхом увольнения, принуждены были удовлетворять их желания.

Большой приманкой для рабочих было под‘емное золото, т. е. то золото, которое рабочие находили в виде самородков. Ради этого многие рабочие и шли в глухую тайгу. Но не все прииски и не все забои (в одном и том же прииске) были богаты под‘емным золотом. Ленское товарищество пользовалось этим обстоятельством: назначая некоторые группы рабочих в места, богатые самородками, оно создавало себе приверженцев, будущих штрейкбрехеров.

Поводом для конфликта [1]) послужила выдача (25 февраля 1912 г.) рабочему Андреевского при-

---

[1]) Кроме источников, указанных в примечании на стр. 146—147, см. следующие: Всеподданнейший отчет сенатора Манухина (о Ленских событиях). С.-Петербург, 1912 г.; А. К-ий. О том, что было („Заветы“, 1912 г., кн. 5); А. Петрищев, Хроника внутренней жизни („Русское Богатство“, 1912 г., кн. 5); Очевидец, С Лены („Просвещение“, 1912 г, кн. 8—9); И. Ларский, Солидарность („Современный Мир“, 1912 г., кн. 5); Е. Маевский, Лена („Наша Заря“, 1912 г., кн. 4); Ф. Дан, Лена (там же); И. Кудрявцев, К годовщине Ленских событий („Сибирский Горнорабочий“, 1918 г., № 3); Б. Николаевский, Заметки о

иска недоброкачественного мяса, в котором находился конский половой орган. Через несколько дней рабочие Андреевского прииска не вышли на работу, требуя от администрации увольнения кухонного старосты и обещания впредь выдавать доброкачественное мясо. Упорство администрации вызвало забастовку и на других приисках, которая к 3 марта стала всеобщей. По предложению высшей администрации и станового пристава рабочие выбрали из своей среды депутатов для ведения переговоров, а для охраны порядка и борьбы с пьянством были выбраны особые старосты.

Рабочие требовали увеличения заработной платы, 8-часового рабочего дня, выдачи доброкачественных продуктов, улучшения жилищных условий, правильного подсчета сдельной платы, выдачи заработной платы деньгами, а не талонами и т. д. Большинство этих требований товарищество не выполняло, вопреки горному уставу и обязательным постановлениям. Даже окружный инженер в беседе с рабочими депутатами должен был признать, что товарищество нарушало условия договора. Но правление товарищества, имевшее связи и поддержку в правительственных сферах, отклонило требования рабочих и обратилось к иркутскому губернатору с просьбою о присылке войск, указывая на то, что забастовка вызвана политическими агитаторами и что бастующие намерены громить приисковое имущество. На самом деле, по отзыву горного исправника, бастующие вели себя мирно. Кроме того правле-

---

Ленских событиях („Былое", 1920 г., № 20); Г. Лелевич, Ленский расстрел („Пролетарская Революция", 1922 г., № 5); И. Волковичер, Отклики Ленских событий в Москве (там же, № 3); В. Плетнев, Лена. Очерки истории Ленских событий (Москва, 1923 г.). Ш. Левин, К истории забастовки на Ленских золотых приисках („Былое", 1922 г., кн. 20).

ние распорядилось о затоплении шахт, хотя рабочие охраняли шахты от затопления, не прекращая водоотливных работ. По прибытии войск, которых товарищество перевозило на свой счет, администрация отказалась от дальнейших переговоров с бастующими и распорядилась о выселении рабочих из казарм и прекращении выдачи им продовольствия. Однако, по распоряжению губернатора, исполнение этой меры было отсрочено.

Положение резко изменилось к худшему с приездом жандармского офицера Трещенкова. Трещенков имел богатое прошлое в охранных отделениях и карательных экспедициях; ленскую забастовку решено было ликвидировать крутыми мерами.

Были арестованы рабочие депутаты (в ночь на 4 апреля). Тогда рабочие, в числе до трех тысяч, направились к промысловому управлению просить об освобождении арестованных. Они растянулись узкой лентой на две версты. В это время Трещенков настраивал солдат против рабочих. Когда же рабочие стали вести переговоры с прибывшим окружным инженером, неожиданно раздался залп и стрельба пачками. Потеряв самообладание, солдаты безостановочно стреляли по бежавшим и лежавшим рабочим. Между тем толпа продолжала напирать сзади, не зная причины остановки передних. Стрельба продолжалась по отступающим и отползающим, что подтвердилось осмотром трупов (раны были нанесены в спину и в бок). Оказалось убитых и умерших от ран свыше 250, тяжело раненых более ста.

После этой кровавой расправы рабочих начали выселять из казарм, а многих привлекли к уголовной ответственности за действие скопом.

Ленские события всколыхнули общественное мнение. Расследование событий взяла на себя группа адвокатов, а также комиссия чиновников, посланная иркутским губернатором. А затем туда поехал по высочайшему повелению сенатор Манухин. Он выработал, при участии сторон, новый договор найма: рабочим был сделан ряд уступок. Рабочие, ставшие временно на работу, чтобы показать ревизии условия, в которых они работали, отказались подписать новый договор, требуя суда над виновниками расстрела, освобождения арестованных рабочих и смещения старой администрации. Вместе с тем рабочие заявили о своем решении покинуть ленские промыслы.

Один из чиновников поставил на открытое голосование нескольких тысяч рабочих адрес с выражением верноподданических чувств и благодарности сенатору Манухину за «чрезмерные труды», но она была единогласно отвергнута [1]).

В июле 1912 года ленские рабочие оставили тайгу. В благодарственном адресе иркутским юристам они писали: «Мы покидаем мрачную тайгу после долгой четырехмесячной тяжелой борьбы за улучшение нашей горькой участи потому, что мы не добились правды».

Но рабочий класс не мог молчать. Он ответил на Ленские события волною политических стачек, разлившейся по всей России.

По официальным данным, в 1912 году было 2.032 забастовки (725 тысяч рабочих), из коих 1.300 (участников—около 550 тысяч чел.) были политические. Кроме забастовок протеста по поводу Ленских событий, рабочие ознаменовали в тот год забастовками и демонстрациями день

---

1) При семи воздержавшихся.

1 мая (свыше 200 тысяч рабочих), приговор над севастопольскими матросами и т. д.

Руководство забастовочным движением принадлежало большевикам. Противники нелегальной работы — ликвидаторы — враждебно относились к «стачечному азарту» (как они называли активные выступления рабочих).

Чрезвычайное оживление металлургической промышленности (под влиянием быстрого роста городов, новых ассигновок на флот и развития железнодорожной сети) привело к тому, что в 1912 г. металлисты становятся во главе забастовочного движения [1]). Центр тяжести движения переносится в металлургические районы, главным образом петербургский; треть всех забастовок 1912 года происходила в этом районе.

Из отдельных забастовок того года отметим дружное выступление 1200 рабочих завода Сименс и Гальске в Петербурге, которые стойко держались три месяца, но потерпели поражение, благодаря подкупам и массовым арестам. Самой крупной была забастовка (12 тыс. чел.) Путиловского завода [2]). Стачка началась в пушечной мастерской из-за дурных гигиенических условий, а все остальные рабочие присоединились из солидарности. Администрация в тот же день удовлетворила требования рабочих. Организованным характером и большим упорством отличалась также борьба рабочих трамвайных парков (в мае 1912 г. в Петербурге [3]).

---

[1]) См. статью Н. Ленина, Стачки металлистов в 1912 году (в сборнике статей и речей по проф. движению, изд. ВЦСПС, стр. 138—143).

[2]) Макс Гордон, Движения на Путиловском заводе в 1901—1917 г.г. („Архив истории труда в России“, кн. 11—12).

[3]) Макс Гордон. Из жизни рабочих и служащих гор. жел. дорог Петербурга. Очерк I и II. („Архив истории труда в России“, кн. 8 и 9).

Еще выше поднялась забастовочная волна в 1913 г. По отчетам фабричных инспекторов, произошли 2.142 забастовки, в которых участвовали свыше 861 тысячи рабочих (961 политических— около 500 тысяч человек) [1]. В первомайской забастовке в одном Петербурге участвовало более 220 тысяч рабочих.

Экономические забастовки прошли наиболее энергично в мелком ремесленном производстве. Металлисты еще не оправились после не особенно удачной стачечной кампании предыдущего года. Текстильщики находились под впечатлением локаутов.

Особенно упорно боролись печатники против организованных предпринимателей, но потерпели поражение. Более успешно шли дела у петербургских золото-серебряников, которым удалось сорвать локаут.

Интересно отметить забастовку-протест на заводе «Новый Лесснер» в Петербурге, где мастер, ложно обвинивший одного рабочего в воровстве, довел его до самоубийства. Рабочие бросили работы, требуя увольнения мастера. Администрация отказала, и рабочие продержались 100 дней, получая пожертвования от рабочих других заводов. Когда администрация передала заказы в другие заводы, местные рабочие отказывались их выполнять. Не помогли уловки администрации, как, напр., снятие ярлыков, стирание надписи фирм на моделях, соскабливание номеров

---

[1] По неофициальным данным, число участвующих было значительно выше—см. Г. Зиновьев, Итоги и перспективы („Просвещение", 1914 г., № 1, стр. 8с). По данным Ц. С. У. (Статист. сборник за 1913—17 г.г., стр. 130—139), в 1913 г. было 2.404 стачек с 887 тыс. участниками (политических — 1.025 с 496 тысяч участниками).

заказов. Разлагающим образом влияли на рабочих бульварные газеты, распускавшие провокационные слухи и печатавшие об'явления о наборе штрейкбрехеров. Последние набирались из подонков общества. Однако, администрация принуждена была вскоре отказаться от их «услуг» в виду участившихся краж. Стачка была сломлена, благодаря группе рабочих, польстившихся на предложенный администрацией аванс [1]). На рост классовой солидарности рабочих большое влияние оказала трамвайная забастовка в Москве (сентябрь 1913 г.), которой предшествовало движение трамвайных служащих в Лодзи, Одессе, Риге, Баку и Тифлисе. Из чувства солидарности об'явили однодневную стачку рабочие других московских предприятий (23 сентября). Аресты рабочих представителей, пред'явивших требования городской управе, вызвали новую забастовку протеста. Хотя трамвайщики вернулись к работам, не достигнув практических результатов, движение перебросилось в другие города. Брожение началось и среди трамвайщиков в Петербурге, но городское управление поспешило пойти на уступки.

Большой размах приняла борьба рабочих на бакинских нефтяных промыслах (в июле 1913 г.), требовавших улучшения жилищных условий, признания выборных и т. д. Из солидарности бросили работы и другие предприятия бакинского района, напр., электрическая станция. Рабочие добились повышения заработной платы (на 20—25%).

По своему размеру выделяются также выступления лодзинских ткачей (50 тыс. рабочих), варшавских сапожников (22 тыс. чел.), приказчиков

---

1) Из эпохи „Звезды" и „Правды", стр. 222.

сибирской фирмы Второва (одновременно не работали приказчики в 15 городах, где находились отделения этой фирмы), петербургских каталей и т. д.

Упорный характер приняло движение на Обуховском сталелитейном заводе (свыше 5 тысяч рабочих), где в 1913 г. были три забастовки.

Борьба рабочих-металлистов проходила безуспешно, благодаря организованности предпринимателей. Иногда забастовки вызывались провокацией со стороны хозяев, желавших сократить производство, набрать новых рабочих на более выгодных условиях или оправдать стачкою свою неисправность перед заказчиками. По мнению одного публициста, близкого к предпринимателям, забастовка бакинских рабочих была инсценирована самими нефтепромышленниками с целью удержать на высоком уровне цены на нефть [1]).

Царское правительство, испуганное ростом рабочего движения, издало в 1912 г. закон о социальном страховании. Закон этот не мог удовлетворить рабочих. Так, напр., он не распространялся на все категории труда (напр., на железнодорожников, торговых служащих, сельскохозяйственных рабочих и прислугу). Взносы в больничные кассы делались рабочими (2% вычеты), в то время, как предприниматели приплачивали суммы в размере $^2/_3$ к взносам рабочих. В больничных кассах—$^2/_3$ голосов имели представители хозяев. В ведении же предпринимателей находилась и медицинская помощь. Обязательное страхование распространялось только на случай болезни и увечья; не было страхования

---

[1]) П. Мигулин, Новое забастовочное движение („Новый Экономист", 1913 г., № 31—32).

на случай безработицы, старости и инвалидности. Не допускались также об'единения больничных касс различных предприятий. Наконец, уполномоченные от рабочих подвергались репрессиям (со стороны администрации и хозяев).

Недовольство рабочих масс царским страховым законом вызывает страховое движение (с конца 1912 г.). В последнем участвовали и большевики и ликвидаторы, но с различными программами. Большевики выдвинули так наз. рабочую страховую программу, а именно: распространение страхования на все категории труда; установление всех видов страхования (от безработицы и т. д.); переложение всех взносов на предпринимателей; устранение хозяев от управления больничными кассами и т. д. Свою страховую программу большевики связывали с политикою, с борьбою против царизма. Страховым движением большевики пользовались для организации рабочих масс (вокруг больничных касс и страховых учреждений) и для развития их классового самосознания. Ликвидаторы же были против внесения «политики» в рабочее страховое движение. Вместо полного пересмотра царского закона о страховании, они предлагали бороться лишь за частичные изменения и дополнения. Рабочие массы пошли не за ликвидаторами, а за большевиками. Последние одержали победу на выборах в больничные кассы, страховой совет и страховые присутствия [1]). Административный произвол (недопущение собраний и лекций по вопросам страхования, аресты и увольнения уполномоченных и страхо-

---

[1]) В страх. совет и присутствия рабочие представители были допущены в ничтожном меньшинстве (большинство составляли чиновники и промышленники), и то после упорной борьбы (против назначенства).

вых деятелей) вызвал ряд «страховых» забастовок.

Целым рядом выступлений страхового характера начался и 1914 год.

Всего было в 1914 году, по официальным данным, 3.543 забастовки, в которых участвовали более 1,3 миллиона рабочих [1]) (2.565 политических—свыше миллиона чел.).

Организованный характер носила борьба печатников, происходившая в разных городах (около двух тысяч рабочих). Печатники требовали увеличения заработной платы и уменьшения рабочего дня. В некоторых городах они требовали, чтобы рабочие нанимались только через профессиональный союз.

Массовые заболевания—обмороки—работниц на некоторых заводах вызвали волну забастовок протеста (март 1914 г.). Эти заболевания впервые обнаружились в галошных мастерских «Треугольника» (в Петербурге) и «Проводника» (в Риге). Реакционная печать распустила слухи о существовании тайного комитета отравителей; другие говорили о влиянии постной пищи на истощенный рабочий организм и об эпидемии истерии. На самом деле, причиною заболеваний были антисанитарные условия труда, напр., отсутствие вентиляции, отравление истощенного организма ядовитыми газами и т. п. В ответ на забастовки протеста предприниматели об'явили локаут и расчитали 70 тысяч рабочих, а полиция закрыла союз металлистов. Из крупных забасто-

[1]) Несмотря на то, что движение оборвалось (в июле 1914 г.) с об'явлением войны. По данным Ц. С. У. (Сборник за 1913—17 г.г., стр. 140—149) в 1914 г. было 3.354 стачки с числом участников более 1,3 милл. чел. (2.400 политических с числом участников около миллиона чел.).

вок на отдельных заводах следует отметить выступление десяти тысяч рабочих на Петровских заводах Русско-Бельгийского металлургического общества в Екатеринославской губернии (в апреле). Рабочие требовали восстановления старых (повышенных) расценок, квартирного довольствия за счет предприятия, бесплатной доставки воды и угля, отмены штрафов, расширения заводской школы и т. д. Забастовка кончилась поражением рабочих.

Одновременно происходила отличавшаяся своим упорством забастовка рабочих Лысьевского завода на Урале, в которой участвовало более пяти тысяч рабочих.

Принципиальный характер носила борьба на ювелирной фабрике Фаберже в Петербурге, где бастующие требовали удаления рабочих, не принявших участия в забастовке памяти 9 января. На фабрике золото-серебряных изделий «Эдуард» рабочие также требовали удаления штрейкбрехеров. В обоих случаях борьба кончилась поражением рабочих.

В забастовке текстильщиков московского промышленного района участвовало свыше 60 тысяч рабочих. Бастующие требовали увеличения заработной платы и квартирных денег, улучшения гигиенических условий труда (устройство бань и прачешных, вентиляции и т. д.), улучшения медицинской помощи, вежливого обращения, ослабления фабричного режима, увеличения числа рабочих и отмены работ на трех или четырех станках и т. д.

Вновь выступили и бакинские рабочие (36 тыс. чел.), выдвинувшие следующие требования: установление 8-часового рабочего дня, месячный отпуск с сохранением содержания, увеличение за-

работной платы, отмена наградных [1]), организация центральной больничной кассы и переложение на предпринимателей всех вычетов в фонд этой кассы; 42-часовой беспрерывный отдых в течение недели, постройка за счет предпринимателей рабочих поселков [2]), участие в деле организации медицинской помощи выборных от рабочих, внесение в табель праздника 1 мая; открытие новых и расширение существующих культурно-просветительных учреждений, признание рабочих организаций, заключение коллективного договора и т. д. [3]).

Нефтепромышленники, опираясь на силу своей организации, категорически отказались удовлетворить требования рабочих. Благодаря агрессивным действиям со стороны предпринимателей и полицейским репрессиям, движение приняло бурный характер. На промысле Селимова дело дошло до побоища. Провокационный выстрел привел к тому, что толпа набросилась на администрацию, которая на этом основании открыла стрельбу. То же случилось на другом промысле. После этого полиция стала производить многочисленные аресты среди рабочих. Закрытие властями рабочего союза вызвало забастовку в тех предприятиях, где работы до этого времени продолжались. Между тем, бастующих начали выселять из квартир. На промыслах одной акционерной компании были, по распоряжению администрации, разломаны печи, прекращена подача топлива, на-

---

[1]) По мнению рабочих, наградные развращали отсталых рабочих, примиряли их с самой хищнической эксплуатацией труда и, наконец, способствовали затемнению классового самосознания.

[2]) Антисанитарные квартирные условия способствовали распространению чумы.

[3]) См. также А. Попов, К истории бакинского рабочего движения („Вестник Труда", 1924 г., № 1); его же, Забастовка в 1914 г. в Баку.

ложены пломбы на водяные краны. В других предприятиях бастующим прекращали подачу медицинской помощи. Лавки прекратили отпуск товаров. Наконец, предприниматели об'явили, что если рабочие не приступят к работам, их паспорта будут переданы в полицию. После этого усилилось выселение рабочих из квартир при помощи полицейских. Арестовано было около тысячи рабочих. Многих отправили по этапу на родину, некоторые (30 ч.) были присуждены к тюремному заключению.

Эти репрессии против бакинских рабочих вызвали забастовки протеста в важнейших промышленных центрах. А затем открытая полицией стрельба против путиловских рабочих (в июле 1914 г.) повлекла за собою забастовки крупнейших фабрик и заводов в Петербурге. Столкновения бастующих с полицией вызвали крупные беспорядки. В течение нескольких дней происходили демонстрации и беспорядки, которые местами переходили в баррикадные бои [1]). В воздухе пахло революцией. Но об'явление всеобщей мобилизации и открытие военных действий оборвали рост забастовочного движения. Рабочие были мобилизованы или взяты на военный учет [2]). В случае забастовки наиболее сознательных рабочих отсылали на фронт или судили военным судом. С августа 1914 г. произошла всего 41 стачка с $9^1/_2$ тысячами участников.

Война внесла большие изменения в экономику страны и положение рабочего класса [3]).

Промышленность перестроилась применительно к военным нуждам, отдавая им подавляющую

---

1) См. также Д., Июльские дни в Спб. („Сев. Записки", 1914 г., № 7).

2) Вскоре после об'явления войны прекратили забастовку, не достигнув никаких результатов, бакинские рабочие.

3) Цитир. по О. Розенфельду, История профдвижения в России, стр. 36, 38.

часть своей продукции. Отсюда—нехватка в стране предметов широкого потребления, товарный голод, рост цен и спекуляция. Промышленники же наживали огромные военные «сверхприбыли». Мобилизация значительной части (40%) квалифицированных рабочих и ухудшение качества рабочей силы (расширенное применение женского и детского труда, ввоз дешевых рабочих рук — китайцев и корейцев — прилив большой массы учетников из непролетарской среды) ведут к падению производительности труда и кризису недопроизводства. Напр., в январе 1915 г. на одного рабочего приходилось добытого угля—786 пудов, в октябре 1916 г.—606 пудов.

Положение рабочих во время войны резко ухудшилось. Продовольственный кризис и вздорожание жизни больше всего задели рабочих. Повышение заработной платы (в обесцененных деньгах) отставало от роста цен. Во имя «войны до победного конца» были отменены фабричные законы. В результате усилилась эксплуатация рабочей силы (сверхурочные работы, расширенное применение женского и детского труда и т. д.). Рабочее движение было задушено, рабочие организации разгромлены.

Во время войны среди социалистов народилось так наз. оборончество, защищавшее идею, что во время войны рабочие должны прекратить экономическую и политическую борьбу, т. к. борьба мешает успешной обороне страны. Большевики с Лениным во главе доказывали, что война ведется только в интересах буржуазии; борьбы не следует прекращать, причем усилиями пролетариата империалистическая война должна быть превращена в гражданскую—между трудом и капиталом. С целью отвлечь рабочих от борьбы и

усиления работы на оборону, были об'явлены (в 1915 г.) выборы в «рабочую группу» при военно-промышленном комитете. Оборонцы агитировали за участие в выборах, большевики [1])—против.

Затяжка войны, дороговизна, ухудшение условий труда (проведенное под лозунгом «защиты отечества») и правительственные репрессии (напр., ссылка на каторгу социал-демократических депутатов) привели к новому оживлению забастовочного движения в 1915 г. Всего в этом году было свыше девятисот забастовок, в которых участвовали более 539 тыс. рабочих (политических более двухсот с 150 тыс. участников).

Из экономических забастовок отметим борьбу за повышение заработной платы на крупных заводах в Петербурге в июле 1915 г. Рабочие приходили на заводы, но не работали. Об'явления администрации и начальника военного округа не произвели никакого впечатления. Когда последний потребовал к себе военнообязанных, они не явились. В конце концов, рабочие принуждены были вернуться к работам.

События в Иваново-Вознесенске и Костроме (в августе 1915 г.), где войска стреляли в рабочих, выступивших с лозунгом «долой войну», вызвали забастовки протеста в других городах.

Забастовку-протест на Путиловском заводе (в сентябре 1915 г.) решено было закончить на третий день. Но приказ командующего военным округом, угрожавший бастующим военно-полевым судом, отсрочил окончание стачки на один день: рабочие хотели показать военному начальству, что они возвращаются к работам по собственному решению. Рабочие «Скорохода» (5 тыс. чел.) и

---

[1]) И часть эс-эров.

«Феникса» (2 тыс. чел.), прекратившие работы в октябре 1915 г., были отправлены на фронт. Отметим еще забастовку (12 тыс. участников) на Сормовском заводе из-за призыва двух рабочих на военную службу.

В 1916 году было уже 1.400 забастовок, в которых участвовало свыше миллиона рабочих [1]) (240 политических—свыше трехсот тысяч рабочих). Из экономических забастовок этого года отметим прекращение работ трамвайными парками в Петрограде, к которым примкнули рабочие городской электрической станции. Несмотря на вмешательство военных властей, рабочие выиграли стачку. На почве низкой оплаты труда приостановили работы рабочие Путиловского завода (февраль 1916 г.); завод был временно закрыт. По той же причине волновались рабочие на заводе «Новый Лесснер» (март). Грандиозные размеры приняло движение шахтеров в Донецком бассейне (апрель), охватившее 50 тысяч рабочих. Последние требовали повышения заработной платы. Солдаты отказались усмирять рабочих; все же дело дошло до кровавого столкновения. Рабочие вскоре принуждены были вернуться к работам, но через некоторое время заработная плата была несколько повышена.

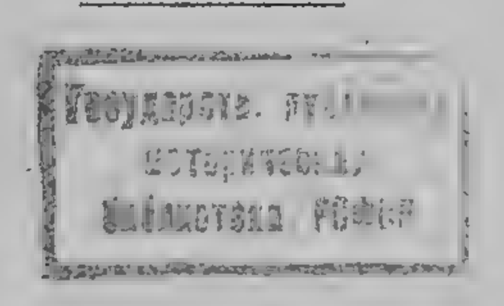
В первые два месяца 1917 г. было 1.330 забастовок с числом участников более 676 тыс. чел. (1.140 политических, около 575 тыс. чел.).

На этом следует закончить очерк, так как события после низвержения самодержавия требуют самостоятельного изучения.

---

1) По данным Ц. С. У. (Сборник за 1913—17 г.г., стр. 160—164) в 1916 г. было 1.288 стачек с числом участников более 950 тысяч человек.

СОДЕРЖАНИЕ.

СОДЕРЖАНИЕ

«Архива истории труда в России» и истор. сборн. «Труд в России».

„АРХИВ ИСТОРИИ ТРУДА В РОССИИ".

Книга первая (распродана).

Книга вторая. Цена 60 к.

Книга третья. Цена 60 к.

Первая годовщина.
Заработная плата в горнозав. промышленности при крепостн. праве. **К. Пажитнова.**
О времени и мерах прикрепления крестьян к земле в Моск. Руси. **С. Платонова.**
Быт крестьян на частных горных заводах и рудниках в Оренбургском крае (накануне освобождения от крепостн. зависимости). **Л. Айзенберга.**
К истории стачек среди фабричных рабочих. **Юл. Гессена.**
Заметки по истории труда на Руси 16—17 века: I. Транспортные рабочие водники.— II. Строгановские иконники. **А. Введенского.**
Жандармерия и первые рабочие стачки. **Р. Кантора.**
Выборы в комиссию сенатора Шидловского (1905 г.). **В. Невского.**
Женский труд в почтово-телеграфном деле. **А. Путилова.**
К вопросу о рабочем дне при крепостном праве. **К. Пажитнова.**
Крестьяне Демидовского лицея. **Таисии Шатиловой.**
Холерный бунт 1892 г. **В. Колпенского.**
Картины из крепостного быта. **П. Аргунова.**
Рабочие на постройке Петерб.-Московской жел. дороги. **Д. Каргина.**
„Разных художеств мастеровые люди". **П. Садикова.**
Запасные хлебные магазины. **Н. Мурзанова.**
Некоторые данные о фабриках в 1767 году. **М. Цвибака.**

Материалы для статистики.

Факты и цифры. Заметки архивистов.

Книга четвертая. Цена 60 к.

Попытка регламентировать труд в кустарной промышленности. **И. М. Кулишера.**
Закрепощение в императорской России. **А. Преснякова.**
Положение рабочих в горноз. промышленности при креп. праве. **К. Пажитнова.**
Из истории касс и обществ взаимопомощи рабочих. **В. Святловского.**
К истории ремесленного труда в древней Руси. **Вл. Юл. Гессена.**
Крестьяне на частных горных заводах в Оренбургском крае (по освобождении от крепостной зависимости). **Л. Айзенберга.**
Рабочие на Ленских золотых приисках. **Ал. Блека.**
Требования рабочих Балтийск. и др. морских заводов в 1905 г. **А. Львовича.**
Вопросы труда в иностранной литературе. **Я. Канторовича.**
Из вотчинных архивов. **А. Путилова.**
Значение труда старообрядцев в развитии промыслов. **В. Дружинина.**
Условия быта промысл. рабочих Рос.-Амер. Компании. **П. Г. Васенко.**
Сельская школа накануне крестьянской реформы. **В. Колпенского.**
Из жизни приходских учителей. **Ю. Михайловой.**
Рабочие из „шатающихся" людей на Шлиссельб. фабрике. **А. Шебунина.**
К вопросу о рекрутском наборе дворовых и деловых людей. **П. Садикова.**
Златоустовская забастовка. **И. Бендера.**

Заметки архивистов.

Книга пятая. Цена 60 к.

Побеги помещичьих крестьян в николаевскую эпоху. **Елены Коц.**
Условия труда рабочих при постройке С.-Петерб.-Моск. ж. дороги. **Д. Каргина.**
Сельская школа после крестьянской реформы. **В. Колпенского.**
Рабочие на Ленских золотых приисках (продолжение). **Ал. Блека.**
Очерки истории труда в России. **Н. Рожкова.**
Военно-судные комиссии для рабочих на золотых приисках. **Юл. Гессена.**
Уничтожение половничества в 19 веке. **Таисии Шатиловой.**
К истории ремесленн. труда в древней Руси (продолж.). **Вл. Юл. Гессена.**
Рабочая дисциплина на фабриках и заводах при креп. праве. **К. Пажитнова.**
Рабочие волнения в царствование Александра I. **К. Пажитнова.**
К закрытию Нижнеисетского завода. **А. Шебалова.**

Материалы для истории стачек в начале 70-х г. 19 в. И. Сидорова.
К характеристике экономического положения рабочего элемента в Иваново-Вознесенске (1871 г.). Р. Кантора.
Из стачечного движения на Кавказе в 1903 г. И. Бендера.
Заметки архивистов.

Книга 6—7-ая. Цена 1 руб.

Несколько слов об арестантском труде. Елены Коц.
Заметки по истории труда на Руси 16—17 вв. Наемные рабочие в крестьянском хозяйстве.—Наемный труд в крупном хозяйстве. А. Введенского.
Очерк истории труда в России (продолжение). Н. Рожкова.
Рабочие на Топальской мануфактуре в 1771 г. Ал. Оглоблина.
Труд иноземцев в Московском государстве. Инны Любименко.
Крестьяне Вост. Сибири во вторую половину 17 в. Анны Пруссак.
Рабочие Экспедиции загот. гос. бумаг в 1-ую полов. 19 в. С. Вознесенского.
Народное продовольствие в 1812 году. З. Матковской.
К истории борьбы по вопросу о продаже крестьян без земли. А. Шебунина.
Условия труда и быт рабочих на госуд. фарфор. заводе. Э. Голлербаха.
К трагедии горнозав. крестьян в Оренбургском крае. Л. Айзенберга.
Рабочие на постройке Уссурийской и Амурской жел. дорог. П. Васенко.
Землепользование новгор. дворцовых крестьян в 17 в. М. Островской.
Возмущение рабочих Ревдинского завода в 1841 году. К. Пажитнова.
Сельская школа после крестьянской реформы. В. Колпенского.
К стачечному движению на юге России в 1903 году. И. Бендера.
Статистика забастовок за январь 1917 года. Р. Кантора.
К истории крестьянских „беспорядков“ в 1905 году. А. Шебалова.
О судьбе некоторых арх. материалов по истории креп. хозяйства. А. Большакова.

Книга восьмая. Цена 1 р. 40 к.

Строительные рабочие в московском государстве. А. Пруссак.
Очерк истории труда в России (продолжение). Н. Рожкова.
Как жилось рабочим на постройке Волжско-Донской ж. дороги. Л. Айзенберга.
Основы социальн. организации педагог. труда в 18—19 в.в. С. В. Рождественского.
Госуд. земледелие на южной окраине моск. государства в 17 в. С. Тхоржевского.
Из жизни рабочих и служащих на гор. жел. дорогах Петрограда. Макса Гордона.
К истории борьбы по вопросу о продаже крестьян без земли. А. Шебунина.
Работные люди в свете депутатских наказов 1767 г. Таисии Шатиловой.
Крестьяне крепостной деревни во 2-й полов. 18 в. С. И. Архангельского.
Стачечная борьба рабочих (в 1870—1917 г.). С. Вознесенского.
К истории ремесл. труда в древней Руси (окончание). Вл. Юл. Гессена.
Положение рабочих на постройках Гл. Общества Росс. жел. дорог. Д. Каргина.
Медико-санит. условия на постройке Петерб.-Моск. жел. дороги. П. Вакса.

Книга девятая. Цена 1 р. 40 к.

Первые конференции и с‘езды професс. союзов (1905—1907 гг.). В. Святловского.
Рабочий в свете статистики (сводные данные о росте промышл. пролетариата в годы войны и революции преимущественно в Петрограде). М. Солодниковой.
К выяснению причин крестьянских волнений в Никол. эпоху. Ел. Коц.
Рабочие на Обуховском сталелитейном заводе. Макса Гордона.
Эконом. положение рабочих металлистов до 1905 г. Ф. Семенова-Булкина.
Преддверье аграрной революции 1905 г. И. Цызырева.
Историч. справка о положении рабочих на Охт. порох. заводе. В. Катин-Ярцева.
Из жизни рабочих и служащих на гор. жел. дорогах Петрограда. Макса Гордона.
Ученики на петербургской полотняной фабрике. М. Островской.
Рабочие волнения в царствование Александра I (окончание). К. Пажитнова.
Несколько слов о художественном труде. Э. Голлербаха.

Книга десятая. Цена 1 р. 40 к.

На старейших полотняных фабриках. Конст. Базилевича.
Очерк соц. истории промышл. пролетариата Выксунск. района. С. Архангельского.
Рабочие на Ленских золотых приисках (окончание). Ал. Блека.
Прорытие Ново-Ладожского канала. А. Ф. Добрынина.
Рабочие артели. К. Пажитнова.
Из жизни рабочих и служащих на петроградских водопроводах. Макса Гордона.
Из истории крестьянского труда в древней Руси. И. Кулишера.
Сведения о положении крестьян к концу Крымской кампании. Л. А..
Крестьянская промышленность на рубеже прошлого и настоящего в.в. В. К.
К истории крестьянского переселенческого движения. Н. Петровича.
Трудовой быт архангельских инородцев в 18 веке. Т. Ш.

„ТРУД В РОССИИ".

Книга первая. Цена 2 руб.

Промышленная статистика и политика 18 века. И. Полосина.
К истории промышленности и труда 17 в. Г. Новицкого.
Очерк истории труда в России. Н. Рожкова.
Служащие и работные люди у Строгановых в 16—17 в.в. Андр. Введенского.
Поместье и крестьянская крепость. С. Тхоржевского.
К истории ремесл. труда в древней Руси. Вл. Юл. Гессена.
Возникновение пролетариата в Павловском промышлен. районе. С. Архангельского.
Борьба фабрикантов против охраны труда. М. Балабанова.
Движения на Путиловском заводе в 1901—17 г.г. М. Гордона.
Принудительное переселение бобылецких крестьян. Н. Петровича.
На постройке и эксплоатации жел. дорог. А. Добрынина.
Несвободное состояние крестьян и прекращение перехода в 16—17 в.в. И. Кулишера.
Очерк развития рабочей потребит. кооперации. К. Пажитнова.
Кочевые инородцы на работе в начале 19 в. А. Чулошникова.
Отхожие промыслы крестьян (90-е годы). В. Колпенского.
Двенадцать книг (содержание десяти книг „Архива истории труда в России" и сборн. „Труд в России"). А. Шебунина.

Книга вторая. Цена 1 р. 50 к.

Кадашевцы, дворцовые ткачи 17 века. К. Базилевича.
Из истории насаждения суконных фабрик в 17 веке. Г. Новицкого.
На казенной Екатеринославской суконной и шелковой фабрике. К. Пажитнова.
Тобольская полотняная фабрика. Евг. Дюбюка.
Пролетариат Сормовского промышл. района. С. Архангельского.
Рабочие и крестьяне на Дону в 18 веке. С. Тхоржевского.
Из истории промышл. труда в 16—17 в.в. И. Кулишера.
Из быта еврейских ремесленников в 1-й половине 19 века. С. Ромбаха.
Принудительный труд на путях сообщения. А. Добрынина.
Переселение государств. крестьян в Сибирь в начале 19 в. Н. Петровича.
Казна, уделы и крестьяне на севере перед революцией 1917 г. М. Мартынова.
Волость и ее закрепощение. М. Островской.
Из литературы по истории рабочего класса в России. С. Тхоржевского.

Цена 80 коп.

ИЗДАНИЯ

Ленинградского Губернского Совета Профессиональных Союзов

Редакционно-Издательский Отдел. Дворец Труда (2-й эт.).

Журнал „*Архив истории труда в России*": кн. 1-ая распродана; кн. 2-ая, 3-ья, 4-ая и 5-ая по 60 коп.; кн. 6—7-ая—1 р.; кн. 8-ая, 9-ая и 10-ая по 1 р. 40 к.

Исторические сборники „*Труд в России*": кн. 1-ая—2 р.; кн. 2-ая—1 р. 50 к.

Малая энциклопедия профессионального движения и труда. Цена 3 р. 50 к.

Н. Ленин.—Профессиональное движение. 2-ое изд. Цена 80 к.

И. Майский. — Професс. движение на Западе. Основные типы. Цена 1 р. 60 к.

В. В. Святловский. — История профессионального движения в России. 2-ое изд. Цена 1 р. 80 к.

А. Гастев.—Професс. союзы и организация труда. Цена 45 к.

Н. Глебов (Авилов).—Профессиональные союзы и Советское государство. Цена 50 коп. (Распродано).

Н. Глебов-Авилов.—Петроградские проф. союзы на страже интересов рабочих. Цена 60 к. (Распродано).

Э. Гершензон.—Пролетарские кассы взаимопомощи. Цена 50 коп.

Макс Гордон.—Очерк экономической борьбы рабочих в России (3-ье изд. Цена 80 к.

Н. Подкопаев.—Основы физиологии в применении к научной организации труда. 2-ое изд. Цена 90 коп.

Я. А. Канторович.—Коллективный договор. 2-е изд. Цена 70 к.

К. Пажитнов.—Из истории рабочих артелей на Западе и в России. От утопистов до наших дней. Цена 1 р. 20 к.

М. Лейсин.—Легкая атлетика для начинающих. Цена 40 к.

Э. Крадман и М. Собецкий.—Физическая культура зимой. Ц. 60 к.

А. Мендельсон.—На пьяном фронте. Цена 25 к.

С. Лозинский.—Из истории классовой борьбы. Греция и Рим. Ц. 45 к.

Г. Вейнберг.—Что такое тарифное соглашение, тарифная ставка, товарный рубль и тарифная сетка. Второе издание (Распродано).

И. М. Кулишер.—Очерк истории русской промышленности (Распрод.).

М. Гордон.—Наглядная таблица мирового профессионального движения. 2-ое изд. Цена 25 коп.

Л. Н. Михалевский.—Основы экономики труда. Фабричный рабочий и его бюджет. Цена 1 р. 25 к. (Распродано).

М. Солодникова.—Рабочий в свете статистики. Ц. 25 к. (Распродано).

Д-р П. Вакс.—Труд и отдых рабочих. Обеденный перерыв. Цена 25 к. (Распродано).

СКЛАД и ПРОДАЖА ИЗДАНИЙ:
в книжных магазинах
Ленинградского Губ. Совета Профессиональных Союзов
1) Просп. Володарского, д. № 31 телеф. 5-98-55.
2) Площадь Труда, д. № 1-39 „ 6-19-18.

